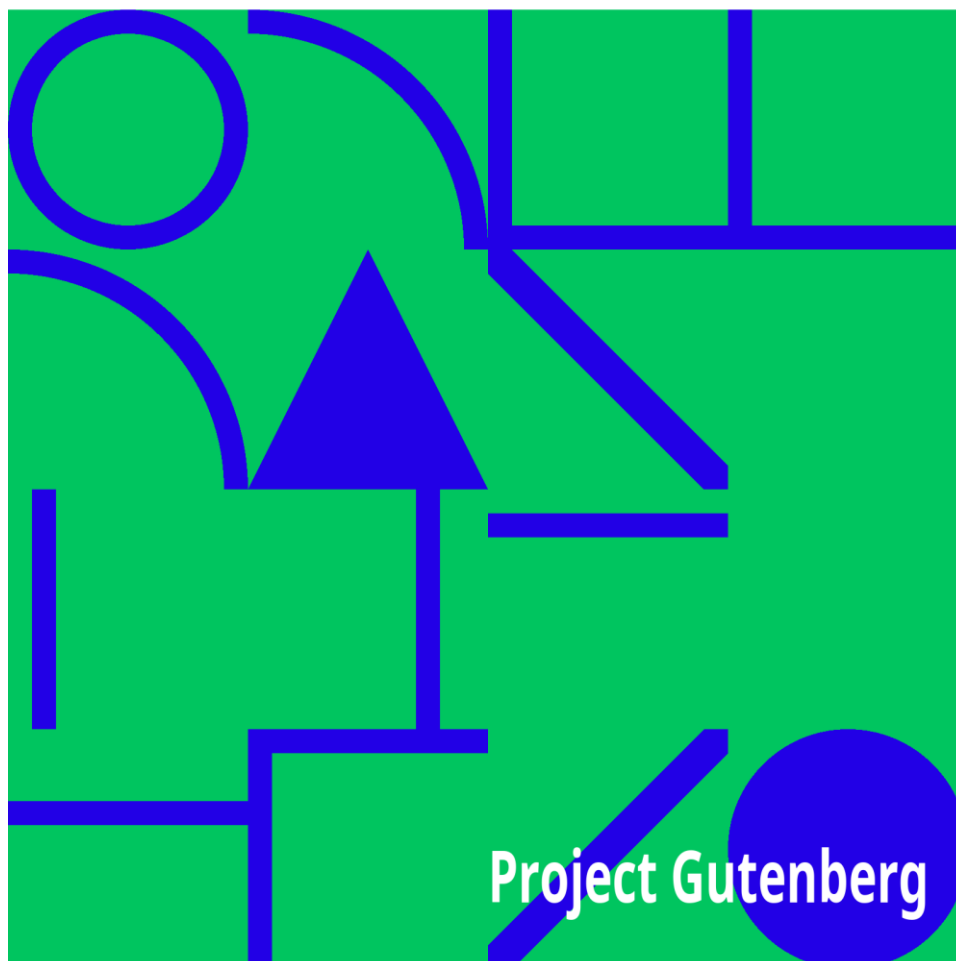

Вильгельм Завоеватель. Творцы истории

Джейкоб Эбботт

William the Conqueror

Jacob Abbott

The Project Gutenberg eBook of William the Conqueror.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Вильгельм Завоеватель

Автор: Джейкоб Эбботт

Дата выхода: 20 июня 2008 [eBook #25848]

Последнее обновление: 3 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Д. Александером и Online Distributed Proofreading Team at <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK WILLIAM THE CONQUEROR ***

Творцы истории

Вильгельм Завоеватель

АВТОР: ДЖЕЙКОБ ЭББОТТ

С ГРАВЮРАМИ

НЬЮ-ЙОРК И ЛОНДОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО ХАРПЕР И БРАТЯ

1902

В соответствии с Актом Конгресса в тысяча восемьсот сорок девятом году
восемьсот сорок девятом году, издательством "Харпер и братья",
в канцелярии окружного суда Южного округа
Нью-Йорка.

Copyright, 1877, by Jacob Abbott.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Выбирая темы для последующих томов этой серии, автор стремился найти имена тех великих личностей, чья история представляет собой полезное, а не просто развлекательное знание. Есть имена, которые знакомы, как имена, всему человечеству; и каждый человек, стремящийся к какой-либо степени умственного развития, испытывает желание ознакомиться с основными положениями их истории, чтобы знать, вкратце, что именно в их характерах или их поступках дало им столь широкую известность. Эти знания, которые, кажется, должен получить каждый в отношении таких личностей, как Ганнибал, Александр, Сезар, Клеопатра, Дарий, Ксеркс, Альфред, Вильгельм Завоеватель, королева Елизавета и Мария, королева шотландская, - цель и задача этих томов - передать в достоверной и, в то же время, если возможно, привлекательной манере. Следовательно, выбраны только великие исторические имена, и целью писателя было представить выдающиеся и ведущие черты их характеров и все важные события их жизни в смелой и свободной манере, и в то же время простым и понятным языком, который так необходим в работах, нацеленных на постоянную и практическую пользу.

СОДЕРЖАНИЕ.

Глава	Страница
I. НОРМАНДИЯ	13
II. РОЖДЕНИЕ УИЛЬЯМА	31
III. ПОМОЩЬ	51
IV. ПРАВЛЕНИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА В НОРМАНДИИ	72
V. БРАКОСОЧЕТАНИЕ	96
VI. ЛЕДИ ЭММА	119
VII. КОРОЛЬ ГАРОЛЬД	142
VIII. ПОДГОТОВКА К ВТОРЖЕНИЮ	164
IX. ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ КАНАЛ	189
X. БИТВА ПРИ ГАСТИНГСЕ	212
XI. ВОССТАНИЕ ПРИНЦА РОБЕРТА	242
XII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	265

ГРАВЮРЫ.

	СТРАНИЦА
КАРТА - ПОЛОЖЕНИЕ НОРМАНДИИ	14
ВИЛЬЯМ И АРЛОТТА	40
ПОБЕГ ВИЛЬЯМА	77
ГОБЕЛЕН ИЗ БАЙЁ	102
СПАСЕНИЕ	127
БЕСЕДА ГАРОЛЬДА С ЭДВАРДОМ	147
ВИЛЬЯМ ПОЛУЧАЕТ ИЗВЕСТИЕ ОТ ТОСТИГА	166
КАРТА-НОРМАНДИЯ	190
НОРВЕЖЦЫ В СКАРБОРО	218
ЛОШАДЬ ВИЛЬЯМА, НАСТУПАЮЩАЯ НА УГЛИ	281

ВИЛЬЯМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ.

Глава I.

Нормандия.

870-912 ГГ. Н.Э.

Нормандское завоевание.

Претензии Вильгельма на трон.

Право сильнейшего.

Одним из тех великих событий в английской истории, которые происходят с большим интервалом и образуют, соответственно, своего рода рубеж или веху, на которую ссылаются все остальные события, предшествующие или следующие за ними на протяжении веков, является то, что называется Нормандским завоеванием. Нормандское завоевание - это, по сути, восшествие Вильгельма, герцога Нормандского, на английский престол. Это воцарение не было исключительно делом военной силы, поскольку Вильгельм претендовал на трон, который, если и не был полностью совершенным, то, как он утверждал, во всяком случае, превосходил права принца, против которого он боролся. Правомерность его притязаний, однако, не имела особого значения, за исключением того, что моральное влияние этого права помогло ему завладеть троном. В те времена право на власть было более открытым и неприкрытым, хотя и не более реальным, чем сейчас, правом сильнейшего.

Карта Нормандии.

Нормандия, родная земля Вильгельма, - очень богатая и красивая провинция на севере Франции. На карте ниже показано ее положение:

Карта Англии и части Франции с указанием положения Нормандии.

Ла-Манш.

Природа французского побережья.

Природа английского побережья.

Как видно на карте, Нормандия находится на побережье Франции, примыкая к Ла-Маншу. Ла-Манш здесь имеет неправильную форму, но его ширина может составлять в среднем сто миль. Линия побережья на южной стороне Ла-Манша, которая, конечно же, является северной границей Нормандии, представляет собой гряду скал, которые почти перпендикулярно направлены к морю, и которые угрожающе нависают над каждым кораблем, плывущим вдоль берега. То тут, то там, правда, река открывает себе проход среди этих скал изнутри, и устья этих рек могли бы стать гаванями, в которые корабли могли бы заходить с берега, если бы не северо-западные ветры, которые преобладают так часто и гонят на берег такие непрерывные волны, что они загромождают все эти устья, а также все естественные углубления суши, отмелями и песчано-галечными барьерами. Иначе обстоит дело с северным, или английским, берегом этого знаменитого канала. Там гавани, образованные устьями рек или изгибами берега, открыты и доступны, и в то же время защищены от ветров и моря. Таким образом, в то время как северный или английский берег на протяжении многих веков постоянно манил моряков войти и выйти через спокойные, глубокие и защищенные воды, которые там проникают в сушу, южная сторона была почти непроходимым барьером, состоящим из длинной линии нахмуренных скал, каждый проем в которых загроможден отмелями и песчаными валами, и охраняется перекатами и грохотом прибоя, который едва ли когда-либо успокаивается.

Северяне и датчане.
Характер северян.
Их потомки.

В значительной степени именно благодаря этим большим физическим различиям между двумя берегами люди, живущие на одном берегу, хотя и имеют одинаковое происхождение с теми, кто живет на другом, так сильно превосходят их в военно-морских подвигах и силе. Они действительно одного происхождения, поскольку и Англия, и северная часть Франции были захвачены и заселены так называемой скандинавской расой, то есть выходцами из Норвегии, Дании и других стран Балтики. В историях тех времен эти люди назывались *северянами*. Тех, кто высадился в Англии, обычно называют *датчанами*, хотя лишь небольшая их часть действительно прибыла из Дании. Однако все они принадлежали к одному и тому же роду и обладали теми же качествами - мужеством, энергией, бесстрашием и любовью к приключениям и опасностям, которые отличают их потомков в наши дни. В те ранние времена они спускались в больших военных полчищах и на пиратских кораблях через Германский океан и различные британские моря, преодолевая все трудности и все мыслимые опасности, чтобы найти новые регионы для проживания, более благоприятные, плодородные и богатые, чем их родной северный климат. В наши дни они проявляют такую же энергию и переносят такие же лишения и трудности, охотясь на китов в Тихом океане, захватывая Индию и ее источники богатства и власти или отправляясь целыми флотилиями авантюристов за раз, чтобы обогнуть более половины земного шара, чтобы копать золото в Калифорнии. Времена и обстоятельства изменились, но раса и дух остались прежними.

Герцоги Нормандии.

Нормандия получила свое название от северян. Это была провинция Франции, которую северяне сделали своей. Они получили доступ к ней с моря по реке Сене, которая, как видно из карты, протекает как бы через сердце страны. Нижняя часть этой реки и море вокруг ее устья сильно захламлины песком и гравием, которые волны веками вымывали в море. Их непрекращающаяся индустрия привела бы к полному закрытию прохода, если бы не то, что воды реки должны иметь выход; и таким образом, течение, выходя наружу, ведет вечную войну с прибоем и волнами, которые постоянно врываются внутрь. Однако экспедиции северян находили путь через все эти преграды. Они поднялись по реке на своих кораблях и, наконец, обосновались в этой стране. К тому времени, когда начинается наша история, они уже несколько столетий владели этой страной: провинцией управляла целая череда принцев - почти, если не совсем, независимых государей, называемых *герцогами Нормандии*.

Первый герцог - Ролло.

Первым герцогом Нормандии и основателем рода - вождем, который первоначально вторгся в страну и завоевал ее, - был дикий и полудикий герой с севера по имени *Ролло*. В истории его часто называют Ролло Датчанином. Его родиной была Норвегия. Он был там вождем по происхождению и, будучи диким и авантюрным, собрал группу последователей и совершил с ними столько пиратств и грабежей, что король страны в конце концов изгнал его.

История Ролло.

Ролло, похоже, не считал это изгнание большим бедствием, поскольку, далеко прервав его карьеру пирата и грабителя, оно лишь расширило поле, на котором он должен был ее продолжать. Соответственно, он увеличил оснащение и силу своего флота, набрал больше последователей и отправился в плавание через северную часть Немецкого океана к британским берегам.

Его встреча на шотландском побережье.
Экспедиция Ролло.

У северо-западного побережья Шотландии есть несколько групп гористых и мрачных островов, которые в разные эпохи служили убежищем для беглецов и разбойников. Ролло выбрал эти острова местом своего пребывания и нашел там множество других таких же духов, которые бежали в эти одинокие убежища, некоторые из-за политических беспорядков, в которые они были вовлечены, а некоторые - из-за своих преступлений. Порывистый, пылкий и уверенный в себе характер Ролло вдохновил их с новой силой и рвением. Они сплотились вокруг него как вокруг своего лидера. Почувствовав, что его силы растут, он задумал сконцентрировать все силы, которыми мог командовать, и организовать грандиозную экспедицию, чтобы отправиться на юг и попытаться найти какую-нибудь приятную страну, которую они могли бы захватить, поселиться в ней и сделать своей. Отчаянные авантюристы, окружавшие его, готовы были принять участие в этой затее. Флот был переоборудован, снабжен провизией и снаряжен. Экспедицию организовали, снабдили оружием и боеприпасами, и когда все было готово, отплыли. У них не было определенного плана относительно места назначения, они намеревались устроить себе дом на первом же благоприятном месте, которое найдут.

Вступление во Фландрию.
Трудности, с которыми пришлось столкнуться.

Они двинулись на юг, проплывая сначала вдоль побережья Шотландии, а затем Англии. Они предприняли несколько бесплодных попыток высадиться на английских берегах, но везде получали отпор. Время, когда происходили эти события, пришлось на правление Альфреда Великого. Благодаря мудрым и эффективным мерам Альфреда вся его граница была приведена в идеальное состояние обороны, и Ролло понял, что надежды на него здесь нет. Поэтому он двинулся к Дуврскому проливу, но, прежде чем миновать его, вышел к побережью Фландрии. Здесь находилась страна под названием Хайно. Ею управлял правитель по имени граф Хайно. Ролло выступил против него войной, победил его в бою, взял в плен, а затем заставил графиню, свою жену, собрать и выплатить ему огромную сумму в качестве выкупа. Так он пополнил свою казну подвигом, который в те времена считался очень великим и славным. Совершить такой поступок в наши дни, если только он не был *очень* масштабным, означало бы навлечь на себя всеобщее порицание человечества; но Ролло, совершив его тогда, не только обогатил свою казну, но и приобрел очень широкую и почетную славу.

Ролло проходит Дуврский пролив.

По тем или иным причинам Ролло не стал пытаться окончательно завладеть Иено, а, получив деньги за выкуп и пополнив боеприпасы и запасы, отплыл со своим флотом и, повернув на запад, прошел через Дуврский пролив и двинулся вдоль побережья Франции. Он обнаружил, что страна на французской стороне канала, хотя и была столь же богата и красива, как и противоположный берег, находилась в совершенно ином состоянии обороны. Он вошел в устье Сены. Сначала его смущали трудности судоходства при входе в реку; но поскольку не было сильного врага, который мог бы ему противостоять, он вскоре преодолел эти трудности и, войдя в реку, без труда поднялся в Руан. [\[A\]](#)

Карл Простой.

Тем временем король Франции, которого на сайте звали Карл и которого в истории принято обозначать как Карла Простого, начал собирать армию, чтобы встретить захватчика. Однако

Ролло успел овладеть Руаном до того, как Карл смог оказать ему действенное сопротивление. Руан и так был сильным городом, но Ролло сделал его еще сильнее. Он расширил и отремонтировал укрепления, построил склады, разместил гарнизон, словом, сделал все необходимое, чтобы обеспечить неприступную позицию для себя и своей армии.

Поражение от Ролло.

Между Ролло и Карлом шла долгая и упорная война, в которой Ролло почти всегда побеждал. Ролло становился все более гордым и властным в зависимости от своих успехов. Он гонял французского короля из порта в порт и с поля на поле, пока не стал хозяином значительной части севера Франции, где постепенно установил собственное регулярное правительство. Карл тщетно пытался противостоять этим посягательствам. Ролло постоянно наносил ему поражения; в конце концов он запер его и осадил в самом Париже. В конце концов Карл был вынужден вступить в переговоры о мире. Ролло потребовал, чтобы большая и богатая территория по обе стороны Сены, рядом с морем - , которая сейчас составляет Нормандию, - была уступлена ему и его сторонникам в постоянное владение. Карл крайне не хотел отчуждать часть своего королевства. Он не согласился бы уступить его полностью и абсолютно, чтобы сделать его независимым королевством. Это должно быть *герцогство*, а не отдельное *королевство*, чтобы оно оставалось частью его собственных королевских владений - Ролло должен был править им как герцог и признать общую верность французскому королю. Ролло согласился на это. Война затянулась настолько, что он сам начал желать отдыха. Со времени его высадки на берег прошло более тридцати лет.

Мирный договор.

Его условия.

Три церемонии.

У Карла была дочь Жизель, и по условиям мирного договора она должна была стать женой Ролло. Он также согласился стать христианином. Таким образом, во исполнение договора необходимо было совершить три церемонии. Во-первых, Ролло должен был *оказать дань уважения*, как это называлось, своему герцогству; в те времена существовал обычай, согласно которому подчиненные князья, владевшие своими владениями под властью более высокого и строгого суверена, должны были совершать определенные церемонии в присутствии своего вышестоящего повелителя, что и называлось оказанием почтения. В разных странах эти церемонии были разного рода, но все они были призваны выразить подчинение зависимого князя высшему авторитету и власти вышестоящего повелителя, у которого он держал свои земли. Поэтому акт почтения должен был быть совершен, за ним должно было последовать крещение, а после крещения - брак.

Гордость Ролло.

Однако когда пришло время совершить первую из этих церемоний и все великие вожди и правители соответствующих армий собрались, чтобы засвидетельствовать ее, Ролло, как выяснилось, не захотел подчиниться тому, чего требовали обычаи французской монархии. Он должен был преклонить колени перед королем и положить свои руки, сцепленные вместе, между его руками в знак покорности, а затем поцеловать его ногу, которую в таких случаях закрывали изящной туфелькой. Ролло делал все, кроме последнего, но никакие уговоры, настоятельные просьбы и угрозы не могли заставить его согласиться.

И все же в те времена это не было необычным знаком или символом политического подчинения суверенной власти. Папа требовал этого даже от императора за сто лет до того; и этот сановник продолжает это делать и по сей день, в определенных государственных

случаях; хотя в случае с папой на тувельке, которую целует коленопреклоненный монах, вышит *крест*, так что тот, кто смиряется с этой церемонией, может считать, если ему угодно, что он так благоговейно целует именно этот священный символ страданий и смерти Божественного Искупителя, а не человеческую ногу, которой она покрыта.

Поцелуй королевской ноги.

Ролло никак не удавалось заставить согласиться самому поцеловать ногу короля Карла; в конце концов, трудность была решена тем, что он согласился сделать это по доверенности. Он приказал одному из своих придворных исполнить эту часть церемонии. Придворный повиновался, но когда он подошел, чтобы поднять ногу, то сделал это так грубо и поднял ее так высоко, что монарх перевернулся со своего места. Это вызвало смех, но Ролло был слишком влиятелен, чтобы Чарльз мог подумать о том, чтобы обидеться.

Крещение и брак.

Мирное и благополучное правление Ролло.

Через несколько дней после этого Ролло был крещен в соборной церкви Руана, с большой помпой и парадом; а на следующей неделе состоялась его свадьба с Жизелью. Военный шум, в котором он прожил более тридцати лет, сменился праздником и ликованием. Он вступил в полное и мирное владение своим герцогством, управлял им в оставшиеся дни с великой мудростью и жил в большом достатке. Он сделал его одним из самых богатых и процветающих королевств в Европе и заложил основы еще более высоких степеней величия и могущества, которые постепенно развивались после его смерти. Так возникла Нормандия.

Описание Нормандии.

Пейзажи.

Гамлеты.

Замки.

Крестьянство.

Общественные дороги.

Таким образом, оказывается, что эта часть Франции была захвачена Ролло и его северянами отчасти потому, что она находилась ближе всего к ним, будучи доступной из Ла-Манша через реку Сену, а отчасти из-за ее огромного богатства и плодородия. Во все века он славился как сад Франции, и в наши дни путешественники с величайшим восхищением и удовольствием любят его живописными и красивыми пейзажами. И все же пейзажи, которые открываются взору, совершенно не похожи на те, что представляют собой живописные и красивые сельские пейзажи в Англии и Америке. В Нормандии земля не огорожена. Ни изгороди, ни заборы, ни стены не нарушают непрерывности поверхности, но огромные участки простираются во всех направлениях, разделенные на участки и квадраты, различных размеров и форм, разнообразиями культивации, подобно огромному ковру с неправильным мозаичным узором, и варьируются в цвете тысячей оттенков коричневого и зеленого. То тут, то там простираются обширные леса, где бесчисленные тысячи деревьев, хотя и древних и почтенных по форме, стоят рядами, математически выстроенными, как они были посажены много веков назад. Это и королевские поместья, и охотничьи угодья, и парки, связанные с загородными дворцами королей или замками древней знати. Земледельцы живут не в маленьких фермерских домиках, как в Америке, построенных вдоль обочин дорог и усеивающих склоны холмов, а в компактных деревнях, состоящих из старинных домов из кирпича или камня, плотно прилегающих друг к другу вдоль одной улицы, из которой каждое утро выходят рабочие в живописных платьях, мужчины и женщины вместе, чтобы пройти несколько миль, возможно, до места своего ежедневного труда. Кроме этих деревень и

изредка встречающихся старинных замков, здесь не видно никаких жилищ. Страна кажется огромным одиночеством, однако повсюду царит плодородие и красота. Дороги, пересекающие эти места, представляют собой великолепные проспекты, широкие, прямые, на протяжении многих миль продолжающие свой неизменный путь по волнистой местности, и ничто не отделяет их от простора возделываемых и плодоносящих земель по обе стороны, кроме рядов древних и почтенных деревьев. Между этими рядами деревьев путешественник видит бесконечную перспективу, простирающуюся как перед ним, так и позади него. В Англии общественная дорога прекрасно петляет между стенами, поросшими кустарником, или живыми изгородями, со шпильями или воротами, то тут, то там открывающими деревушки или коттеджи, которые появляются и исчезают в быстрой и бесконечно разнообразной череде, по мере того как дорога, подобно речушке, извивается между своими прекрасными берегами. Одним словом, общественная дорога в Англии прекрасна, во Франции - великолепна.

Руан.

Его расположение.

Порт Руана.

Его название Гавр де Грейс.

Крупнейшим городом Нормандии в наши дни является Руан, расположенный, как видно из карты, приведенной в начале этой главы, на Сене, на полпути между Парижем и морем. В устье Сены, или, скорее, на северном берегу устья, которое образует устье реки, находится небольшой залив, который, как выяснилось, в целом предоставляет лучшие условия для гавани, которые можно найти на всем побережье. Однако даже этот маленький порт настолько занесен песком, что, когда вода отступает во время отлива, судно оказывается на мели. На самом деле, бухта, вероятно, заполнилась бы полностью, если бы не искусственные меры, принятые для предотвращения этого. На есть шлюзы и ворота, построенные таким образом, чтобы удерживать большой объем воды, пока не спадет прилив, а затем эти ворота открываются, и вода устремляется наружу, унося с собой ил и песок, которые начали накапливаться. Эта гавань, в целом лучшая и самая удобная на побережье, называлась гаванью, или, как выражались французы на своем языке, *le havre*, слово *havre* означает гавань. На самом деле название было полным *le havre de grace*, как будто норманны считали особой удачей иметь в устье своей реки хотя бы такой шанс на гавань. Однако англичане исключили из этого длинного обозначения все слова, кроме главного, и называют порт просто Гавром.

Смешение рас.

Превосходство норманнской расы.

От Ролло линия герцогов Нормандии непрерывно продолжалась до времен Вильгельма, то есть около ста пятидесяти лет. Страна все время росла в богатстве, населении и процветании. Однако коренные жители не были изгнаны; они оставались крестьянами, пастухами и земледельцами, в то время как нормандские вожди оседали над ними, владея по отдельности большими земельными владениями, которые им пожаловал Вильгельм. Постепенно расы смешались, хотя в течение многих веков продолжали демонстрировать превосходный дух и энергию, которые были вложены в население нормандским народом. По мнению многих наблюдателей, это превосходство сохраняется и по сей день.

Глава II.

Рождение Вильгельма.

912-1033 ГГ. Н.Э.

Замок в Фалезе.

Нынешние руины замка.

Хотя Руан по величине и значению стоит далеко впереди всех остальных городов Нормандии, и хотя Ролло, завоевывая страну, сделал его своей главной штаб-квартирой и главным опорным пунктом, в последующие годы он не оставался исключительно резиденцией герцогов Нормандии. Отцом Вильгельма Завоевателя был Роберт, ставший впоследствии герцогом, шестым в роду. В то время, когда родился Вильгельм, он жил в большом замке в Фалезе. Фалез, как видно на карте, находится к западу от Руана и, как и Руан, стоит на некотором расстоянии от моря. Замок был построен на холме, на небольшом расстоянии от города. Он уже давно перестал быть пригодным для жизни, но его руины до сих пор сохранились, придавая живописную, но скорбную красоту возвышенности, которую они венчают. Их часто посещают путешественники, которые едут посмотреть на место, где родился великий герой и завоеватель.

Пейзаж города и замка.

Стена и здания.

Сторожевые башни.

Часовые.

Очаровательная перспектива.

Холм, на котором стоит старый замок, с одной стороны, у подножия крепостных стен, заканчивается обрывом скал, а с двух других сторон, кроме того, подъем слишком крут, чтобы быть удобным для врага. С четвертой стороны есть более пологий склон, по которому к крепости можно было подойти по извилистой дороге. У подножия этой дороги находился город. Подъезд к крепости со стороны города защищали ров и разводной мост, а с каждой стороны ворот стояли мощные башни для защиты подступов. По долине, недалеко от города, протекал красивый ручей, который, миновав его, исчезал, огибая подножие пропасти, которую венчал замок. Входы в замок были закрыты каменными стенами огромной толщины; они были настолько толстыми, что некоторые апартаменты были встроены в тело стены. Внутри замка находились различные здания. В частности, одна большая квадратная башня высотой в несколько этажей, построенная из белого камня. Говорят, что эта башня до сих пор хорошо сохранилась. В ней находилась часовня, а также другие здания и апартаменты, предназначенные для герцогской семьи и их многочисленной свиты слуг и прислуги, для хранения военного снаряжения и для гарнизона. По углам стен и на различных выступающих пинаклях возвышались сторожевые башни, где одинокие дозорные день и ночь следили за приближением опасности. Эти часовые смотрели вниз на широкие просторы богатой возделанной земли, на поля, украшенные рощами деревьев и разнообразными цветами, представленными меняющейся растительностью, а среди них сверкали серебристым сиянием меандрирующие ручьи, и тут и там были разбросаны деревушки рабочих и крестьян, придавая сцене жизнь и оживление.

Хронологическая история норманнской линии.

Мы уже говорили, что отцом Вильгельма был Роберт, шестой герцог Нормандии, так что сам Вильгельм, будучи его непосредственным преемником, был седьмым в этой линии. И поскольку цель этих повествований - не просто развлечь читателя занимательной сказкой, а передать ему основательные исторические знания, мы должны подготовить почву для рассказа о рождении Вильгельма, представив краткий хронологический обзор всей герцогской линии, начиная с Ролло и заканчивая Вильгельмом. Мы рекомендуем читателю с особым вниманием изучить этот краткий рассказ о родословной Вильгельма, поскольку истинные причины, приведшие к вторжению Вильгельма в Англию, не могут быть полностью оценены без глубокого понимания некоторых важных сделок, в которых некоторые члены семьи его предков были замешаны еще до его рождения. В частности, это касается леди Эммы, которая, как будет видно из нижеследующего краткого описания, была сестрой третьего герцога в роду. Необычная и богатая событиями история ее жизни настолько тесно связана с последующими подвигами Вильгельма, что необходимо рассказать о ней во всех подробностях, и она, соответственно, станет темой одной из последующих глав этого тома.

Хронологическая история норманнской линии.

Ролло, первый герцог Нормандии.

С 912 по 917 гг. н.э.

Ролло.

Около 870 года Ролло был изгнан из Норвегии, а спустя несколько лет после этого, не более, он высадился во Франции. Однако только в 912 году он заключил мирный договор с Карлом, чтобы получить титул герцога Нормандии.

В это время он был уже в преклонном возрасте и, потратив пять лет на улаживание дел своего королевства, передал герцогство в руки сына, чтобы провести остаток своих дней в покое и мире. Он умер в 922 году, через пять лет после отставки.

Вильгельм I., второй герцог Нормандии.

С 917 по 942 год.

Вильгельм I., второй герцог.

Вильгельм был сыном Ролло. Он начал править, разумеется, за пять лет до смерти отца. Его спокойное и благополучное правление длилось около двадцати пяти лет, но в конце концов он был убит политическим врагом в 942 году.

Ричард I., третий герцог Нормандии.

С 942 по 996 год.

Ричард I, третий герцог.

Ему было всего десять лет, когда был убит его отец. Он ввязался в долгую и тяжелую войну с королем Франции, что вынудило его призвать на помощь еще больше северян с Балтики. В итоге новые союзники доставили ему столько же хлопот, сколько и старый враг, с которым они пришли помочь Вильгельму бороться; и ему было очень трудно их прогнать. В конце концов он хотел заключить мир с французским королем и заставить их покинуть его владения, но они сказали: "Они пришли не за этим".

У Ричарда родилась прекрасная дочь по имени Эмма, которая впоследствии стала очень важной политической персоной, о чем подробнее будет рассказано в одной из последующих глав.

Ричард умер в 996 году, процарствовав пятьдесят четыре года.

Ричард II, четвертый герцог Нормандии.

С 996 по 1026 год.

Ричард II, четвертый герцог.

Ричард II был сыном Ричарда I, и поскольку его отец во время своего правления был вовлечен в борьбу со своим суверенным повелителем, королем Франции, он, в свою очередь, был измучен длительной борьбой со своими вассалами, баронами и дворянами своего собственного королевства. Он также послал за северянами, чтобы те пришли и помогли ему. Во время его правления в Англии шла великая борьба между саксами и датчанами, и Этельред, который был саксонским претендентом на трон, прибыл в Нормандию и вскоре после этого женился на леди Эмме, сестре Ричарда. Подробности этого события, которое впоследствии имело самые серьезные последствия, будут подробно описаны в одной из следующих глав. Ричард умер в 1026 году. Он оставил двух сыновей, Ричарда и Роберта. Вильгельм Завоеватель был сыном младшего из них и родился за два года до смерти Ричарда II.

Ричард III, пятый герцог Нормандии.

С 1026 по 1028 год.

Ричард III, пятый герцог.

Интриги Роберта.

Он был старшим братом и, разумеется, наследовал герцогство. Его брат Роберт был тогда всего лишь бароном, а его сыну Вильгельму, впоследствии Завоевателю, было около двух лет. Роберт был очень амбициозен и честолюбив, он стремился сам завладеть герцогством. Он использовал все возможные средства, чтобы обойти и вытеснить своего брата, и, как предполагается, сократил свои дни из-за беспокойства и досады, которые он ему причинял; ведь Ричард внезапно и загадочно умер всего через два года после своего воцарения. Некоторые предполагали, что он был отравлен, хотя удовлетворительных доказательств этому так и не было найдено.

Роберт, шестой герцог Нормандии.

С 1028 по 1035 год.

Становится шестым герцогом.

Роберт и Генрих.

Роберт, конечно же, стал преемником своего брата, а затем, с характерной непоследовательностью эгоизма и честолюбия, использовал всю мощь своего королевства, чтобы помочь королю Франции покорить своего младшего брата, который проявлял тот же самый дух мятежности и непокорности, что и он сам. Его помощь была очень важна для короля Генриха; она фактически решила исход поединка в его пользу; таким образом, один младший брат был усмирен в самом начале своей карьеры буйства и мятежа другим, который

успешно совершил точно такое же преступление. Король Генрих был очень благодарен за оказанную ему услугу и был готов все, что в его силах, в любое время сотрудничать с Робертом в планах, которые тот мог разработать. Роберт умер в 1035 году, когда Уильяму было около одиннадцати лет.

На этом мы заканчиваем краткий обзор истории герцогской линии, поскольку мы уже прошли период рождения Вильгельма, и, соответственно, возвращаемся, чтобы подробно рассказать о некоторых деталях этого события.

Арлотта.

Вильгельм и

Мать Вильгельма.

Хотя герцоги Нормандии были очень могущественными властями, правя, как они это делали, почти в образе независимых государей, над одной из самых богатых и густонаселенных территорий земного шара, и хотя Вильгельм Завоеватель был сыном одного из них, его рождение, тем не менее, было весьма неблагородным. Его мать была не женой Роберта, а бедной крестьянкой, дочерью скромного кожевника из Фалеза; да и сам отец Вильгельма, Роберт, в это время был не герцогом, а простым бароном, поскольку его отец был еще жив. Не было даже уверенности в том, что он когда-нибудь станет герцогом, поскольку его старший брат, который, конечно же, должен был прийти раньше него, тоже был тогда жив. Тем не менее, как сын и потенциальный наследник правящего герцога, он занимал очень высокое положение.

Первая встреча Роберта с Арлоттой.

Он очарован.

Обстоятельства первого знакомства Роберта с дочерью кожевника были таковы. Однажды он возвращался домой в замок из какой-то экспедиции, в которую его отправил отец, и увидел группу крестьянских девушек, которые стояли на берегу ручья и стирали одежду. Они были босиком, а их одежда была в других отношениях растрепанной. Среди них была одна по

имени Арлотта, [B] дочь городского кожевника, чей облик и фигура, похоже, пленили молодого барона. Он смотрел на нее с восхищением и удовольствием, когда ехал рядом. Цвет ее лица был светлым, глаза - полными и голубыми, а выражение лица - откровенным, открытым и счастливым. Пока Роберт проезжал мимо, она радостно и весело болтала со своими спутниками, мало задумываясь о том, какое видное место на страницах английской истории ей предстоит занять в будущем в связи с проезжавшим мимо красавцем-всадником.

Роберт посылает за Арлоттой.

Этикет королевских и герцогских дворцов и замков в те времена, как и сейчас, запрещал знатым особам столь высокого ранга жениться на крестьянской девушке. Поэтому Роберт не мог взять Арлотту в жены; но ничто не мешало ему предложить ей приехать в замок и жить с ним - ничто, кроме закона Божьего, а это был авторитет, к которому герцоги и бароны в Средние века привыкли относиться очень мало. Не было даже общественных настроений, чтобы запретить это, потому что дворянство, подобное тому, что было в Англии и Франции в Средние века, настолько возвышалось над всей массой общества, что едва ли поддавалось обычным ограничениям и обязательствам социальной жизни. И даже в наши дни в тех странах, где существуют герцоги, общественные настроения, кажется, в основном терпят все, что герцоги считают нужным делать.

Угрызения совести ее отца.

Арлотта отправлена в замок.

Как только Роберт прибыл в замок, он послал гонца из своей свиты в деревню к отцу Арлотты, предлагая ей приехать в замок. Отец, по-видимому, испытывал некоторые колебания в отношении своего долга. Говорят, что у него был брат, монах или, скорее, отшельник, который вел жизнь, состоящую из чтения, размышлений и молитв, в уединенном месте недалеко от Фалеза. Отец Арлотта немедленно отправился к этому религиозному затворнику за духовным советом. Монах ответил, что будет правильным исполнить желания столь великого человека, какими бы они ни были. Кожевник, избавленный таким образом от всех совестливых угрызений совести и радуясь открывающемуся приливу благосостояния и знатности, которые он предвидел для своей семьи благодаря любви барона, одел и украсил свою дочь, как агнца для жертвоприношения, и отправил ее в замок.

Привязанность Роберта к ней.

Рождение Уильяма.

Предсказание кормилицы.

Арлотта занимала одну из комнат, выстроенных в толще стены. Она сообщалась дверью с другими квартирами и пристройками, расположенными внутри, а в каменной кладке имелись узкие окна, через которые она могла смотреть на широкие просторы прекрасных полей и лугов, расстилавшихся внизу. Роберт, похоже, любил ее искренне и сильно, и делал все, что было в его силах, чтобы она была счастлива. Однако ее комната не могла быть очень роскошно обставлена, хотя она и была фавориткой в герцогском замке - по крайней мере, так можно судить по тем немногим отрывочным сведениям, которые мы получаем об интерьере из рассказов древних летописцев. Одна из историй гласит, что когда Уильям родился, его первым подвигом было схватить горсть соломы и так цепко держать ее в своем маленьком кулачке, что кормилица с трудом могла ее отнять. Кормилица была в восторге от этой детской

доблести; она посчитала ее предзнаменованием и предсказала, что малыш когда-нибудь отличится тем, что будет хватать и удерживать большие вещи. Это предсказание было бы забыто, если бы в будущем Вильгельм не стал завоевателем Англии. Как бы то ни было, его запомнили и записали, и оно представляет нашему воображению совсем иную картину удобств и комфорта покоев Арлотты, чем те, что предстают перед глазами в герцогских дворцах, где ковры из бархата заглушают шаги на мраморных полах, а фавориты отдыхают под шелковыми балдахинами на пуховых постелях.

Малыша называли Вильгельмом, и он был очень любим своим отцом. Он воспитывался в Фалезе. Через два года после его рождения отец Роберта умер, и на герцогский трон вступил его старший брат, Ричард III. Еще через два года, которые прошли в раздорах между братьями, Ричард тоже умер, и тогда Роберт сам вступил во владение замком от своего имени, правя там всеми городами и владениями Нормандии.

Детство Вильгельма.

Уильяму, конечно, было уже около четырех лет. Он был смелым и красивым мальчиком, и с каждым годом становился все более и более увлекательным. Его отец, вместо того чтобы пренебречь им и отречься от него, как можно было бы предположить, с большой гордостью и удовольствием наблюдал за постепенным развитием его способностей и растущей привлекательностью, и открыто признавал его своим сыном.

Он стал всеобщим любимцем.

На самом деле Уильям был всеобщим любимцем в замке. Когда ему было пять или шесть лет, он очень любил играть в солдатики. Он собирал других мальчишек замка, своих товарищей по играм, в маленький отряд и тренировал их вокруг замковых ворот, как это делают сейчас пылкие и стремящиеся к победе мальчишки со своими товарищами. Он тоже обладал некоторой живостью и силой духа, что уже тогда давало ему преимущество перед своими товарищами по играм. Он придумывал их пьесы, он руководил их шалостями, он разрешал их споры. Одним словом, он обладал темпераментом и характером, которые позволяли ему легко и прочно удерживать положение, которое так естественно занимал сын хозяина замка.

Роберт решает посетить Святую землю.
Опасности путешествия.

Так прошло несколько лет, и наконец Роберт задумал совершить паломничество в Святую землю. Это был план не смиренного благочестия, а честолюбивого стремления к славе. Совершить паломничество в Святую землю было романтическим достижением, которое покрывало того, кто его совершил, некой мрачной славой, которая в случае принца или властителя смешивалась с военной славой, освящала и возвышала его. Роберт решил совершить паломничество. Это было далекое и опасное путешествие. Собственно, трудности и опасности пути, пожалуй, и придавали этому предприятию романтику и очарование. Обычно короли и правители, прежде чем отправиться в путь, улаживали все дела своих королевств, назначали регента, который будет править во время их отсутствия, и определяли своих преемников, чтобы предусмотреть весьма вероятный случай, если они не доживут до возвращения.

Маневрирование среди вождей.

Поэтому, как только Роберт объявил о своем плане паломничества, умы людей сразу же обратились к вопросу о престолонаследии. Роберт никогда не был женат, и, следовательно, у него не было сына, который мог бы стать его преемником. У него было два брата, а также двоюродный брат и некоторые другие родственники, претендовавшие на престол. Все они начали маневрировать среди вождей и знати, каждый пытался подготовить почву для выдвижения своих претензий, в то время как сам Роберт тайне решил, что маленький Уильям должен стать его наследником. Однако он ничего не говорил об этом, но старался всячески превозносить значение своего маленького сына и как можно больше привлекать к нему внимание общественности. Вильгельм, со своей стороны, обладал такой личной красотой и столькими юношескими достижениями, что стал большим любимцем всех дворян, вождей и рыцарей, которые видели его то в замке отца, то вдали от дома, в своих крепостях или городах, куда отец время от времени брал его с собой в своем поезде.

Совет знати.

Роберт объявляет о своем замысле.

В конце концов, когда дела созрели для их завершения, герцог Роберт созвал большой совет из всех подчиненных ему герцогов, графов и баронов своего королевства, чтобы огласить им план своего паломничества. Они съехались со всех концов Нормандии, каждый в великолепной кавалькаде и в сопровождении вооруженной свиты. Когда собрание было созвано, а предварительные формы и церемонии соблюдены, Роберт объявил о своем великом замысле.

Как только он закончил, один из дворян, которого звали Ги, граф Бургундский, поднялся и обратился к герцогу с ответным словом. Ему жаль, сказал он, слышать, что герцог, его кузен, вынашивает такой план. Он опасается за безопасность королевства, когда главного правителя не станет. Все сословия королевства, сказал он, бароны, рыцари, вожди и солдаты всех степеней, останутся без главы.

Он делает Вильгельма своим наследником.

"Не так, - сказал Роберт, - я оставляю тебе вместо себя господина". Затем, указав на красивого мальчика рядом с собой, он добавил: "У меня здесь есть малыш, который, хотя он и мал сейчас, но, как я признаю, вырастет с Божьей милостью, и я очень надеюсь, что он станет храбрым и галантным мужчиной. Я представляю его вам и с этого момента передаю ему **сейзин** [C] герцогства Нормандии в качестве моего известного и признанного наследника. И я назначаю Алана, герцога Бретани, правителем Нормандии от моего имени до моего возвращения, а если я не вернусь, то от имени Вильгельма, моего сына, пока он не достигнет зрелого возраста".

Сюрприз собрания.

Дворяне выражают почтение Вильгельму.

Это объявление застало собравшихся врасплох. Алан, герцог Бретани, который был одним из главных претендентов на наследство, был доволен оказанной ему честью сразу стать правителем королевства и был склонен предпочесть нынешнюю уверенность в том, что он будет править от чужого имени, отдаленной возможности царствовать от своего собственного. Остальные претенденты на наследство были сбиты с толку внезапностью чрезвычайного положения и не знали, что сказать или сделать. Остальные собравшиеся были довольны романтикой, которую вызывало появление прекрасного мальчика у их феодального государя. Герцог сразу же увидел, что все благоприятствует осуществлению его замысла. Он взял мальчика на руки, поцеловал его и поднес к глазам собравшихся.

Вильгельм окинул взглядом стоящих перед ним воинов, одетых в панации. По общему согласию они опустились на колени, чтобы отдать ему дань уважения, а затем принесли клятву в вечной верности его делу.

Вильгельма везут в Париж.

Его представляют французскому королю.

Однако Роберт решил, что было бы не совсем благоразумно оставлять сына на попечение этих соперников, и взял его с собой в Париж, когда отправился в свое паломничество, чтобы устроить его там при дворе Генриха, французского короля, пока сам он будет в отъезде. Юный Уильям был представлен французскому королю в день, отведенный для этой церемонии, с большой помпой и парадом. Король собрал специальный двор, чтобы принять его. Он восседал на троне в величественных апартаментах своего дворца, окруженный вельможами и государственными служащими, великолепно одетыми по этому случаю. В назначенное время вошел герцог Роберт, одетый в одеяние паломника, и повел молодого Уильяма за руку. Его сопровождали рыцари-пилигримы. Роберт подвел мальчика к ногам их общего государя и, преклонив колени, приказал Уильяму тоже преклонить колени, чтобы выразить почтение королю. Король Генрих принял его очень милостиво. Он обнял его и пообещал принять его при своем дворе и как можно лучше заботиться о нем, пока его отец будет в отъезде. Придворные были поражены красотой и благородством мальчика. Его лицо светилось оживленным, но в то же время очень серьезным выражением, поскольку он был несколько потрясен великолепием окружавшей его сцены. Ему самому тогда было девять лет.

Глава III.

Вступление на престол.

1035-1040 гг. Н.Э.

Роберт отправляется в паломничество.

Он посещает Рим и Константинополь.

Проведя некоторое время в Париже, Роберт оставил короля и Вильгельма, его сына, и отправился в паломничество со свитой сопровождающих его рыцарей. На его долю выпало множество приключений, о которых здесь рассказывать не будем, поскольку это история сына, а не отца, о которой пойдет речь в данном повествовании. Хотя он путешествовал строго как паломник, все же с большой помпой и парадом. Посетив Рим и выполнив различные услуги и обязанности, связанные с его паломничеством туда, он отбросил одеяние паломника и, приняв подобающее ему звание великого норманнского вождя, отправился в Константинополь, где выставил напоказ свое богатство и великолепие. Например, во время грандиозной процессии, с которой он входил в Константинополь, он ехал на муле, который, помимо великолепного убранства, был обут в золотые, а не железные башмаки; эти башмаки были специально прикреплены к копытам так слегка, что они стряхивались, когда животное шло, и подбирались населением. Это должно было впечатлить их грандиозными представлениями о богатстве и великолепии всадника. Покинув Константинополь, Роберт вновь облачился в одежду паломника и отправился в Святую землю.

Болезнь Роберта.

Носильщики.

Путешествие, однако, не обошлось без превратностей, обычных для столь долгого отсутствия и столь далекого паломничества. Однажды Роберт заболел и, пролежав некоторое время в лихорадке, настолько восстановил свои силы, что его можно было нести на подстилке с помощью других мужчин, хотя сам он не мог передвигаться ни верхом, ни пешком; что же касается дорожных повозок, то в те времена их еще не изобрели. Поэтому герцога решили везти на санях. В качестве носильщиков было нанято шестнадцать рабов-мавров. Эта компания была разделена на отряды, по четыре человека в каждом, причем несколько отрядов несли ношу поочередно. Роберт и сопровождавшие его рыцари с презрением смотрели на этих черных языческих рабов. Однажды кавалькаду встретил один нормандец, который возвращался домой в Нормандию после совершения паломничества. Он спросил герцога Роберта, нет ли у него послания друзьям на родину. "Да, - ответил тот, - скажи им, что ты видел меня здесь, на пути в рай, которого несли шестнадцать демонов".

Смерть Роберта.

Претенденты на корону.

Роберт добрался до Иерусалима и отправился в обратный путь; вскоре после этого в Париж дошли слухи, что он умер по дороге домой. Рассказы о способе его смерти были противоречивы и неопределенны, но вскоре факт был установлен, и эта новость произвела повсюду большую сенсацию. Вскоре выяснилось, что братья и кузены Роберта, претендовавшие на право стать его преемником по отношению к сыну Уильяму, лишь приостановили свои притязания, но не отказались от них. Они начали собирать свои силы, каждый в своем отдельном домене, и готовиться, если понадобится, выйти на поле боя, чтобы отстоять то, что они считали своими правами на наследство. Одним словом, все клятвы верности Вильгельму были забыты, и каждый претендент намеревался лишь завладеть герцогской короной.

Терольд.

Военное образование Вильгельма.

Тем временем сам Вильгельм находился в Париже, и ему было всего одиннадцать лет. Он получал там тщательное образование и был очень привлекательным и опытным молодым принцем. Но все же он был еще совсем мальчиком. Он находился под присмотром военного воспитателя, которого звали Терольд. Терольд был опытным солдатом, долгое время служившим у короля Франции. Он проявлял большой интерес к успехам своего юного ученика. Он научил его ездить верхом и отрабатывать все приемы верховой езды, которые требовала тактика тех дней. Он также обучил его владению оружием, луком и стрелами, копьем, мечом и копьем, приучил носить и упражняться в стальных доспехах, которыми в те времена вооружались воины, отправляясь на битву. Для молодых принцев, таких как Вильгельм, изготавливали костюмы этих доспехов небольшого размера, которые они привыкли носить наедине во время военных упражнений и тренировок, а также появляться в них на публике в торжественных случаях. Эти железные доспехи были, конечно, очень тяжелыми и неудобными, но, тем не менее, молодые принцы и герцоги с гордостью и удовольствием носили их.

Граф Аркес.

Пока Вильгельм занимался своим военным образованием в Париже, в Нормандии сразу же появилось несколько претендентов на его герцогство, которые вышли на поле боя. Самым

сильным и заметным среди них был граф Аркес. Его тоже звали Вильгельм, но, чтобы отличать его от молодого герцога, мы будем называть его Аркесом. Он был братом Роберта и утверждал, что, поскольку Роберт не оставил законного наследника, он имеет неоспоримое право наследовать ему. Аркес собрал свои силы и приготовился овладеть страной.

Вильгельм был провозглашен герцогом.

Следует помнить, что Роберт, покидая Нормандию и отправляясь в паломничество, назначил дворянина по имени Алан регентом или правителем страны до своего возвращения, а в случае, если он никогда не вернется, до совершеннолетия Вильгельма. У Алана был совет офицеров, называемый советом регентства, с помощью которого он управлял правительством. Этот совет, с Аланом во главе, провозгласил юного Вильгельма герцогом и сразу же начал действовать от его имени. Узнав, что граф Аркес готовится захватить власть, они тоже начали собирать свои силы, и таким образом обе стороны приготовились к войне.

Рыцари-пилигримы.

Однако прежде чем они начали военные действия, в Нормандию прибыли рыцари-пилигримы, сопровождавшие Роберта в его паломничестве и медленно возвращавшиеся домой в одиночку с тех пор, как умер их предводитель. Это были вожди и дворяне высокого ранга и влияния, и каждая из враждующих сторон стремилась привлечь их на свою сторону. Помимо фактической силы, которую эти люди могли привнести в дело, которое они должны были поддержать, очень важным соображением была моральная поддержка, которую они могли оказать. То, что они побывали в этом долгом и опасном паломничестве, придавало им некий романтический и религиозный интерес в сознании всех людей, которые в связи с этим смотрели на них с неким почтением и благоговением; кроме того, поскольку они были выбраны Робертом для сопровождения его в паломничестве и отправились с ним в долгое и опасное путешествие, продолжая сопровождать его до самой смерти, они, естественно, считались его самыми верными и надежными друзьями. По этим и подобным причинам было очевидно, что дело, которое они должны поддержать в предстоящем поединке, приобретет большую моральную силу благодаря их приверженности.

Они принимают дело Вильгельма.

Дебаты в совете о целесообразности возвращения Вильгельма.

Как только они прибыли в Нормандию, отвергнув все предложения из других мест, они с величайшей быстротой и решительностью присоединились к делу молодого Вильгельма. Алан сразу же принял их в свой совет. Было созвано собрание, на котором обсуждался вопрос о том, следует ли послать за Вильгельмом, чтобы он прибыл в Нормандию. Некоторые утверждали, что он еще совсем мальчик, не способный оказать им реальную услугу в предстоящем поединке, и, кроме того, он больше, чем они сами, подвержен опасности попасть в плен или быть убитым. Поэтому они считали, что лучше, чтобы он пока оставался в Париже под защитой французского короля.

Другие, напротив, утверждали, что присутствие Вильгельма, такого мальчика, каким он был, воодушевит и вдохновит всех его сторонников и пробудит во всей стране горячий интерес к его делу; что сама его нежность и беспомощность заинтересует каждое щедрое сердце, а его юношеские достижения и личное обаяние привлекут тысячи людей в его пользу, которые забудут и, возможно, бросят его, если он будет вдали. Кроме того, не было никакой уверенности в том, что он находится в такой безопасности, как некоторые полагают, под опекой и властью короля Генриха. Король Генрих мог сам претендовать на освободившееся герцогство, чтобы отдать его какому-нибудь своему фавориту, и тогда он мог заточить юного

Вильгельма в одном из своих замков, в почетном, но все же жестком и безнадежном плену, или вероломно лишить его жизни, тайно приняв яд.

Возвращение Вильгельма в Нормандию.

Последние советы возобладали. Алан и вельможи, которые были с ним, отправили посольство ко двору короля Генриха, чтобы вернуть Вильгельма домой. Генрих выступил с возражениями и затруднениями. Это встревожило дворян. Они опасались, что окажется правдой, что Генрих сам имеет намерения в отношении Нормандии. Они отправили новое посольство, с требованиями более настоятельными, чем прежде. Наконец, после некоторого времени, проведенного в переговорах и проволочках, король Генрих сдался, и Вильгельм отправился в обратный путь. Сейчас ему было около двенадцати или тринадцати лет. Его сопровождал военный наставник Терольд, а также посольства, которые Алан послал за ним, и сильный эскорт для его защиты в пути. Он благополучно прибыл в штаб-квартиру Алана.

Последствия.

Достижения Вильгельма.

Впечатление на армию.

Присутствие Вильгельма в Нормандии имело тот эффект, которого от него ожидали. Оно пробудило повсюду большой энтузиазм в его пользу. Солдаты с удовольствием наблюдали, как красив их молодой командир и как прекрасно он умеет ездить верхом. Для такого молодого человека он был превосходным наездником. Он даже больше, чем другие мальчишки, любил лошадей; И поскольку, разумеется, ему были предоставлены самые изящные и самые быстрые лошади, каких только можно было найти, и поскольку Терольд дал ему самое лучшее и полное обучение, он демонстрировал прекрасное зрелище, когда быстро скакал по лагерю, за ним следовали вельможи-ветераны, великолепно одетые и конные, счастливые быть в его обозе, а его собственный лик сиял, в котором природный ум и красота усиливались оживлением и волнением гордости и удовольствия. Что касается командования армией, то реальная власть, конечно, оставалась в руках Алана, но все дела совершались от имени Уильяма; что касается всех внешних знаков и символов суверенитета, то прекрасный мальчик, казалось, обладал верховной властью; а поскольку чувство верности всегда сильнее всего, когда объект, требующий его проявления, наиболее беспомощен или хрупок, Алан считал свою власть очень возросшей, когда у него появился этот прекрасный мальчик, которого он мог выставить как истинного и законного наследника, от имени и в интересах которого держалась вся его власть.

Претенденты на победу.

Железное правление знати.

Однако страна была еще очень далека от заселения. Граф Аркес держал поле, да и другие претенденты укрепились своих замках и городах, словно готовясь к сопротивлению. В те времена каждый отдельный район страны был почти отдельным королевством, управляемым своим бароном, который жил со своими прислужниками в стенах собственного замка и железным жезлом управлял землей вокруг себя. Эти бароны были заняты вечными ссорами между собой, каждый грабил владения остальных или совершал враждебные вторжения на территорию соседа, чтобы отомстить за какую-то реальную или воображаемую обиду. Такие волнения и беспорядки царили повсюду в Нормандии к моменту возвращения Вильгельма. В общей неразберихе правительство Вильгельма едва ли понимало, кто его друзья, а кто враги. Однажды, когда от имени Вильгельма к некоторым баронам была послана депутация, призывавшая их прийти со своими войсками и присоединиться к его штандарту, как они обязаны были поступить, они сочли себя достаточно независимыми, чтобы послать ему

ответное слово, что у них "слишком много дел по улаживанию собственных ссор, чтобы обращать внимание на его".

Почти ссора.

Более того, в течение года или двух, пока его собственное королевство продолжало пребывать в этом неустроенном и смятенном состоянии, Вильгельм оказался вовлечен в то, что было почти ссорой с самим королем Генрихом . Когда ему исполнилось пятнадцать лет, то есть через два или три года после его возвращения из Парижа в Нормандию, Генрих послал Вильгельму распоряжение прибыть в некий город под названием Эврё, расположенный примерно на полпути между Фалезом и Парижем и находящийся в пределах Нормандии, [D] чтобы там принести ему дань уважения за его герцогство. Среди советников Вильгельма возникли сомнения, что будет разумнее - подчиниться или не подчиниться этому приказу. В конце концов они пришли к выводу, что лучше подчиниться. Были сделаны грандиозные приготовления к экспедиции, и, когда все было готово, молодого герцога провели в великом государстве, с большой помпой и парадом, чтобы встретить своего государя.

Интервью между Вильгельмом и Генрихом.

Встреча Вильгельма с государем и связанные с ней церемонии продолжались несколько дней. В течение этого времени Вильгельм оставался в Эврё и, в некотором смысле, конечно, находился во власти Генриха. Вильгельм, который так долго находился при дворе Генриха в качестве простого мальчика, привыкшего все время смотреть на Генриха как на отца и слушаться его, теперь воспринимал его несколько в таком свете и обращался к нему с большим почтением и уважением. Генрих принял его в несколько надменной и властной манере, как будто считал, что он все еще находится в таком же подчинении, как и раньше.

Требование Генриха.

Возмущение Вильгельма.

У Вильгельма была крепость или замок на границе его герцогства с владениями Генриха. Замок назывался Тельер, а его правителем был старый верный солдат по имени де Креспен. Отец Вильгельма, Роберт, доверил де Креспену управление замком и дал ему гарнизон для его защиты. Теперь Генрих начал предъявлять Вильгельму претензии по поводу этого замка. Гарнизон, по его словам, постоянно вторгался в его владения. Вильгельм ответил, что ему очень жаль, что есть повод для такой жалобы. Он проведет расследование и, если дело действительно обстоит так, немедленно исправит это зло. Генрих ответил, что этого недостаточно. "Вы должны отдать замок мне, - сказал он, - чтобы я его разрушил". Вильгельм был возмущен таким требованием, но он привык беспрекословно подчиняться всему, чего бы ни потребовал от него король Генрих, и послал приказ о сдаче замка.

Генрих разрушает один из замков Вильгельма.

Однако когда приказ дошел до де Креспина, правителя замка, тот отказался его выполнять. Крепость, по его словам, была передана под его ответственность Робертом, герцогом Нормандским, и он не должен отдавать ее во владение какой-либо иностранной державе. Когда этот ответ был доведен до сведения Вильгельма и его советников, он еще больше, чем прежде, возмутил их властной тиранией приказа и заставил отказаться от повиновения ему. И все же Вильгельм был в значительной степени во власти монарха. По здравом размышлении они поняли, что сопротивление будет тщетным. Поэтому были отданы новые, более авторитетные приказы о сдаче замка. Де Креспен подчинился. Он отдал ключи и

удалился вместе со своим гарнизоном. Вильгельму было разрешено покинуть Эврё и вернуться домой, а вскоре после этого замок был разрушен до основания.

Трудности, которые последовали за этим.
Война с Генрихом.

Это дело, конечно же, вызвало сильную вражду и раздражение между правительствами Франции и Нормандии; а когда такое состояние чувств существует между двумя державами, разделенными лишь воображаемой линией, проходящей через густонаселенную и плодородную страну, агрессия с одной и с другой стороны обязательно последует. Вскоре они сменяются актами возмездия и мести, что в конечном итоге приводит к открытой и всеобщей войне. Так было и сейчас. Генрих ввел свои армии в Нормандию, захватывал города, разрушал замки, а там, где ему сопротивлялись жители, огнем и мечом опустошал страну. В конце концов он осадил сам замок Фалез.

Вильгельм спасает Фалез.
Вильгельма встречают с восторгом.
Наказание правителя.

Некоторое время Вильгельм и его правительство были почти поглощены потоком бедствий и несчастий. Однако в конце концов ситуация изменилась, и военная удача склонилась в их пользу. Вильгельм спас город и крепость Фалез; этот подвиг был совершен весьма примечательным образом. Крепость была тесно окружена войсками Генриха и находилась накануне сдачи. Рассказывают, что Генрих предложил правителю крепости взятку, чтобы тот отдал ее ему, и тот согласился получить ее и предать его доверие. Пока он готовился к этому, прибыл Вильгельм во главе решительного и целеустремленного отряда норманнов. Они так внезапно набросились на армию осаждающих, что разбили их лагерь и заставили отказаться от осады. Жители города и гарнизон замка очень обрадовались своему спасению, а когда узнали, благодаря чьей помощи они были спасены, и увидели прекрасного всадника, которого они помнили как веселого и счастливого ребенка, играющего в окрестностях замка, они были совершенно опьянены восторгом. Они наполнили воздух самыми бурными аплодисментами и приветствовали Вильгельма, вернувшегося в дом своего детства, проявлениями самой экстравагантной радости. Что касается губернатора-предателя, то с ним обошлись очень мягко. Возможно, всеобщая радость пробудила в Уильяме чувства снисхождения и прощения, а возможно, доказательства против предателя были неполными. Поэтому они не стали лишать его жизни, которая была бы справедливо потеряна, согласно военным представлениям того времени, если бы он действительно был виновен. Они лишили его командования, конфисковали имущество и отпустили на свободу.

Граф Аркес.
Наступление Генриха.

После этого войска Вильгельма еще некоторое время успешно противостояли войскам короля Франции; но затем, с другой стороны, опасность со стороны его дяди, графа Аркеса, возросла. Граф воспользовался трудностями и опасностями, в которые Вильгельм был вовлечен в спорах с королем Генрихом, и снова начал организовывать свои силы. Он укрепился в своем замке в Аркесе, [E] и собирал там большие силы. Аркес находился в северо-восточной части Нормандии, недалеко от моря, где до сих пор сохранились руины древнего замка. Граф построил для себя почти неприступную башню на вершине скалы, на

которой стоял замок, в таком труднодоступном месте, что он думал, что в любой момент сможет отступить в нее с несколькими избранными последователями и бросить вызов любому нападению. В замке и вокруг него граф собрал довольно большую армию. Вильгельм выступил вперед со своими войсками и, расположившись вокруг них лагерем, закрыл их. Король Генрих, находившийся в то время в отдаленной части Нормандии, начал приводить в движение свою армию, чтобы прийти на помощь Аркесу.

При таком положении дел Вильгельм оставил сильный отряд для продолжения осады Аркеса, а сам во главе остальных сил отправился перехватывать Генриха на его пути. В результате произошла битва и победа, одержанная при столь необычных обстоятельствах, что Вильгельм, как ни был он молод, приобрел своими подвигами блестящую и всеобщую славу.

Опасное дефиле.

Порядок похода Генриха.

Похоже, что Генрих, продвигаясь к Аркесу, должен был пройти через длинную и мрачную долину, которая с обеих сторон была ограничена обрывистыми и покрытыми лесом холмами. Через это опасное дефиле продвигался длинный обоз армии Генриха, выстроенный в таком порядке, который, казалось, давал наибольшую надежду на безопасность в случае нападения. Сначала шел авангард, сильный эскорт, состоящий из тяжелых тел солдат, вооруженных боевыми топорами и пиками, а также другим подобным оружием, самым эффективным из известных в то время. Сразу же за авангардом шел длинный обоз с багажом, палатками, провизией, запасами и всем военным снаряжением. За багажом следовала огромная компания слуг - повара, возчики, рабочие, последователи лагеря всех мастей - толпа некомпатантов, бесполезных, конечно, в бою, и обуза на марше, но все же неотъемлемых и незаменимых помощников армии, будь она в покое или в движении. За этой толпой двигалась основная часть армии, во главе которой шел король в сопровождении своего почетного караула. Активный и боеспособный корпус улан и стрелков прикрывал тыл.

Засада Вильгельма.

Вильгельм задумал заманить это громоздкое и неуправляемое тело в засаду. Для этого он выбрал самую узкую и опасную часть дефиле и расставил огромное количество нормандских солдат, вооруженных копьями и стрелами, на склонах холма по обе стороны, тщательно скрывая их среди зарослей и камней. Затем он собрал оставшиеся силы в долине и отправил их вверх по долине, чтобы встретить Генриха, когда тот будет спускаться. Эта группа войск, которая должна была открыто выступить навстречу королю, как если бы они составляли все силы Вильгельма, должна была сразиться с авангардом в притворном бою, а затем отступить, надеясь увлечь за собой весь обоз в погоню, настолько сильную, чтобы повергнуть их в смятение; а затем, когда колонна, расстроенная таким образом, достигнет места засады, норманны должны были внезапно обрушиться на них из своих укрытий и окончательно сбить их с толку.

Успех.

Притворное бегство норманнов.

План был хорошо продуман, разумно и смело исполнен, и в результате оказался триумфально успешным. Авангард армии Генриха был обманут притворным бегством норманнского отряда. Они также полагали, что он составляет все тело их врагов. Поэтому они с большим ликованием и рвением устремились вперед, чтобы преследовать их. Весть о нападении и об очевидном отпоре, с которым французские солдаты встретили его, быстро

распространилась по долине, вызвав повсюду дикое волнение и нетерпеливое желание двигаться вперед к месту конфликта. Вся долина наполнилась криками и воплями; поклажу бросали, чтобы те, кто за нее отвечал, могли поспешить дальше; люди бегали туда-сюда в поисках вестей или поднимались на возвышенности, чтобы попытаться увидеть. Всадники на полной скорости мчались с фронта в тыл, а с тыла - снова на фронт; отдавались приказы и контрприказы, которых никто не понимал и не слушал в общей суматохе и грохоте. Казалось, что все внимание было поглощено одним общим и нетерпеливым желанием с головой уйти вперед, к сцене победы и преследования, которая, как они предполагали, разыгрывалась в фургоне.

Беспорядок французов.

Разгром французов.

Армия продвигалась вперед в таком растерянном и возбужденном состоянии, пока не достигла места засады. Через этот узкий проход они прошли так же беспечно, как и раньше; и когда самая плотная и мощная часть колонны уже пробивалась через него, их внезапно поразила тысяча орудий, выпущенных с высот и зарослей над ними по обе стороны - ужасный ливень стрел, копьев и копий, в одно мгновение сразивший сотни людей и повергший остальных в изумление и ужас. Как только этот первый залп был произведен, скрытый враг хлынул вниз по склону горы, появляясь из тысячи укрытий, словно внезапно вызванный на свет какой-то магической силой. Растерянность войск Генриха была полной и непоправимой. Люди в ужасе бежали отовсюду, топча и уничтожая друг друга, и в ужасе толпились в поисках безопасного места в долине. Там через день или два Генрих собрал разрозненные остатки своей армии и разбил нечто похожее на лагерь.

Посольство Вильгельма к Генриху.

Любопытной иллюстрацией феодальных чувств тех времен в отношении градации рангов, а также необычайной скромности и здравого смысла характера Вильгельма является то, что он не стал демонстрировать превосходство над своим государем и не проявил никаких признаков экстравагантного ликования после этой битвы. Он отправил Генриху почтительное посольство, признавая свое признанное подчинение Генриху как своему государю и умоляя его о защите! По его словам, он с уверенностью ожидал от него помощи и поддержки в борьбе с его мятежными подданными.

Взятие замка в Арке.

Однако, хотя он и заявлял, что полагается на Генриха, на самом деле он, похоже, больше всего доверял своей собственной правой руке; поскольку, как только битва закончилась и вся страна была взволнована поразительным блеском подвига, совершенного столь молодым человеком, Вильгельм сел на коня и, призвав всех желающих следовать за ним, поскакал на полной скорости во главе небольшой кавалькады к замку в Аркесе. Его внезапное появление здесь с известием о победе настолько воодушевило осаждающих, что замок вскоре был взят. Он позволил мятежному графу бежать и тем самым, возможно, еще эффективнее положил конец восстанию. Теперь он спокойно владел своим королевством.

Вильгельм коронуется в Фалезе.

Он с триумфом отправился в Фалез, где был торжественно коронован с великой церемонией и парадом, а вся Нормандия была наполнена поздравлениями и ликованием.

Глава IV.

Правление Вильгельма в Нормандии.

1040-1060 гг. Н.Э.

Прошло двадцать лет.

С того момента, как Вильгельм спокойно овладел своим королевством, до его вторжения в Англию прошел долгий период. Промежуток составил более двадцати лет. В течение этого долгого промежутка времени Вильгельм управлял своим герцогством, подавлял мятежи, строил замки и города, вел войны, регулировал гражданские институты и, по сути, очень энергично и успешно осуществлял все функции правления - его жизнь все время была разнообразна обычными происшествиями, которыми отмечена карьера великого военного правителя независимого королевства в Средние века. В этой главе мы приведем описание некоторых из этих происшествий.

Заговор Ги Бургундского.

Дурак или шут.

Однажды был составлен заговор с целью лишить его жизни путем тайного убийства. Во главе заговора стоял великий вождь по имени Ги Бургундский, дядя Вильгельма, а обнаружить и разоблачить его помог полубезумный человек по имени Галет, занимавший при дворе Вильгельма место шута или дурака. Эти шуты, которых в те времена всегда было один или несколько в свите каждого великого принца, были либо очень эксцентричными, либо очень глупыми, либо полубезумными людьми, которые были одеты причудливо, в вульгарные цвета, с колпаком и бубенцами, и содержались для развлечения двора. Шута Вильгельма звали Галет.

Собрания заговорщиков.

Ги Бургундский и его товарищи по заговору занимали несколько мрачных замков, построенных в отдаленных и одиноких местах на границе Нормандии. Здесь они имели обыкновение собираться, чтобы разрабатывать свои планы, собирать людей и ресурсы, делая все самым хитрым и тайным образом. Прежде чем их план был полностью готов к исполнению, случилось так, что Вильгельм отправился на охоту по соседству с их территорией с небольшим отрядом приверженцев - таких, какие естественно собрались бы на подобный праздник удовольствия. Среди них был и глупец Галет.

Как только Гай и его товарищи по заговору узнали, что Уильям находится совсем рядом, они решили ускорить исполнение своего плана, выследить и убить его по возвращении.

Последние планы заговорщиков.

Они покинули свое тайное и уединенное место встречи в горах, один за другим, чтобы не привлекать внимания, и отправились в город Байе, через который, как они предполагали, Вильгельм должен был проехать по возвращении. Здесь они провели тайные совещания и разработали свои окончательные планы. Они отправили часть своих людей небольшими отрядами в ту часть страны, которую Вильгельму предстояло пересечь, чтобы занять различные дороги и проходы и тем самым отрезать ему всякую возможность бегства. Все эти

приготовления они проводили в строжайшей тайне и осторожности и уже начали думать, что уверены в своей добыче.

Обнаружен Галетом.

Галет отправляется на поиски Вильгельма.

Он находит его спящим.

Однако случилось так, что некоторые из сопровождающих Вильгельма, среди которых был и глупец Галет, опередили Вильгельма во время его возвращения и добрались до Байе [F] в то время, когда туда прибыли заговорщики. Горожане не обратили особого внимания на приезд заговорщиков, так как в это время многие всадники и солдаты то появлялись, то исчезали, и у них не было возможности отличить друзей герцога от его врагов; но Галет, прогуливаясь по городу, заметил, что среди солдат и рыцарей было много тех, кто не принадлежал к партии его господина. Это привлекло его внимание; он стал наблюдать за движениями этих незнакомцев и, не подавая виду, прислушиваться, чтобы уловить слова, которые они говорили друг другу, переговариваясь группами или проходя мимо друг друга по улицам. Вскоре он убедился, что замышляется какая-то беда. Он тут же отбросил шапку с бубенцами и свой фантастический наряд и, взяв в руки посох, отправился пешком, чтобы как можно быстрее вернуться назад в поисках герцога и дать ему сигнал тревоги. Он нашел герцога в деревне под названием Валонгес. Он прибыл туда ночью. Он поспешно протиснулся в покои своего господина, наполовину пробив себе дорогу через слуг, которые, привыкшие к вольностям, которые такой человек, как он, имел обыкновение принимать по любому поводу, оказывали лишь слабое сопротивление его желаниям. Он нашел герцога спящим и очень убедительно призвал его немедленно проснуться и встать, так как его жизнь в опасности.

Бегство Вильгельма.

Его недолгое спасение.

Поначалу Вильгельм был склонен не верить истории, которую рассказал ему Галет, и считать, что причин для страха нет. Однако вскоре он убедился, что Галет прав и что основания для тревоги есть. Он встал и поспешно оделся, и, поскольку монарх в первые минуты после раскрытия изменнического заговора не знает, кому доверять, Вильгельм мудро решил не доверять никому. Он сам отправился в конюшню, собственноручно оседлал своего коня, сел на него и ускакал. Ему очень не повезло: в то самое время, когда Галет спешил в Валонгес, чтобы предупредить своего господина об опасности, заговорщики подошли к тому же месту и полностью окружили его; они уже собирались напасть на покои Вильгельма в тот самый час, когда он отправился в бегство. Вильгельм успел пройти совсем немного, как услышал позади себя шаги скачущих лошадей и лязг оружия. Это приближался отряд заговорщиков, которые, обнаружив, что Уильям скрылся, немедленно пустились в погоню. Вильгельм поспешно заехал в лес и дал им проехать.

Бегство

Вильгельма.

Уильяма узнали.

Некоторое время он оставался в своем укрытии, а затем осторожно вышел из него, чтобы продолжить свой путь. Он не решился идти по общественной дороге, хотя была ночь, а выбрал дикий и извилистый путь, по переулкам и тропинкам, который привел его, в конце концов, к берегу моря. Здесь, около рассвета, он проходил мимо особняка, полагая, что никто не заметит его в столь ранний час, как вдруг заметил человека, сидящего у ворот, вооруженного и экипированного, в позе ожидания. Он ждал свою лошадь. Это был дворянин по имени Губерт. Он сразу же узнал в Вильгельме герцога и обратился к нему с изумлением: "Что, милорд герцог, возможно ли, что это вы?" Он был поражен, увидев правителя королевства в такой час, в таком состоянии, одинокого, измученного, его платье было в беспорядке от спешки, с которой он его надел, а его конь запыхался, покрылся пылью и, казалось, готов был упасть от усталости и изнеможения.

Замок Губерта.

Сыновья Губерта.

Уильям, обнаружив, что его узнали, рассказал свою историю. В конце концов выяснилось, что Губерт держал свой замок и деревню как арендатор одного из главных заговорщиков и, согласно феодальным представлениям того времени, был обязан выступить на стороне своего хозяина. Однако он заявил Вильгельму, что ему нечего бояться. "Я буду защищать твою жизнь, - сказал он, - как свою собственную". Сказав так, он позвал трех своих сыновей, которые все были атлетически сложенными и мужественными юношами, и велел им сесть на коней и готовиться к походу. Он отвел Уильяма в свой замок и дал ему пищу и прохладительные напитки, в которых он нуждался. Затем он снова привел его во двор дома, где Уильям обнаружил трех молодых всадников наготове, а для себя приготовил сильного и резвого коня. Он сел. Губерт велел своим сыновьям со всей быстротой доставить принца в Фалез, не сворачивая с дороги и не заезжая в город. Они проехали по прямой через всю страну, которая, вероятно, как и сейчас, почти не имела населенных пунктов, и благополучно доставили Вильгельма в его замок в Фалезе.

Преследование заговорщиков.

Утром преследователи Вильгельма подъехали к замку Губерта и спросили, не видели ли герцога проезжающим мимо. Губерт ответил утвердительно и с готовностью сел на своего коня, чтобы показать им дорогу, по которой проехал беглец. Он призвал их ехать быстро, надеясь вскоре настигнуть объект их преследования. Под руководством Хьюберта они понеслись вперед с огромной стремительностью и пылом, но, поскольку он намеренно выбрал неверную дорогу, он лишь все больше и больше сбивал их с пути. В конце концов они отказались от погони, и Юбер вместе с разочарованными преследователями вернулся в свою крепость, а Уильям тем временем благополучно добрался до Фалеза.

Поражение мятежников.

Их наказание.

Теперь заговорщики убедились, что бесполезно пытаться скрыть свои планы. На самом деле все они уже были раскрыты, и они знали, что Вильгельм немедленно созвет свои войска и выступит, чтобы схватить их. Поэтому они должны были либо бежать из страны, либо предпринять попытку открытого восстания. Они решили выбрать последнее - и в результате началась гражданская война. В конце концов Вильгельм одержал победу. Он взял в плен большое количество мятежников и принял следующий весьма необычный план, чтобы наказать их и в то же время воздвигнуть постоянный памятник своей победе. Он проложил общественную дорогу через всю страну по линии, по которой его провели сыновья Губерта, и заставил мятежников сделать это. Большая часть этой страны была низменной и болотистой, и по этой причине общественная дорога обходила ее стороной. Однако пленные мятежники принялись за работу, чтобы возвести террасу или насыпь по линии, обследованной инженерами Уильяма, которая почти точно соответствовала пути его отступления. На этой террасе была проложена дорога, которая сразу же превратилась в общественную магистраль огромного значения. В течение нескольких столетий она оставалась одной из самых посещаемых магистралей в королевстве и была известна под названием Возвышенная дорога - *Terre levée* - по всему королевству. Собственно, ее остатки, похожие на руины древней железнодорожной насыпи, существуют и по сей день.

Любопытное происшествие.

Доспехи.

Происхождение геральдики.

В ходе войны с мятежниками во время одного из сражений произошел любопытный инцидент, вернее, как утверждают историки, рассказывающие об этом, который, если это правда, очень ярко иллюстрирует романтические и рыцарские представления того времени. В момент начала битвы Вильгельм заметил сильное и прекрасно экипированное тело всадников, готовившееся атаковать то самое место, где стоял он сам в окружении своих офицеров. В те времена доспехи, в которые облачались рыцари в бою, настолько скрывали фигуру и лицо, что даже знакомые и друзья не могли бы узнать друг друга, если бы не то, что все рыцари имели обыкновение носить определенные приспособления на некоторых частях своих доспехов - нарисованные, например, на щитах или вышитые на маленьких знаменах, которые они носили, - по которым их можно было узнать. В конце концов эти знаки стали наследственными в великих семьях - сыновья гордились тем, что сами носят эмблемы, на которые деяния их отцов наложили отпечаток славы и известности. Иногда, в случае межродового брака, гербы разных вождей объединялись, или в них вносились различные изменения, и с этими незначительными изменениями они передавались из поколения в поколение как фамильный герб. Так зародилась геральдика.

Ролло де Тессон.

Соблюдение обеих клятв.

Меняет сторону.

У всадников, выдвинувшихся на атаку, как описано выше, у каждого из них был свой герб на маленьком флажке или знамени, прикрепленном к копыю. Пока они продвигались вперед, Вильгельм внимательно рассматривал их и вскоре узнал в их предводителе человека, который раньше был на его стороне. Его звали Ролло де Тессон. Он был одним из тех, кто присягнул ему на верность в то время, когда его отец Роберт представил его совету, отправляясь в паломничество. Уильям громко воскликнул: "Это мои друзья!". Офицеры и солдаты телохранителей, которые были с ним, подхватили этот возглас и закричали: "*Друзья! Друзья!*" Ролло де Тессон и другие рыцари, которые медленно приближались, готовясь напасть на отряд Вильгельма, удивленные таким нападением, приостановили свое продвижение и, наконец, остановились. Ролло сказал собравшимся вокруг него рыцарям: "Я был его другом. Я дал клятву его отцу, что буду стоять за него и защищать его своей жизнью; а сегодня утром я поклялся графу Котентенскому" - граф Котентенский был предводителем восстания - "что найду Вильгельма на поле боя и первым нанесу ему удар. Я не знаю, что делать". "Сдержи обе клятвы", - ответил один из его спутников. "Иди и нанеси ему легкий удар, а потом защищай его своей жизнью". Весь отряд единодушно поддержал это предложение. Ролло выехал вперед, за ним последовали остальные рыцари, жестами и криками показывая, что они друзья. Он подъехал к Уильяму, сказал ему, что поклялся в то утро поразить его, а затем нанес ему притворный удар по плечу; но так как и плечо, и рука, нанеся удар, были вооружены сталью, раздался лишь звонкий звук. Ролло и его отряд, выполнив таким образом свое клятвенное обязательство перед графом Котентенским, перешел в ряды солдат Вильгельма и весь день доблестно сражался на его стороне.

Характер древних вождей.

Их любовь к войне.

Хотя Вильгельм обычно побеждал в сражениях, которые он вел, и ему удавалось быстро и решительно подавлять одно восстание за другим, тем не менее постоянно вспыхивали новые восстания и новые войны, которые держали его владения в постоянном волнении. Фактически, вожди, дворяне и рыцари, составляющие единственные слои общества, которые пользовались хоть каким-то влиянием или уважением в те времена, никогда не были довольны, кроме как активно занятые в военных походах. Военное возбуждение и слава были единственными возбуждениями и славой, которые они понимали или которыми имели возможность наслаждаться. Их жилищами были огромные крепости, построенные на вершинах скал, которые, какими бы живописными и красивыми ни казались *их руины* сейчас, тогда были очень мрачными и пустынными жилищами. Они были достаточно привлекательны, когда их обитатели бежали к ним, чтобы укрыться от врага, или занимались в стенах сосредоточением сил и надраиванием оружия для новой экспедиции с целью мести или грабежа, но они были одинокими и безжизненными сценами беспокойства и недовольства во времена тишины и покоя.

Древние замки.

Их внутреннее устройство.

Сегодня нам трудно представить, насколько лишенными всех обычных средств комфорта и наслаждения, по сравнению с современным жильем, должны были быть древние феодальные замки. Они располагались в максимально недоступных местах, а естественные препятствия на пути к ним усиливались стенами, воротами, рвами и разводными мостами. Часто входной дверью служило окно в стене, расположенное в десяти или пятнадцати футах от земли, к которому заключенные или их друзья поднимались по лестнице. Полы были каменными, стены - голыми, потолок представлял собой грубо сработанный ряд арок. Квартиры, как правило, были небольшими и располагались одна над другой в последовательных этажах башни. Не могли оживить эти похожие на келью покои и широкие и веселые окна современности, которые не только пропускают свет, оживляя сцену внутри, но и открывают перед зрителем широкие, а иногда и чарующие виды на окружающую страну. Окна замков древности, напротив, представляли собой узкие отверстия-петли, каждое из которых находилось на дне глубокой ниши в толстой стене. Если бы их сделали широкими, то они слишком легко пропускали бы стрелы и копья осаждающих, а также ветер и дождь зимних бурь. В этих заброшенных жилищах не было ни книг, ни мебели, кроме доспехов, ни развлечений, кроме пьянства и каруселей.

Для знати не было ничего достойного уважения, кроме войны.

Эти благородные и доблестные рыцари и бароны не могли занять себя никаким полезным делом. Для них не существовало ничего, что было бы достойно уважения, кроме как сражаться. Они с презрением смотрели на все промышленные занятия. Возделывание ферм, разведение овец и стад, искусство, производство и торговля - все, что может принести пользу ближнему, было им не по душе. По сути, их потомки и по сей день, даже в Англии, придерживаются тех же идей. Их младшие сыновья могут поступить в армию или на флот и провести свою жизнь, убивая и уничтожая, или ожидая, в праздности, рассеянности и пороке, приказа убивать и уничтожать, не испытывая при этом бесчестия; но участвовать каким-либо образом в тех огромных и великолепных операциях мирной промышленности, от которых зависит истинное величие и слава Англии, было бы вечным и непоправимым позором. Молодой дворянин может служить в самом низком официальном качестве на борту военного корабля и получать за это жалованье, не унижаясь; но *строить* сам военный корабль и получать за него жалованье - значит заставить весь свой класс отречься от него.

Бунтари.

Оскорбительные намеки на рождение Вильгельма.

Именно вследствие такого состояния чувств среди рыцарей и баронов времен Вильгельма мир всегда был для них утомительным и несносным, и они никогда не были довольны, кроме как в сражениях и походах. Именно это чувство, вероятно, в той же мере, что и устоявшаяся враждебность к праву Вильгельма на правление, заставляло его баронов так охотно участвовать в мятежах и восстаниях. Однако, в конце концов, существовала реальная и глубоко укоренившаяся оппозиция праву Вильгельма на престолонаследие, основанная на идеях того времени. Они не могли смириться с тем, что человек столь скромного и даже позорного происхождения по материнской линии должен стать наследником столь прославленного рода, как великие герцоги Нормандии. Враги Вильгельма привыкли называть его отвратительными эпитетами, вытекающими из обстоятельств его рождения. Хотя он был терпелив и вынослив и часто великодушно прощал обиды, эти оскорбления памяти его матери всегда глубоко ранили его и пробуждали сильнейшие эмоции негодования. Один из таких случаев был настолько ярким, что о нем почти во всех написанных историях Вильгельма.

Засада.

В разгар одной из войн, в которой он участвовал, он продвигался через всю страну для атаки сильного замка, который, помимо естественной прочности его стен и укреплений, защищался многочисленным и мощным гарнизоном. Гарнизон был настолько уверен в своей численности и силе, что, узнав о том, что Вильгельм идет на них, выслал навстречу ему отряд. Однако этот отряд не собирался давать ему открытый бой. Их план состоял в том, чтобы затаиться в засаде и напасть на войска Вильгельма, когда они подойдут к месту, и пока они не будут знать о присутствии врага и не будут настороже.

Это не удалось.

Однако Вильгельм, как выяснилось, не терял бдительности. Он атаковал засаду с такой силой, что все силы были немедленно обращены в бегство. Разумеется, беглецы направили свои шаги к замку. Вильгельм и его солдаты устремились за ними в погоню. В итоге у отряда гарнизона не хватило времени, чтобы, прорвавшись внутрь, поднять разводные мосты и закрепить ворота, чтобы не дать преследователям проникнуть внутрь. Однако им это удалось, и Вильгельм, расставив войска вокруг замка, открыл свои позиции и приступил к регулярной осаде.

Оскорбления гарнизона.

Гарнизон, естественно, был раздосадован и раздражен неудачным исходом задуманной ими интриги. То, что засада не только не удалась, но и люди, составлявшие ее, были так позорно загнаны внутрь, да еще и едва избежали опасности пустить за собой весь отряд врагов, было большим позором. Чтобы отомстить Вильгельму и выместить на нем чувство досады и обиды, которое испытывали они сами, они взобрались на стены и башни и выкрикивали всевозможные упреки и оскорбления. Наконец, когда они убедились, что одних слов недостаточно, они пошли и набрали шкур, кожаных фартуков и всего остального, что могли найти, связанного с ремеслом кожевника, и с криками веселья и насмешек разбрасывали их с башен и стен на войска своих обидчиков.

Негодование Вильгельма.

Вильгельм был отчаянно разгневан этими оскорблениями. Он организовал штурмовой отряд, и помощью больших усилий, к которым их побуждало отчаяние его людей, он разнес некоторые укрепления и взял несколько пленных. Этих пленников он разрубил на части, а затем их окровавленные и изуродованные конечности и члены были переброшены с помощью огромных рогаток через стены замка.

Кампания Вильгельма во Франции.

Его популярность.

Однажды в период, который входит в рамки этой главы, во время одного из тех периодов мира и спокойствия в своих владениях, которыми Вильгельм иногда наслаждался, король Франции ввязался в войну с одним из своих мятежных подданных, и Вильгельм отправился с армией норманнов, чтобы оказать ему помощь. Поначалу король Генрих был очень доволен такой быстрой и эффективной помощью, но вскоре начал ревновать к всеобщей популярности и известности, которую вскоре приобрел молодой герцог. В то время Вильгельму было всего около двадцати четырех лет, но он взял на себя руководство всеми делами, двигался вперед и назад с величайшей быстротой, планировал кампании, руководил осадами, а своими личными достижениями и храбростью покорил все сердца и стал предметом всеобщих похвал. Король Генрих обнаружил, что в некоторой степени

вытеснил в уважении и почете своих подданных, и начал испытывать сильную зависть и ревность к своему сопернику.

Доблесть Вильгельма.

Истинная природа мужества.

Иногда происходили особые случаи, когда подвиги Вильгельма вызывали такое восхищение армии, что он срывал аплодисменты и овации. Как правило, это были подвиги, связанные с боем на поле боя или с бегством от преследователей, когда их было больше, и в этих случаях удача часто играла не меньшую роль в достижении результата, чем сила или храбрость. Но в те времена удача солдата была, пожалуй, таким же предметом оваций, как его мускульная сила или храбрость; и, в сущности, это было столь же заслуженно; ведь сила руки и хладнокровие, или, скорее, свирепость храбрости, которые делают хорошего бойца в личных состязаниях на поле боя, - это качества скорее животных, чем людей. Мы чувствуем уважение к ним у льва или тигра, но они заслуживают лишь презрения, когда проявляются в беспричинной ненависти и мести человека к своему брату.

Засада.

Храбрость Вильгельма.

Одним из примеров необычайного успеха Вильгельма был следующий. Однажды он проводил разведку противника, сопровождаемый только четырьмя или пятью рыцарями, которые выполняли роль его сопровождающих и телохранителей. Отряд находился на расстоянии от лагеря врага и полагал, что их не заметят. Однако их заметили, и тут же был сформирован отряд из двенадцати отборных всадников, которым было приказано выехать и застать их врасплох. Этот отряд спрятался в засаде, в месте, где должна была пройти разведка, и когда наступил подходящий момент, они внезапно ворвались к ним и призвали сдаться. Двенадцать против шести, казалось, делали одинаково тщетными и бегство, и сопротивление. Однако Уильям сразу же бросился в атаку на засаду. Он нацелил свое длинное копье и, проскакав с ним на полном скаку, одним ударом свалил и убил самого старшего из них. Затем, едва отведя оружие назад, чтобы собраться с силами для нового удара, он таким же образом убил второго из своих врагов. Его последователи были настолько воодушевлены этим удачным наступлением, что решительно двинулись в бой. Тем временем крики донеслись до лагеря Уильяма, и сильный отряд отправился спасать Уильяма и его спутников. Остальные обратились в бегство, а Вильгельм так рьяно и внимательно следил за ними, что он и те, кто был с ним, догнали и обезвредили семерых из них и взяли их в плен. Остальные сбежали. Затем Уильям и его отряд повернули и стали двигаться к своему лагерю, ведя пленников за собой.

Победа Вильгельма.

Аплодисменты французской армии.

Их встретил сам король Генрих во главе отряда из трехсот человек, которые, не зная, насколько необходима будет действенная помощь, поспешили к месту событий. Вид Вильгельма, возвращающегося домой с победой, и рассказы его спутников о непобедимой силе и смелости, которые он проявил во время внезапной опасности, пробудили всеобщий энтузиазм, а похвалы и восхваления, которыми оглашался весь лагерь, несомненно, были столь же вкусны и пьянящи для него, сколь горьки для короля.

Вильгельм прочно сидит на своем троне.

Его новые проекты.

Именно благодаря таким поступкам и таким личным и душевным качествам, как эти, Вильгельм, несмотря на неблагоприятное влияние своего рождения, в течение двадцати лет, о которых мы рассказываем, завоевал всеобщее расположение и утвердил всеобщую славу. Он полностью организовал и устроил внутренние дела своего королевства и прочно утвердился герцогском троне. Его ум стал зрелым, его ресурсы были хорошо развиты, и его душа, всегда честолюбивая и устремленная, начала тянуться вперед к постижению более великих целей и к выходу на более широкое поле деятельности, чем могло позволить его герцогство Нормандия. Однако в этот период он женился, и, поскольку обстоятельства его брака были несколько необычными, мы должны посвятить этому событию отдельную главу.

Глава V.

Женитьба.

1045-1052 ГГ. Н.Э.

Политическое значение королевского брака.

Одним из самых важных моментов, на которые должен обратить внимание наследственный монарх, завершая свои политические дела, является вопрос о его браке. Пока у него нет семьи и наследника, в умах людей не укладывается вопрос о престолонаследии, и различные соперники и претенденты на трон постоянно строят заговоры и интриги, чтобы занять место короля, если болезнь, сражение или какая-нибудь неожиданная случайность унесут его. В случае с Вильгельмом это зло было более грозным, чем обычно, поскольку люди, готовые претендовать на его место после его смерти, тайно или открыто утверждали, что их право на него превосходит его право при жизни. Это вдвойне усиливало волнение, в котором постоянно находилась общественность в отношении короны, и держало умы амбициозных и честолюбивых людей во всех владениях Вильгельма в постоянной лихорадке. Было очевидно, что большая часть причин этого беспокойного ожидания перемен и последующих планов по их продвижению будет устранена, если у Вильгельма родится сын.

Взгляды Вильгельма на брак.

Его выбор.

Поэтому важным вопросом государственной политики стало то, что герцог должен быть женат. Дружественные ему бароны и военачальники настоятельно рекомендовали ему эту меру, поскольку, по их мнению, она могла бы оказать большое влияние на умы жителей страны и укрепить его власть. Соответственно, Вильгельм начал подыскивать себе жену. Однако в конце концов выяснилось, что, хотя политика была главным соображением, которое впервые заставило его задуматься о браке, любовь, вероятно, оказала важное влияние на выбор дамы; во всяком случае, объект его выбора был достоин любви. Она была одной из самых красивых и талантливых принцесс Европы.

Родословная Матильды.

Она была дочерью великого князя, правившего страной Фландрия. Фландрия находится на побережье, к востоку от Нормандии, за границами Франции и на южном берегу Немецкого океана. Титул ее отца был граф Фландрский. Однако он управлял своими владениями, как государь, и стоял во главе очень эффективной военной силы. Его семья также занимала

очень высокое положение и пользовалась большим уважением среди других принцев и властителей Европы. Она вступила в брак с королевской семьей Англии, так что Матильда, дочь графа, которую Вильгельм решил сделать своей невестой, как выяснили генеалоги, проявлявшие в те времена большой интерес к отслеживанию подобных связей, происходила по прямой линии от самого великого английского короля Альфреда.

Ее родство с Вильгельмом.

Это родство, сделав рождение Матильды более знаменитым, сыграло в пользу этого брака, поскольку значительная часть мотивов, которыми руководствовался Вильгельм, собираясь жениться, заключалась в том, чтобы возвеличить и укрепить свое собственное положение благодаря связи, которую он собирался создать. Однако в этом деле было еще одно кровосмешение, которое имело противоположную тенденцию. Отец Матильды был связан как с норманнской, так и с английской линией, и Матильда и Вильгельм были в некотором отдаленном смысле двоюродными братьями. Это обстоятельство в дальнейшем, как мы увидим, привело к серьезным трудностям и проблемам.

Достижения Матильды.

Ее вышивка.

Матильда была на семь лет младше Уильяма. Она воспитывалась при дворе своего отца и славилась своей красотой и достижениями. В те времена высокопоставленные дамы стремились отличиться в двух областях: музыке и вышивании. Вышивка гобеленов была великим достижением, и в этом искусстве юная Матильда приобрела большое мастерство. В Средние века гобелены вешали на стены некоторых наиболее богато украшенных комнат в королевских дворцах и замках, чтобы скрыть обнаженную поверхность камней, из которых было построено здание. Подвешенные таким образом ткани сначала были простыми, но потом их стали украшать вышитыми каймами или другими украшениями, и в конце концов дамы научились использовать свои свободные часы и, чтобы развеять тоску долгого заточения, которое многие из них вынуждены были переносить в своих замках, вышивать различные приспособления и узоры на вешалках, предназначенных для их собственных покоев, или выполнять такую работу в качестве подарков для своих друзей. Усердие и мастерство Матильды в этом деле прославились на весь мир.

Промышленность Матильды.

Те достижения, которые дамы стараются приобрести в раннем возрасте, иногда, как утверждают, почти полностью откладываются после замужества; не обязательно потому, что тогда они меньше стремятся угодить, но иногда из-за обилия домашних обязанностей, на которые остается мало времени, а иногда из-за бремени забот или печалей, которые не оставляют им сил на развлечения и веселье. Однако, похоже, в случае с Матильдой все было не так. В годы супружеской жизни она часто бралась за иглу, а после того как Вильгельм завершил завоевание Англии, она с огромным трудом выткала на длинном льняном полотне серию рисунков, иллюстрирующих различные события и происшествия его похода, и эта работа сохранилась до наших дней.

Гобелен из Байе.

По крайней мере, в древнем городе Байе, в Нормандии, в настоящее время существует такой гобелен, который сохранился с незапамятных времен, и который, по преданию, был создан Матильдой. Однако представляется, что если она вообще его создала, то, должно быть, "как Соломон строил храм - с большой помощью"; ведь это знаменитое полотно, которое вот уже

несколько сотен лет славится среди всех историков и ученых мира под названием "*Гобелен Байе*", имеет более четырехсот футов в длину и почти два фута в ширину. Ткань - льняная, а вышивка - шерстяная. Все это, очевидно, выполнено иглой, и работа велась с бесконечным трудом и тщательностью. Шерстяные нитки, которые использовались, были разных цветов, подходящих для изображения различных объектов в дизайне, хотя эти цвета, конечно, сейчас сильно потускнели и поблекли.

Узоры.

Непристойный рисунок.

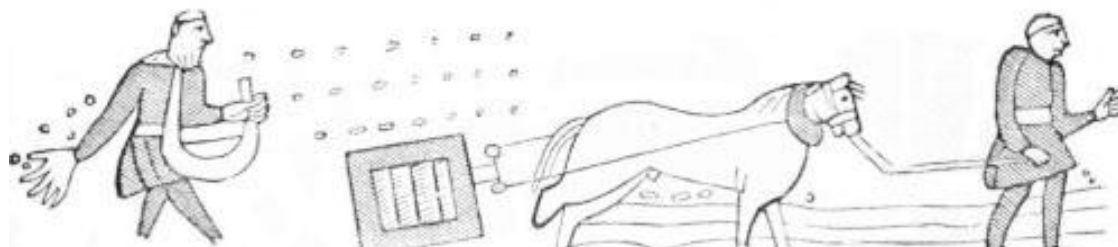
Сами рисунки очень просты и даже грубы, что свидетельствует о весьма слабом знании принципов современного искусства. Представленные на следующей странице образцы гравюр, сделанных с них, дают некоторое представление о детском стиле обрисовки, характерном для всех узоров Матильды. Однако, как бы ни считали такой стиль рисования сейчас, во времена Матильды он, похоже, пользовался большой популярностью и восхищением.

Образцы рисунков гобелена Байе.

Пахота. Из

гобелена Байе.

Сеяние. Из

гобелена Байе.

Сохранение.

Элементы распада.

Великовозрастный гобелен из Байе.

Наблюдая за ходом человеческих дел, мы часто замечаем хрупкость и преходящность вещей, казалось бы, самых долговечных и прочных. В случае с этой вышивкой мы, напротив, поражаемся долговечности и неизменности того, что, казалось бы, должно быть самым хрупким и мимолетным. Завоевание Англии Вильгельмом произошло в 1066 году. Таким образом, этому куску гобелена, если его действительно создала Матильда, около восьмисот лет. И если учесть, насколько нежным, тонким и хрупким является волокно льняной нити, и что различные элементы распада, всегда занятые работой по разложению и разрушению творений человека, оказались достаточно могущественными, чтобы уничтожить и разрушить самые гордые сооружения, которые он когда-либо пытался возвести, мы поражаемся, что эти

тонкие нити смогли так долго сопротивляться их действию. Гобелен из Байе продержался почти тысячу лет. Возможно, он продержится еще тысячу лет. Так что огромная и непоколебимая сила, которая разрушила Вавилон и Трою и делает заметные успехи в деле разрушения пирамид, остановлена прочностью рукоделия, выполненного хрупкими и нежными пальцами женщины.

Возможно, у нас еще будет повод вспомнить о гобелене из Байе, когда мы перейдем к рассказу о подвигах, которые эта историческая вышивка призвана была проиллюстрировать и украсить. А пока вернемся к нашему рассказу.

Брачные переговоры.

Брачные переговоры принцев и принцесс всегда ведутся формально и торжественно, при вмешательстве легатов, посольств и уполномоченных, которых бесчисленное множество и которые, конечно же, заинтересованы в затягивании процесса, чтобы как можно больше продлить свое собственное дипломатическое значение и власть. Помимо этих случайных и временных трудностей, вскоре выяснилось, что в данном случае существуют реальные и весьма грозные препятствия, которые на какое-то время грозили полностью сорвать затею.

Возражения Матильды.

Отказ Матильды.

Среди этих трудностей была одна, которой обычно не придают большого значения, но которая в данном случае, казалось, надолго преградила путь желаниям Уильяма, а именно - неприятие, которое испытывала к этому браку сама юная принцесса. Можно предположить, что она не испытывала никакого личного отвращения к Уильяму, ведь он был высоким и красивым кавалеристом, очень изящным и утонченным, известным своей храбростью и успехами на войне. Во всех отношениях он был таким человеком, который мог бы поразить воображение принцессы-девы в те воинственные времена. Однако Матильда возражала против его рождения. Она не могла считать его законным потомком и наследником герцогов Нормандии. Правда, в то время он владел тронem, но большая часть самых могущественных вождей его королевства считала его узурпатором. В любой момент, при внезапном изменении судьбы, он мог быть изгнан из своих владений. Одним словом, его положение, хотя и очень возвышенное на данный момент, было слишком шатким и неустойчивым, а его личные претензии на высокое общественное положение - слишком неопределенными, чтобы она могла доверить свою судьбу в его руки. Одним словом, ответом Матильды на предложения Вильгельма стал абсолютный отказ стать его женой.

Ее привязанность к Брихтрику.

Невзаимная привязанность Матильды.

Однако эти мнимые основания, на которых Матильда основывала свой отказ, какими бы правдоподобными они ни были, не были настоящими и истинными. Тайным мотивом послужила другая привязанность, которую она сформировала. Ко двору ее отца во Фландрии от английского короля был отправлен молодой саксонский посол, которого звали Брихтрик. Брихтрик пробыл при дворе во Фландрии совсем недолго, и Матильда, часто видевшая его на различных увеселениях, праздниках и вечеринках, которые устраивались для его развлечения, сильно привязалась к нему. У него был очень светлый цвет лица, а черты - выразительные и красивые. Он занимал высокое положение в Англии, хотя, разумеется, по своему рангу уступал Матильде. Поскольку при данных обстоятельствах ему вряд ли подобало бы добиваться руки принцессы из-за превосходства ее положения в обществе, Матильда сочла своим долгом сообщить ему о своих чувствах и тем самым открыть дорогу.

Она так и сделала; но, несчастная дева, обнаружила, что Брихтрик сам не испытывает любви, которую он ей внушил, и все усилия и искусства, к которым ее побуждал инстинкт привязанности, оказались совершенно бесполезными для того, чтобы вызвать ее. Выполнив свою миссию, Брихтрик холодно расстался с Матильдой, в то время как ее сердце почти разрывалось, и уехал.

Жажда мести.

Как самое сладкое вино превращается в самый острый уксус, так и самая горячая и пылкая любовь превращается, если вообще превращается, в самую горькую и ядовитую ненависть. Любовь вскоре уступила место в сердце Матильды негодованию, а негодование - жгучей жажде мести. Острота первого волнения утихла, но Матильда никогда не забывала и не прощала разочарования и унижения, которые ей пришлось пережить. Спустя долгое время у нее появилась возможность страшно отомстить Брихтрику в Англии, подвергнув его жестокости и лишениям, которые свели его в могилу.

Кровосмешение Вильгельма и Матильды.

Препятствие к их браку.

Между тем, пока ее мысли были заняты этой привязанностью, она, разумеется, не могла благосклонно выслушать предложения Вильгельма. Ее друзья не придали бы значения истинной причине ее неприятия этого брака, но они чувствовали силу возражений, которые можно было справедливо выдвинуть против звания Вильгельма и его реального права на трон. Кровосмешение сторон было большим источником неудобств и проблем. Лицам, столь близко связанным друг с другом, римско-католические правила запрещали вступать в брак. Существовала такая вещь, как получение диспенсации от папы, по которой брак был бы разрешен. Соответственно, Вильгельм отправил в Рим посольство для переговоров по этому вопросу. Это, конечно, открыло новое поле для трудностей и проволочек.

Переговоры с папой.

Причины задержки.

Папские власти имели обыкновение в таких случаях требовать от заинтересованных лиц в качестве цены или, скорее, в качестве условия их выдачи какой-либо грант или выгодную передачу Церкви, например, основание аббатства или монастыря, строительство часовни или пожертвование на благотворительность, чтобы таким образом возместить Церкви полученную выгоду за ущерб, который может быть нанесен делу религии и нравственности в результате ослабления божественного закона. Разумеется, если преследовалась именно такая цель, власти Рима стремились затянуть переговоры, чтобы в конце концов добиться от нетерпеливого претендента более выгодных условий. Посольства и комиссары, со стороны Вильгельма, также не имели бы сильных мотивов для поспешных действий. Рим был приятным местом для проживания, а жить там в качестве посла королевского герцога Нормандии означало пользоваться большим вниманием и быть постоянно окруженным сценами великолепия и пышности. Кроме того, сам Вильгельм не всегда имел возможность продвигать дело, уделяя ему свое пристальное внимание; ведь в период, пока шли переговоры, он время от времени был занят иностранными войнами или подавлением восстаний среди своих баронов. Таким образом, то по одной, то по другой причине казалось, что дело никогда не закончится.

На самом деле менее решительный и целеустремленный человек, чем Вильгельм, сдался бы в отчаянии, ведь, как говорят, прошло семь лет, прежде чем дело было доведено до конца. О

стремительной энергии, которую проявил Уильям в этом деле, рассказывают одну историю, которая кажется почти невероятной.

Ссора Вильгельма с Матильдой.

Это произошло после того, как переговоры затянулись на несколько лет, и в то время, когда трудности в основном были вызваны противодействием Матильды. Это произошло во время беседы Вильгельма с Матильдой на улицах Брюгге, одного из городов ее отца. Все, что происходило во время беседы, неизвестно, но в конце ее негодование Вильгельма по поводу обращения с ним Матильды потеряло всякий предел. Он ударил ее или толкнул с такой силой, что повалил на землю. Говорят, что он ударил ее несколько раз, а затем, оставив ее в испачканной и растрепанной одежде, в ярости ускакал. Любовные ссоры часто способствуют сближению враждующих сторон, но такие ужасные любовные ссоры, как эта, мы надеемся, случаются крайне редко.

Примирение.

Как бы жестока ни была ссора, за ней последовало полное примирение, и в конце концов все препятствия были устранены, а Вильгельм и Матильда поженились. Это событие произошло в 1052 году.

Брак.

Ликования и празднества.

Церемония бракосочетания состоялась в одном из замков Вильгельма, на границах Нормандии, так как по обычаю принцы и короли всегда венчались в своих владениях. Матильда была проведена туда с большой помпой и парадом ее родителями, и ее сопровождал большой поезд сопровождающих и друзей. Эта компания, запряженная - как рыцарями, так и дамами - на великолепно убранных лошадях, двигалась через всю страну, как маленькая армия на марше, или, скорее, как триумфальная процессия, сопровождающая королеву. Матильда была принята в замке с большим почетом, и празднование брака и сопутствующие ему увеселения продолжались несколько дней. Это была сцена необычного праздника и ликования.

Наряды Уильяма и Матильды по этому случаю отличались особым великолепием. На ней была мантия, усыпанная самыми дорогими драгоценными камнями; а на Вильгельме, в дополнение к остальному великолепию его наряда, были мантия и шлем, богато украшенные теми же дорогими украшениями. В те времена так много значения придавалось этой внешней демонстрации, и так велик был общественный интерес к ней, что эти платья Вильгельма и Матильды со всеми драгоценностями, украшавшими их, были впоследствии помещены в большую церковь в Байе, где они оставались своего рода публичным зрелищем, собственностью церкви, в течение почти пятисот лет.

Резиденция в Руане.

Древние замки и дворцы.

Из замка Оги, где проходили брачные церемонии, Вильгельм после окончания первых торжеств и ликований отправился в великий город Руан, ведя свою невесту с большой пышностью и парадом. Здесь молодая пара поселилась, наслаждаясь всеми видами роскоши и великолепия, которые были доступны в те времена. Как уже говорилось, в интерьерах даже королевских замков и дворцов было мало тех удобств и комфорта, которые

считаются необходимыми для счастья в современном доме. Нынешние европейские дамы наслаждаются своими уединенными и хорошо обставленными апартаментами, украшенными бархатными коврами и шелковыми занавесками, пышными пуховыми кроватями, диванами и кушетками, приспособленными к любым прихотям, которые только могут возникнуть по капризу усталости или беспокойства, шкафами с сокровищами и библиотеками украшенных книг - вся сцена освещена великолепием газовых светильников, блеск которых отражается в зеркалах и канделябрах, переливающихся тысячей оттенков. В феодальном дворце Матильды таких сцен не было. Холодные каменные полы были покрыты ковриками из камыша. Стены - если голая каменная кладка вообще была скрыта - были завешаны грубыми гобеленами, украшенными безвкусными и отвратительными фигурами. Кровати представляли собой жалкие поддоны, окна - дыры в петлях, а сам замок имел все архитектурные характеристики тюрьмы.

Дворец Матильды.

Роскошь и великолепие.

Впрочем, роскошь и великолепие существовали и тогда. У Матильды были великолепные лошади, великолепно убранные. Ее платья были богато украшены золотом и драгоценными камнями. В длинном замковом зале время от времени устраивались грандиозные банкеты и карусели, турниры, скачки, игры и другие военные представления, проводимые с большим парадом и пышностью. Таким образом, Матильда начала свою супружескую жизнь в роскоши и великолепии.

Маугер, архиепископ Руанский.

Вильгельм и Матильда отлучены от церкви.

В роскоши и великолепии, но не в мире. У Вильгельма был дядя, которого звали Маугер. Он был архиепископом Руана и являлся сановником с большим влиянием и властью. Разумеется, родственники Вильгельма были заинтересованы в том, чтобы он не был женат, поскольку любое увеличение вероятности того, что его корона перейдет к прямым наследникам, уменьшало их будущие шансы на престол и, конечно, подрывало их нынешнее значение. Маугер был категорически против этого брака и всячески старался, пока шли переговоры, помешать и отсрочить их. Наиболее настойчиво он настаивал на кровосмешении сторон, на что он, как он утверждал, будучи главой церкви в Нормандии, должен был обратить особое внимание. Похоже, что, несмотря на переговоры Вильгельма с Папой, чтобы получить послабление, дело не было полностью улажено в Риме до свадьбы; и очень скоро после празднования бракосочетания Маугер издал эдикт об отлучении Вильгельма и Матильды за то, что они вступили в брак в пределах степеней родства, запрещенных церковными канонами.

Отлучение от церкви в Средние века было страшным бедствием. Человек, осужденный таким образом, становился, насколько это было возможно, изгоем среди людей и проклятым Небом. Против него произносились самые ужасные обличения, а в случае с принцем, подобным Вильгельму, все его подданные освобождались от верности, им запрещалось оказывать ему помощь или защищать его. Такой могущественный правитель, как Вильгельм, мог какое-то время противостоять влиянию и последствиям такого курса, но он был уверен, что суеверия народа будут все сильнее и сильнее действовать против него и в конце концов измотают его.

Ланфранк послал на переговоры с папой.

Вильгельм решил сразу же обратиться к папе и какими-то способами добиться от него разрешения. Среди них был некий монах, тогда малоизвестный и безвестный, но впоследствии ставший весьма известным общественным деятелем, по имени Ланфранк, которого Вильгельм по тем или иным причинам считал обладающим необходимыми качествами для этой миссии. Соответственно, он дал ему инструкции и отправил в путь. Ланфранк отправился в Рим и там так ловко вел переговоры с папой, что вскоре довел их до конца.

Его успех.

Условия договора, заключенного Ланфранком.

Он заключил следующее соглашение. Папа должен был дать диспенсацию и подтвердить брак, сняв тем самым приговор об отлучении, вынесенный архиепископом Маугером, при условии, что Вильгельм построит и пожертвует госпиталь для ста бедняков, а также возведет два аббатства, одно из которых построит сам для монахов, а другое - Матильда для монахинь. Ланфранк согласился на эти условия со стороны Вильгельма и Матильды, а они, когда им сообщили о них, приняли и подтвердили их с великой радостью. Запрет на отлучение был снят, вся Нормандия согласилась с браком, а Вильгельм и Матильда приступили к разработке планов и руководству строительством аббатств.

Их планы были реализованы.

Для строительства они выбрали город Кан. Место этого города можно увидеть на карте у северного побережья Нормандии. [G] Он располагался в широкой и приятной долине, у слияния двух рек, и был окружен красивыми и плодородными лугами. Он был сильно укреплен, окружен стенами и башнями, которые построили предки Вильгельма, герцоги Нормандии. Вильгельм и Матильда проявляли большой интерес к планам и постройкам, связанным со строительством аббатств. Аббатство Вильгельма было очень обширным и содержало в себе королевский дворец для него самого, где в последующие годы он и Матильда часто останавливались.

Основные здания этих аббатств сохранились до сих пор, хотя стены и укрепления Кана разрушены. В настоящее время здания используются не по назначению, но они сохранили названия, данные им изначально, и посещаются огромным количеством туристов, которые с большим интересом относятся к ним как к необычным памятникам прошлого - памятникам-близнецам, увековечившим древний брак.

Дети Уильяма и Матильды.

Домашний характер Матильды.

После того как брак был окончательно подтвержден и одобрен, Уильям и Матильда наслаждались долгим периодом домашнего спокойствия. Старшим ребенком был сын. Он родился в течение года после свадьбы, и Уильям назвал его Робертом, так, как читатель помнит, звали отца Уильяма. Со временем в семье появилось много детей. Их звали Роберт, Уильям Руфус, Генри, Сесилия, Агата, Констанс, Адела, Аделаида и Гутред. Матильда с большой материнской верностью посвятила себя заботе и воспитанию этих детей, и многие из них стали впоследствии историческими личностями самого высокого уровня.

Цели брака Вильгельма.

Цель, которая, как следует помнить, была одним из главных побуждений Вильгельма к заключению этого союза, а именно укрепление его власти путем соединения с правящей семьей Фландрии, в значительной степени была достигнута. Два правительства, связанные между собой этой естественной связью, укрепляли власть друг друга и часто оказывали друг другу существенную помощь, хотя впоследствии был один случай, когда надежды Вильгельма на эту помощь оказались несостоятельными. Дело было так:

Болдуин, граф Фландрии.

Когда Вильгельм планировал вторжение в Англию, он обратился к брату Матильды, Болдуину, который в то время был графом Фландрии, с предложением собрать войско и присоединиться к нему. Болдуин, считавший это предприятие опасным и рискованным, отправил ответное послание с вопросом, какую долю английской территории Вильгельм отдаст ему, если тот пойдет и поможет ему ее завоевать. Вильгельм решил, что эта попытка заранее заключить сделку о разделе добычи свидетельствует о корыстном и недоверчивом духе его шурина, который он вовсе не был склонен поощрять. Поэтому он взял лист пергамента и, ничего не написав внутри, сложил его в форме письма, а на внешней стороне написал следующую рифму:

Пустое письмо.

"Beau frère, en Angleterre vous aures Ce qui dedans escript, vous trouverez".

Этот королевский дистих можно перевести следующим образом:

"Твою долю, добрый брат, в земле, которую мы завоевали, Ты найдешь озаглавленной и описанной внутри".

Удивление Болдуина.

Вильгельм передал пустую грамоту рукой гонца, который доставил ее Болдуину, как будто это была депеша, имеющая большое значение. Болдуин с нетерпением принял письмо и сразу же вскрыл его. Удивившись, что внутри ничего нет, он повертел пергамент во все стороны в тщетных поисках описания своей доли и спросил гонца, что это значит. "Это значит, - ответил тот, - что раз внутри ничего не написано, то и ты ничего не получишь".

Однако, несмотря на это острословие, между сторонами, по-видимому, было достигнуто некоторое соглашение, поскольку Фландрия действительно внесла значительную долю в войска, которые Вильгельм собрал, готовясь к вторжению.

Глава VI.

Леди Эмма.

1002-1052 гг. Н.Э.

Претензии Вильгельма на английский престол.

Не следует думать, что даже в те воинственные времена, о которых мы пишем, такой могущественный правитель, как герцог Нормандский, вторгся бы в Англию, столь большую и могущественную по сравнению с его собственной страной, без какого-либо предложения.

Предлогом Вильгельма было то, что он сам является законным наследником английской короны, а английский король, владевший ею на момент его вторжения, - узурпатор. Чтобы читатель мог понять природу и происхождение этого его притязания, необходимо несколько подробнее рассказать историю леди Эммы.

Леди Эмма.

Обратившись к генеалогии нормандской линии герцогов, приведенной во второй главе этого тома, можно узнать, что Эмма была дочерью первого Ричарда. В ранние годы она славилась своей великой личной красотой. Ее называли *жемчужиной Нормандии*.

Претенденты на английский престол.

В конце концов она вышла замуж за одного из английских королей, которого звали Этельред. В то время Англия была охвачена гражданскими войнами, которые велись между двумя враждующими расами - саксами и датчанами. По сути, существовали две отдельные династии или линии королей, которые постоянно соперничали за власть. В этих состязаниях иногда на какое-то время побеждали датчане, а иногда саксы; а иногда обе расы имели на поле королевского представителя, каждый из которых претендовал на трон и правил отдельными частями острова. Таким образом, в определенные периоды в Англии существовало два королевства, оба занимали одну и ту же территорию и претендовали на управление одним и тем же населением - с двумя королями, двумя столицами, двумя администрациями, в то время как несчастные жители были сбиты с толку и разорены ужасными конфликтами, к которым приводили эти враждебные притязания.

Этельред.

Этельред происходил из саксонского рода. На момент женитьбы на Эмме ему было около сорока лет, он был вдовцом и имел, помимо прочих детей от прежней жены, сына по имени Эдмунд, активного, энергичного молодого человека, который впоследствии стал королем. Одним из мотивов его женитьбы на Эмме было желание укрепить свое положение, заручившись союзом норманнов в Нормандии. Датчане, его английские враги, были норманнами. Поэтому правительство Нормандии, естественно, было бы склонно к союзу с ними. Однако этим браком Этельред надеялся оторвать норманнов Франции от дела своих врагов и объединить их со своими. Таким образом, он получил бы двойное преимущество, усилив себя за счет присоединения, которое ослабило бы его врагов.

Этельред покорен.

Он бежит в Нормандию.

Его план удался настолько, что заставил самого Ричарда, герцога Нормандии, встать на его сторону, но это не позволило Этельреду одержать победу над своими врагами. Напротив, они победили *его*, а в конце концов и вовсе изгнали из страны. Вместе с женой Эммой и двумя маленькими сыновьями он бежал в Нормандию. Их звали Эдуард и Альфред.

Резня датчан.

Ужасы гражданской войны.

Ричард II, брат Эммы, который в то время был герцогом Нормандии, принял несчастных беглецов с большой добротой, хотя *он*, по крайней мере, вряд ли заслуживал ее. Неудивительно, что его изгнали из родного королевства, ведь он не обладал ни одним из тех высоких душевных качеств, которые подходят людям для завоевания или управления. Как и все другие слабовольные тираны, он подменял жестокостью мудрость и энергию в своих

попытках подчинить себе врагов. Например, как только он женился на Эмме, чувствуя себя воодушевленным и сильным от великого прихода власти, которую, как он думал, он получил благодаря этому союзу, он запланировал всеобщую резню датчан и осуществил ее в определенный день, с помощью частных приказов, тайно разосланных по всему королевству. Огромное количество датчан было уничтожено; и так велика была ненависть двух рас друг к другу, что те, кто должен был исполнять эти кровавые приказы, выполняли их с дикой жестокостью, которая была совершенно ужасной. В одном случае они похоронили женщин до пояса, а затем натравили на них собак, чтобы те рвали их обнаженную плоть до тех пор, пока они не умрут в агонии. При изложении истории было бы лучше опустить такие ужасные подробности, если бы не то, что в такой стране, как эта, где так много зависит от влияния каждого человека в определении того, будут ли вопросы и дискуссии, которые время от времени возникают и будут возникать в будущем, разрешены мирным путем или путем насилия и гражданской войны, очень важно, чтобы все мы знали, что такое гражданская война и к каким ужасным зверствам она неизбежно приводит.

Тирания Этельреда.

Альфред Великий, воюя с датчанами в Англии за столетие до этого времени, относился к ним, по мере того как получал преимущества перед ними, с великодушием и добротой; и эта политика полностью покорила их в концов. Этельред, напротив, испробовал на себе действие самой тиранической жестокости, и результатом стало лишь то, что он пробудил своих врагов к более решительному и отчаянному сопротивлению. Именно жажда мести и ненависти, которую эти зверства пробудили в датчанах, придала им столько сил и энергии, что они в конце концов изгнали его с острова; так что, когда он прибыл в Нормандию, беглец и изгнанник, он явился в образе свергнутого тирана, порицаемого за свои бессмысленные и зверские жестокости, а не несчастного принца, изгнанного из своего дома под давлением неизбежных бедствий. Тем не менее Ричард, герцог Нормандии, принял его, как мы уже говорили, с добротой. Он чувствовал себя обязанным гостеприимно принять изгнанного монарха, если не ради себя самого, то хотя бы ради Эммы и детей.

Политика Эммы.

Унижение Эммы.

Истоком и концом интереса Эммы к Этельреду, по-видимому, было лишь честолюбие. Жемчужина Нормандии" отдалась этому чудовищу, очевидно, ради славы английской королевы. Ее дальнейшее поведение заставляет читателей истории сделать такое предположение, которое в противном случае было бы немилосердным. Теперь она оплакивала свое разочарование, обнаружив, что вместо того, чтобы быть поддержанной своим мужем в том высоком положении, к которому она стремилась, она вынуждена вернуться в свой прежний дом, чтобы снова стать зависимой, да еще с дополнительным бременем в виде самого мужа и детей, от семьи своего отца. Ее положение становилось еще более унижительным от того, что отца уже не было в живых, и теперь ей приходилось искать приюта и защиты именно у брата, на которого ее естественное право было гораздо менее сильным. Ричард, однако, принял их всех доброжелательно и великодушно.

Этельреду предложили вернуться.

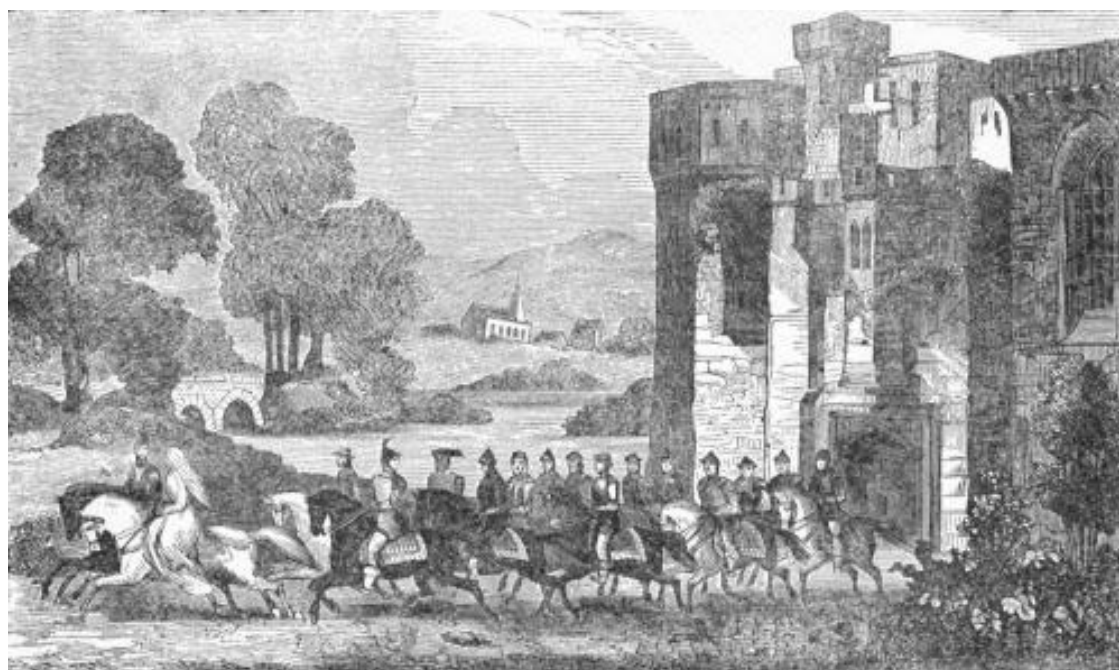
Восстановление Этельреда и Эммы.

Тем временем в Англии продолжались войны и волнения, изгнавшие Этельреда, и саксы постепенно одерживали верх над датчанами. В конце концов король датчан, захвативший власть после изгнания Этельреда, умер. Саксы вернули себе прежнюю власть и послали к Этельреду уполномоченных с предложением вернуться в Англию. В то же время они

выразили свое нежелание принять его, если только не смогут связать его торжественным договором, что в будущем управлении своим правительством он будет придерживаться совершенно иной линии поведения, чем раньше. Этельред и Эмма стремились вернуть себе утраченный трон на любых условиях. Они отправили посольство, уполномоченное дать от имени Этельреда любые обещания, которые могли потребовать английские вельможи; вскоре после этого королевская чета пересекла Ла-Манш и отправилась в Лондон, где Этельред был признан *саксонской* частью населения острова вновь королем.

Война с Канутом.

Однако *датчане*, хоть и ослабленные, не были склонны к покорности. Они заявили о своей верности *Кануту*, который был преемником *датского* рода. Затем последовала долгая война между Канутом и Этельредом. Канут был человеком необычайной проницательности и ума, а также большой храбрости и энергии. Этельред же, несмотря на все свои обещания, оказался неизлечимо неумелым, трусливым и жестоким. На самом деле его сын принц Эдмунд, сын его первой жены, был гораздо эффективнее своего отца в противостоянии Кануту и датчанам. Эдмунд был активным и бесстрашным, и вскоре он приобрел очень широкую власть. На самом деле, похоже, он не очень уважал власть своего отца. Один яркий пример такого неповиновения произошел. Этельред по той или иной причине обиделся на одного из вельмож своего королевства, предал его смерти и конфисковал его владения; в дополнение к этому он с характерной для него жестокостью заточил несчастную вдову своей жертвы, молодую и красивую женщину, в мрачный монастырь в качестве узницы. Эдмунд, его сын, отправился в монастырь, освободил пленницу и сделал ее своей женой.

Спасение.

Смерть Этельреда.

Положение Эммы.

При таких недружественных отношениях между королем и его сыном, который, похоже, был самым умелым генералом в армии отца, было мало надежды на успех в борьбе с таким врагом, как Канут Датский. На самом деле, ход государственных дел шел от плохого к худшему, Эмма все время вела жизнь в постоянном беспокойстве и тревоге. Наконец, в 1016 году Этельред умер, и чаша разочарований и унижений Эммы была переполнена. Ее собственные сыновья, Эдуард и Альфред, не имели никаких претензий на корону, поскольку Эдмунд, сын от предыдущего брака, был старше их. Они были слишком молоды, чтобы лично принимать активное участие в жестоких состязаниях того времени и таким образом бороться за свое значение и власть. А Эдмунд, которому теперь предстояло стать королем, разумеется, не будет заинтересован в их продвижении и не окажет ей чести. Сын, который будет мешать и противодействовать планам и мерам отца, как это делал Эдмунд, вряд ли будет проявлять почтение к свекрови или сводным братьям, которых он, естественно, будет считать своими соперниками. Словом, у Эммы были основания для тревоги из-за ничтожности и опасности ситуации, в которую она неожиданно попала. Она бежала во второй раз, в нужде и беде, к своему брату в Нормандию. Однако теперь она была вдовой, а ее дети остались без отца. Трудно решить, считать ли ее положение лучше или хуже, чем во время предыдущего изгнания.

Ее дети.

Ее сыновья были юношами, но еще не вышли из детского возраста; старший Эдвард, на которого в первую очередь легла обязанность прилагать усилия для продвижения семейных интересов, отличался тихим и кротким нравом и не подавал надежд на то, что вскоре будет склонен к активному участию в военных походах. Эдмунд же, ставший королем, находился в расцвете сил, был человеком большого духа и энергии. Существовала разумная перспектива, что он проживет еще много лет; и даже если бы его внезапно прервали, не было никакой надежды на восстановление значения или власти Эммы; ведь Эдмунд был женат и имел двух сыновей, один из которых имел бы право наследовать ему в случае его кончины. Поэтому казалось, что теперь судьба Эммы - провести остаток дней вместе с детьми в забвении и безвестности. Однако дело обернулось иначе, как мы увидим в конце.

Война с Канутом.

Договор между Эдмундом и Канутом. Смерть Эдмунда.

Несмотря на то, что Эдмунд рассчитывал на долгую и успешную карьеру, его правление оборвалось внезапно, после бурного годичного царствования. Во время его правления Канут Датский стремительно набирал силу в Англии, несмотря на то, что Эдмунд энергично противостоял ему. Наконец, оба монарха собрали свои армии и собрались сразиться в великой последней битве. Эдмунд послал в лагерь Канута флаг перемирия, предлагая, чтобы избежать кровопролития, решить дело в одиночном бою, и чтобы он и Канут были чемпионами и сражались в присутствии армий. Канут отклонил это предложение. Сам он был маленьким и стройным, в то время как Эдмунд отличался развитой фигурой и мускульной силой. Поэтому Канут отказался от личного поединка, но предложил оставить этот вопрос на решение совета, выбранного из числа ведущих дворян обеих сторон. Этот план был окончательно принят. Совет собрался, и после долгих обсуждений был составлен договор, по которому страна была разделена между двумя правителями, и был восстановлен своего рода мир. Через очень короткий промежуток времени после заключения этого договора Эдмунд был убит.

Присоединение Канута.

Канут сразу же предъявил претензии на все королевство. Он утверждал, что по условиям договора раздел королевства должен был продолжаться только в течение их совместной жизни, а после смерти одного из них все переходило к тому, кто пережил их. Саксонские вожди не признавали этого, но они не были в состоянии решительно противостоять этому. Сыновья Этельреда от Эммы были еще слишком молоды, чтобы выступить в качестве лидеров; что касается Эдмунда, то они были совсем детьми. Таким образом, не было никого, кого они могли бы выдвинуть в качестве эффективного представителя саксонской линии, и саксы были вынуждены подчиниться притязаниям Канута, по крайней мере на время. Они не отказались полностью от претензий детей Эдмунда, но согласились отказаться от них на время. Они передали Кануту опеку над мальчиками до их совершеннолетия и позволили ему в это время самому править всей землей.

Мудрая политика Канута.

Его отношение к детям Эдмунда.

Канут осуществлял свою власть очень осмотрительно и рассудительно, казалось, намереваясь во всех своих мероприятиях защитить права и интересы как саксов, так и датчан. Можно было бы предположить, что жизнь юных саксонских принцев, сыновей Эдмунда, не была бы в безопасности в его руках; но политика, которую он сразу же решил проводить, была направлена на примирение саксов, а не на запугивание и принуждение их. Поэтому он не причинил маленьким детям никакого вреда, но отослал их за пределы страны в Данию, чтобы они, по возможности, постепенно забылись. Возможно, он думал, что, если возникнет такая необходимость, их там в любой момент могут тайно предать смерти.

Была и еще одна причина, препятствовавшая Кануту уничтожить этих детей: если бы *они* были удалены, претензии саксонской линии не были бы тем самым уничтожены, а лишь перешли бы к детям Эммы в Нормандии, которые, будучи старше, скорее всего, были бы в состоянии доставить ему неприятности в качестве соперников. Поэтому очень мудрая и прозорливая политика побудила его сохранить жизнь малолетним детям Эдмунда, но удалить их на безопасное расстояние, подальше от дороги.

Канут женится на Эмме.

Что касается детей Эммы, то Канут задумал другой план защиты от любой опасности, исходящей от их притязаний, а именно: он предложил взять их мать в жены. Таким образом, ее семья перейдет в его руки, и тогда ее собственное влияние и влияние ее нормандских друзей будет навсегда лишено возможности выступить против него. Он так и поступил. Эмма была достаточно амбициозна, чтобы вернуться к своему прежнему великому положению английской королевы, и охотно приняла его. Мир осуждал ее за готовность выйти замуж за второго мужа, смертельного врага и соперника первого; но для нее было все равно, будет ли ее муж саксонцем или датчанином, лишь бы она могла стать королевой.

Противодействие ее сыновей.

Эмма снова королева Англии.

Мальчики, вернее, юноши, поскольку они уже достигли зрелости, были категорически против этой связи. Они делали все возможное, чтобы не допустить ее осуществления, и никогда не простили матери, что она так подло предала их интересы. Они были тем более возмущены этой сделкой, что в брачном договоре между Канутом и Эммой было оговорено, что их *будущие* дети - потомство от заключенного брака - должны наследовать трон Англии, исключая всех ранее рожденных с обеих сторон. Таким образом, Кануту казалось, что он навсегда закрепил за собой и своими потомками право на корону, а Эмма готовилась

вернуться в Англию в качестве ее королевы. Брак был отпразднован с большой помпой и пышностью, и Эмма, попрощавшись с Нормандией и своими теперь уже отчужденными детьми, была с почетом проведена в королевский дворец в Лондоне.

Граф Годвин.

Теперь мы должны в нескольких словах рассказать о двадцатилетнем перерыве. Это был период правления Канута, процветающий и мирный. В этот период сыновья Эммы-норманнки продолжали жить в Нормандии. Через несколько лет после замужества у нее родился еще один сын в Англии, которого называли Канутом в честь отца, но в истории он известен под именем Хардиканута, приставка к которому является саксонским словом, обозначающим энергичного или сильного. В правительстве Канута был также очень известный министр по имени Годвин. Годвин был саксонцем очень скромного происхождения, и история его жизни представляет собой довольно романтическую сказку. [Н] Он был человеком необычайных талантов и характера, и на момент смерти Канута он был самым могущественным подданным в королевстве.

Смерть Канута.

Он завещает королевство Гарольду.

Когда Канут узнал, что скоро умрет, и стал обдумывать, как ему распорядиться наследством, он пришел к выводу, что ему небезопасно выполнять соглашение, заключенное в брачном договоре с Эммой, согласно которому дети от этого брака должны были наследовать королевство; ведь Хардикануту, который имел право наследовать по этому договору, было всего шестнадцать или семнадцать лет, а значит, он был слишком молод, чтобы пытаться управлять государством. Поэтому он составил завещание, в котором оставил королевство старшему сыну по имени Гарольд - сыну, который был у него еще до брака с Эммой. Это стало сигналом к новой борьбе. Влияние саксов и друзей Эммы было, конечно, в пользу Хардиканута, в то время как датчане выступали за Гарольда. В конце концов Годвин встал на сторону последней партии, Гарольд был утвержден на троне, а Эмма и все ее дети, будь то потомки Этельреда или Канута, были отброшены и забыты.

Заговоры Эммы для своих детей.

Ее письмо к ним.

Эмма вовсе не была склонна соглашаться этой переменной судьбы. Она осталась в Англии, но втайне негодовала на то, что ее второй муж нарушил ее веру; и поскольку он отказался от ребенка от своего брака с ней ради *своих* прежних детей, она теперь решила отказаться от него ради *своих*. Поэтому она отказалась от дела Хардиканута и начала тайно строить заговоры среди саксонцев, чтобы возвести на престол своего сына Эдуарда. Когда она решила, что все созрело для осуществления заговора, она написала письмо своим детям в Нормандии, в котором сообщила им, что саксонское население устало от датской линии и готово, по ее мнению, восстать за древнюю саксонскую линию, если истинный ее представитель явится к ним во главе. Поэтому она пригласила их приехать в Лондон и посоветоваться с ней по этому вопросу. Однако она велела им приехать, если они вообще приедут, в тихой и мирной манере, без каких-либо враждебных намерений, поскольку любая вещь, которая может показаться иностранным вторжением, пробудит всеобщую ревность и тревогу.

Когда это письмо было получено братьями в Нормандии, старший, Эдуард, отказался ехать, но дал свое согласие на то, чтобы Альфред взял на себя экспедицию, если будет на то его воля. Альфред принял это предложение. На самом деле темперамент и характер двух братьев

были очень разными. Эдуард был степенным, серьезным и робким. Альфред же был пылким и честолюбивым. Поэтому младший решил рискнуть и переплыть Ла-Манш, в то время как старший предпочел остаться дома.

Катастрофический исход экспедиции Альфреда.
Его страшный приговор.

Результат оказался весьма плачевным. Вопреки наставлениям матери, Альфред взял с собой немалый отряд нормандских воинов. Он благополучно переправился через Ла-Манш и продвинулся по стране на некоторое расстояние в сторону Лондона. Гарольд выслал отряд, чтобы перехватить его. Его окружили, а сам он и все его сторонники попали в плен. Его приговорили к лишению глаз, и он умер через несколько дней после исполнения этого ужасного приговора от лихорадки и душевных мук и отчаяния. Эмма бежала во Фландрию.

Воцарение Эдуарда.

Наконец Гарольд умер, и его преемником стал Хардиканут. Через некоторое время Хардиканут умер, не оставив наследников, и теперь, конечно, не осталось никого [1], кто мог бы соперничать со старшим сыном Эммы Эдуардом, который все это время спокойно оставался в Нормандии. Соответственно, он был провозглашен королем. Это произошло в 1041 году. Он правил двадцать лет, начав свое правление примерно в то время, когда Вильгельм Завоеватель утвердился в своих владениях в качестве герцога Нормандии. Эдуард был близко знаком с Вильгельмом во время его долгого проживания в Нормандии, и Вильгельм приезжал к нему в Англию во время его правления. Вильгельм, по сути, считал себя наследником Эдуарда; поскольку Эдуард, хотя и был женат, не имел детей, герцоги из рода Нормандии были его ближайшими родственниками. По его словам, он получил от Эдуарда обещание, что в случае его смерти Эдуард одобрит и подтвердит его притязания на английскую корону, завещав ее Вильгельму в своем завещании.

Эмма несчастна и жалка.
Обвинения в адрес Эммы.
Ее плачевный конец.

Эмма была уже в преклонных годах. Честолюбие, которое было главным принципом ее жизни, казалось бы, было вполне удовлетворено, насколько вообще возможно удовлетворить честолюбие, ведь у нее было два мужа и два сына, все короли Англии. Но когда ее карьера подошла к концу, она обнаружила себя жалкой и несчастной. Ее сын Эдуард не мог простить ей того, что она бросила себя и своего брата, чтобы выйти замуж за человека, который был злейшим врагом их самого и их отца. Она заключила официальный брачный договор, чтобы исключить их из числа наследников престола. Она относилась к ним с пренебрежением все время правления Канута, пока жила с ним в Лондоне в могуществе и великолепии. Эдуард также обвинил ее в том, что она попустительствовала смерти его брата Альфреда. Рассказывают, что он заставил ее судить по этому обвинению, подвергнув огненному испытанию. Этот метод заключался в том, что на каменный пол церкви на определенном расстоянии друг от друга клали раскаленные утюги и требовали, чтобы обвиняемая прошла по ним голыми ногами. Если обвиняемый был невиновен, Провидение, как они предполагали, так направляло его шаги, что он не касался утюгов. Таким образом, если он был невиновен, то прошел бы благополучно, а если виновен, то был бы сожжен. Эмма, по рассказам того времени, была подвергнута этому испытанию в Винчестерском соборе, чтобы определить, была ли она в курсе убийства своего сына. Правда это или нет, но несомненно, что Эдуард заточил ее в монастырь в Винчестере, где она и окончила свои дни в запустении и нищете.

Дети Эдмунда.
Годвин.
Гарольд.
Планы Эдуарда.

Когда сам Эдуард приблизился к концу своей жизни, его разум был сильно озадачен вопросом престолонаследия. В Венгрии все еще жил один потомок его брата Эдмунда, чьих детей, как помнится, Канут отослал в Данию, чтобы убрать их с дороги. Звали этого потомка Эдуард. По сути, он был законным наследником короны. Но он провел свою жизнь в чужих странах и теперь находился далеко; а тем временем граф Годвин, о котором уже упоминалось как о великом саксонском дворянине, поднявшемся из очень скромного положения до положения самого могущественного подданного в королевстве, приобрел такое влияние и обладал такой огромной властью, что в одно время казался сильнее самого короля. В конце концов Годвин умер, но его сын Гарольд, такой же энергичный и деятельный, как и его отец, унаследовал его власть и, как казалось Эдуарду, претендовал на будущее обладание троном. Эдуард ненавидел Годвина и всю его семью, и теперь был крайне озабочен тем, чтобы предотвратить возможность воцарения Гарольда. В связи с этим он отправил в Венгрию своего племянника Эдуарда, чтобы тот вернулся домой. Эдуард приехал, прихватив с собой семью. У него был маленький сын по имени Эдгар. По замыслу короля Эдуарда, после его смерти на престол должен был взойти принц Эдуард, чтобы исключить возможность воцарения Гарольда.

Заговоры и контрзаговоры.

План был очень разумным, но, к сожалению, его сорвала смерть принца Эдуарда, которая произошла вскоре после его прибытия в Англию. Юный Эдгар, тогда еще ребенок, конечно же, был его наследником. Король был убежден, что никакое правительство, которое можно было бы организовать во имя Эдгара, не сможет противостоять могущественной власти Гарольда, и поэтому он снова обратил свои мысли к воцарению Вильгельма Нормандского, который был ближайшим родственником по материнской линии, как к единственному средству спасти королевство от попадания в руки узурпатора Гарольда. После этого началась долгая и мучительная борьба, в которой ведущие силы и влияние королевства были разделены и отвлечены планами, заговорами, маневрами и контрманеврами Гарольда, чтобы добиться восшествия на престол для себя, и Эдуарда, чтобы обеспечить его для Вильгельма Нормандского. В этом противостоянии Гарольд победил в первую очередь, а Эдуард и Вильгельм - в последнюю.

Глава VII.

Король Гарольд.

1063-1066 гг. Н.Э.

Гарольд и Вильгельм.

Гарольд, сын графа Годвина, стремившегося завладеть английским престолом, и Вильгельм Нормандский, хотя и жили по разные стороны Ла-Манша, один во Франции, другой в Англии,

были лично знакомы друг с другом; ведь не только Вильгельм, как говорилось в предыдущей главе, нанес визит в Англию, но и сам Гарольд по одному случаю совершил экскурсию в Нормандию. Обстоятельства этой экспедиции были в некоторых отношениях весьма необычными и ярко иллюстрируют некоторые особенности представлений и обычаев того времени. Они были следующими:

Ссора между Годвином и Эдуардом.

Договор между Годвином и Эдуардом.

При жизни отца Гарольда, Годвина, между ним, то есть Годвином, и королем Эдуардом произошла очень серьезная ссора, в которой и король, и его мятежный подданный собрали свои силы и некоторое время вели друг против друга открытую и кровопролитную войну. В этом поединке власть Годвина оказалась настолько грозной, а военные силы, которые ему удалось собрать под свои знамена, были столь велики, что правительство Эдуарда не смогло его эффективно усмирить. В конце концов, после долгой и страшной борьбы, вовлекавшей значительную часть страны в ужасы гражданской войны, воюющие стороны заключили между собой договор, который урегулировал их ссору путем своего рода компромисса. Годвин должен был сохранить свое высокое положение и звание подданного и продолжать управлять некоторыми частями острова, которые долгое время находились под его юрисдикцией; он же, со своей стороны, обещал распустить свои армии и больше не воевать с королем. Он связал себя верным исполнением этих соглашений, предоставив королю заложников.

Заложники.

Заложниками в таких случаях всегда становились близкие и дорогие родственники и друзья, и существовало понимание, что если сторона, давшая заложников, не выполнит своих обязательств, то невинные и беспомощные заложники окажутся полностью во власти другой стороны, на попечение которой они были отданы. Последний в таких случаях заключал их в тюрьму, подвергал пыткам или предавал смерти, с большей или меньшей степенью строгости в отношении причинения боли, в зависимости от того, какой градус отчаяния пробуждала в его сознании реальная или мнимая обида, которую он получил.

Дача заложников теперь отменена.

Жестокость, которую причиняли.

Заложники Канута.

Этот жестокий метод связывания свирепых и беспринципных людей для выполнения их обещаний был повсеместно отменен в наше время, хотя на грубых и ранних стадиях цивилизации он практиковался у всех народов, как древних, так и современных. Выбранные заложники часто были молодыми и нежными, и всегда были такими, чтобы сделать разлуку, которая происходила, когда их отрывали от друзей, наиболее болезненной, поскольку целью выбора было заполучить тех, кто был наиболее любим. Их отдавали в руки тех, кого они всегда считали своими злейшими врагами и кто, разумеется, вызывал у них отвращение и ужас. Их отсылали в места заточения и уединения, держали под стражей у чужих людей, где они жили в постоянном страхе, что произойдет новая вспышка между враждующими сторонами и они будут подвергнуты пыткам или смерти. Жестокость, которой иногда подвергались в таких случаях невинные заложники, была ужасной. Однажды, во время разборок между Этельредом и Канутом, Канут, будучи изгнанным через всю страну к морскому побережью и вынужденный сесть на корабли, чтобы бежать, был достаточно жесток, чтобы отрубить руки и ноги некоторым заложникам, которых Этельред ранее дал ему, и оставить их корчиться в агонии на прибрежном песке.

Заложники Годвина.

Заложниками, которых историки называют особо, как отданных Годвином королю Эдуарду, были его сын и его внук. Их звали Ульнот и Хакун. Улнот, конечно же, был братом Гарольда, а Хакуне - его племянником. Эдуард, полагая, что Годвин придумает, как вернуть эти ценные бумаги в свое владение, если он попытается оставить их в Англии, решил отправить их в Нормандию и передать на хранение герцогу Вильгельму. После смерти Годвина Гарольд обратился к Эдуарду с просьбой отдать заложников, поскольку, как он утверждал, больше не было причин держать их у себя. Они были даны в качестве залога за хорошее поведение *Годвина*, а теперь Годвина больше нет.

Эдуард отказывается отдать заложников.

Эдуард не мог отказаться от них, и все же, поскольку Гарольд стал преемником власти и, очевидно, обладал всеми амбициями своего отца, политически было так же необходимо сохранить заложников, как и раньше. Поэтому Эдуард, не отказываясь полностью отдать их, откладывал и уклонялся от выполнения требования Гарольда, ссылаясь на то, что заложники находятся в Нормандии. Он собирался, по его словам, послать за ними, как только сможет принять необходимые меры, чтобы доставить их домой в целости и сохранности.

В этих обстоятельствах Гарольд решил сам отправиться за ними. Он предложил этот план Эдуарду. Эдуард не отказал ему в полном согласии, но сделал все возможное, чтобы воспрепятствовать такой экспедиции. Он сказал Гарольду, что Вильгельм Нормандский - хитрый и могущественный человек; что, отправившись в его владения, он полностью отдаст себя в его власть и наверняка вовлечет себя в серьезные затруднения. Эта беседа между Гарольдом и королем запечатлена на гобелене в Байе в виде противоположного безлюдного рисунка.

Гарольд отправляется в Нормандию.

Беседа Гарольда с Эдуардом.

Какой эффект произвело неодобрение проекта Эдуардом на сознание Гарольда, доподлинно неизвестно. Верно, что он переправился через Ла-Манш, но рассказы об этом переходе путаны и противоречивы: в некоторых из них говорится, что во время прогулки с компанией сопровождающих и спутников по побережью его отнесло от берега и штормом во Францию. Вероятно, однако, что эта история была лишь притворством. Он был намерен уехать, но, не желая открыто действовать вопреки желанию короля, придумал, что его сдуло, чтобы создать впечатление, что он отправился против своей воли.

Беседа Гарольда с

Эдуардом.

Буря.

Гарольд терпит кораблекрушение.

Ги, граф Понтийский.

В любом случае, буря была настоящей, независимо от того, была ли она реальной или притворной, и он был вынужден покинуть английские берега под ее силой. Шторм отклонил его от курса, погнав вверх по Ла-Маншу к востоку от Нормандии, где он намеревался высадиться, и в конце концов выбросил его галеру, потерпевшую крушение, на берег недалеко от устья Соммы. Сама галера была разбита, но Гарольд и его компания спаслись на суше. Они обнаружили, что находятся во владениях некоего принца, владевшего владениями на этом побережье, чей стиль и титул был Ги, граф Понтийский.

Гарольд в плену.

В те времена закон гласил, что затонувшие корабли становятся собственностью владыки территории, у берегов которой они произошли; в случае такого бедствия не только конфисковывались корабли и содержащиеся на них товары, но и сами владельцы подлежали захвату и содержанию в плену с целью получения выкупа. Гарольд, зная о своей опасности, пытался укрыться на побережье, чтобы добраться до Нормандии, когда один рыбак, увидев его и поняв по его одежде и внешнему виду, а также по почтению, с которым к нему относились остальные, что это человек, пользующийся большим авторитетом в своей стране, отправился к графу и сказал, что за десять крон он покажет ему, где есть человек, который стоил бы ему тысячу. Граф прибыл со своей свитой на побережье, схватил несчастных искателей приключений, завладел всеми товарами и багажом, которые

пощадили волны, а самих людей запер в своем замке в Аббевиле, пока они не смогут заплатить выкуп.

Его выкупает Вильгельм.

Гарольд запротестовал против такого обращения. Он сказал, что едет в Нормандию по очень важному делу к герцогу от короля Англии и что его нельзя задерживать. Но граф решительно отказался отпустить его без выкупа. Тогда Гарольд послал весточку Вильгельму с известием о своем положении и просьбой освободить его. Вильгельм послал к графу, требуя, чтобы тот выдал своего пленника. Однако все это лишь возвысило и расширило представления графа о ценности и важности приза, который ему так удачно удалось заполучить. Он упорно отказывался отдать его без выкупа. В конце концов Вильгельм заплатил выкуп в виде крупной суммы денег и уступки значительной территории. После этого Гарольд и его товарищи по рабству были переданы посланникам Вильгельма и в целости и сохранности доставлены в Руан, где в то время проживал Вильгельм.

Гостеприимство Вильгельма.

Вильгельм принял своего высокого гостя со всеми возможными знаками самого почетного уважения. Его с большим парадом и церемонией проводили во дворец, разместили в самой роскошной обстановке, снабдили всеми необходимыми припасами, устроили игры, военные зрелища, пиры и увеселения, которым не было числа, чтобы отметить его визит. Вильгельм сообщил ему, что он волен вернуться в Англию, когда пожелает, и что его брат и племянник, заложники, которых он приехал искать, находятся в его распоряжении. Однако он настоятельно попросил его не возвращаться немедленно, а остаться на некоторое время в Нормандии со своими спутниками. Гарольд принял приглашение.

Его политика в этом вопросе.

Обращение Вильгельма с гостями.

Все это изобилие гостеприимства, как легко догадается читатель, было вызвано радостью герцога от того, что единственный важный соперник, который мог появиться, чтобы оспорить его притязания на английскую корону, оказался в его власти, и надеждой, которую он питал, так распорядиться делами во время этого визита, чтобы отвлечь Гарольда от мысли самому стать королем Англии и побудить его взять на себя обязательство действовать в его, то есть Вильгельма, пользу. Поэтому он сделал все возможное, чтобы ему понравился его визит в Нормандию; он показал ему богатство и ресурсы страны, проводя его из одного места в другое для посещения замков, аббатств и городов, и, наконец, он предложил ему сопровождать его в военном походе в Бретань.

Гарольд, довольный оказанными ему почестями, а также новизной и великолепием сцен, с которыми его познакомили, с радостью принял все эти планы, и его спутники и сопровождающие были не менее довольны, чем он сам. Вильгельм посвятил многих из этих последователей Гарольда в рыцари и сделал им дорогие подарки: коней, знамена, доспехи и другие подарки, которые должны были пленить сердца таких же искателей военных приключений, как и они. Вскоре Вильгельм полностью завладел их умами, и когда он предложил им сопровождать его в экспедиции в Бретань, все они с радостью согласились.

Экскурсия в Бретань.

Таланты Гарольда.

Бретань находилась к западу от Нормандии и на ее границах, так что экспедиция не была далекой. Не была она и длительной. По сути, это была своего рода увеселительная экскурсия: Вильгельм повез своего гостя через границу на территорию соседа, на мародерский поход, как в наше время дворянин повез бы в лес на охоту. Во время этой кампании Вильгельм и Гарольд находились в самых близких и дружеских отношениях. Они жили в одном шатре и ели за одним столом. Гарольд проявил большие военные таланты и отвагу в различных приключениях, с которыми они столкнулись в Бретани, и Вильгельм как никогда остро почувствовал необходимость обеспечить его влияние на своей стороне, то есть на стороне Вильгельма, или, по крайней мере, предотвратить его превращение в открытого соперника и врага. По возвращении из Бретани в Нормандию он решил, что настало время принять меры. В связи с этим он решил открыто договориться с Гарольдом о своих планах и заручиться его сотрудничеством.

Политика Вильгельма.

Вильгельм объявляет Гарольду о своих претензиях на английскую корону.

По словам историков, он заговорил об этом однажды, когда они ехали домой после экскурсии и некоторое время оживленно беседовали по дороге, рассказывая друг другу о войнах, сражениях, осадах, побегах на волосок от гибели и других приключениях, которые в те времена обычно служили темой для повествовательных бесед. В конце концов Уильям, обнаружив, что Гарольд, по его мнению, находится в благоприятном для такого общения настроении, затронул тему английского королевства и приближающейся гибели короны. Он доверительно рассказал ему, что между ним, Вильгельмом, и королем Эдуардом уже давно существует договоренность о том, что Эдуард *усыновит* его в качестве своего преемника. Кроме того, Вильгельм сказал Гарольду, что очень рассчитывает на его сотрудничество и помощь в мирном овладении королевством, и пообещал в ответ одарить его самыми высокими наградами и почестями, если тот окажет ему свою помощь. Единственным претендентом, по словам Уильяма, был малолетний Эдгар, а у него не было ни друзей, ни партии, ни военных сил, ни средств для поддержания своих притязаний. С другой стороны, он, Вильгельм и Гарольд, очевидно, имели всю власть в своих руках, и если бы они только могли сотрудничать друг с другом на основе общего понимания, они были бы уверены, что власть и почести английского королевства полностью в их распоряжении.

Искажение Гарольда.

Гарольд выслушал все эти предложения и сделал вид, что ему интересно и приятно. На самом деле он был заинтересован, но не доволен. Он хотел закрепить королевство за собой, а не просто получить долю, пусть даже большую, его власти и почестей как подданный другого. Однако он был слишком осторожен, чтобы выразить свое недовольство. Напротив, он согласился с планом, признался, что всем сердцем принимает его, и выразил готовность немедленно приступить к предварительным мерам, необходимым для его осуществления. Вильгельм был очень доволен успешным результатом своих переговоров, и оба вождя поскакали домой, во дворец Вильгельма в Нормандии, связанные друг с другом, по-видимому, очень крепкими узами. Однако втайне Гарольд намеревался как можно скорее покинуть Нормандию и принять немедленные и наиболее эффективные меры для закрепления за собой королевства Англии, не обращая внимания на обещания, данные Вильгельму.

Меры предосторожности Вильгельма.

Не следует думать, что сам Вильгельм положился на простые обещания Гарольда. Он сразу же начал разрабатывать планы по принуждению его к выполнению своих условий с

помощью способов, которые в то время обычно использовались для обеспечения выполнения соглашений, заключенных между принцами. Этих способов было три: обручение, предоставление заложников и торжественная клятва.

Обручение.

Вильгельм предложил два брака в качестве средства укрепления союза между ним и Гарольдом. Гарольд должен был отдать Вильгельму одну из своих дочерей, чтобы Вильгельм мог выдать ее замуж за одного из своих нормандских вождей. Это, конечно, отдало бы ее во власть Вильгельма и сделало бы заложницей только по имени. Гарольд, однако, согласился. Второй брак предлагался между дочерью Вильгельма и самим Гарольдом; но поскольку его дочь была ребенком всего семи лет, речь могла идти только о помолвке, которая могла состояться в это время. Гарольд согласился и с этим предложением, и было принято решение о том, чтобы стороны самым торжественным образом скрепили друг с другом свою веру. Было созвано большое собрание всех рыцарей, дворян и придворных дам, и церемония скрепления верности между свирепым воином и нежным и дивным ребенком прошла с такой же пышностью и парадностью, как если бы это была настоящая свадьба. Девочку называли Аделой.

Вильгельм удерживает заложника.

Очевидное согласие Гарольда.

Что касается заложников, то Вильгельм решил задержать одного из тех, кого Гарольд, как известно, прибыл в Нормандию, чтобы вернуть. Поэтому он сказал ему, что тот может взять с собой своего племянника Хакуна, но что Ульнот, его брат, должен остаться, и Вильгельм сам приведет его, когда придет королевство. Гарольд крайне не хотел оставлять своего брата во власти Вильгельма; но поскольку он прекрасно понимал, что его разрешение вернуться в Англию будет зависеть от того, не проявит ли он нежелания дать Вильгельму гарантию и не покажет ли еще что-нибудь, что он не намерен соблюдать данное обещание, он с готовностью согласился, и таким образом было решено, что Ульнот должен остаться.

Публичная клятва.

Наконец, чтобы заставить Гарольда выполнить свои обещания всеми возможными способами, Вильгельм предложил ему принести публичную и торжественную клятву в присутствии большого собрания всех великих правителей и вождей королевства, в которой он под самыми страшными санкциями обяжет себя сдержать свое слово. Гарольд не стал возражать и против этого. Он считал себя фактически под принуждением, а свои действия - несвободными. Он находился во власти Вильгельма, и на все его поступки влияло желание сбежать из Нормандии и вновь обрести свободу. Поэтому он решил, что какие бы клятвы он ни давал, впоследствии он будет считать их вынужденными, а значит, недействительными, и был готов принять любую, которую предложит Вильгельм.

Великое собрание рыцарей и дворян.

Соответственно, было созвано большое собрание. Посреди зала совета было поставлено большое государственное кресло, покрытое золотой тканью. На этой ткани, значительно возвышаясь над сиденьем, лежал *миссал*, то есть богослужебная книга католической церкви, написанная на пергаменте и великолепно иллюминированная. Книга была открыта на отрывке из одного из Евангелистов - Евангелистов, части Священного Писания, которая в те времена должна была наделять клятву самыми торжественными санкциями.

Троекратная клятва.

Гарольд почувствовал легкое сомнение, когда вышел на сцену посреди столь внушительного собрания рыцарей и дам, собравшихся в зале совета, чтобы повторить свои обещания в присутствии Бога и навлечь на себя карающие проклятия Всевышнего за их нарушение, которое он сознательно и твердо решил совершить. Однако он зашел слишком далеко, чтобы отступать. Поэтому он подошел к раскрытому миссалу, положил руку на книгу и, повторяя слова, которые Вильгельм диктовал ему со своего трона, принес требуемую тройную клятву: помогать Вильгельму всеми силами в его попытке обеспечить наследование английской короны, жениться на дочери Вильгельма Аделе, как только она достигнет подходящего возраста, и немедленно прислать из Англии свою собственную дочь, чтобы она была обручена с одним из дворян Вильгельма.

Предосторожность Вильгельма.

Священные реликвии.

Как только клятва была принесена, Вильгельм велел убрать миссал и золотую ткань, и под ним на государственном кресле появился сундук со священными реликвиями Церкви, которые Вильгельм тайно собрал в аббатствах и монастырях своих владений и поместил в этот тайник, чтобы, если Гарольд не узнает об этом, их страшное наказание было добавлено к тому, которое наложили святые евангелисты. Эти реликвии представляли собой фрагменты костей, помещенные в шкатулки и рамы, частицы крови, как утверждали монахи, апостолов или Спасителя, и небольшие куски дерева, сохранившиеся подобным образом, которые были частями креста Христа или его тернового венца. Эти вещи с большой торжественностью хранились в монастырских заведениях и церквях тех ранних времен, и к ним относились с таким почтением и благоговением, которое мы даже не в силах себе представить. Гарольд содрогнулся, увидев, что он невольно натворил. Он с ужасом подумал, что сила произнесенных им проклятий гораздо страшнее, чем он мог себе представить, произнося их. Но было уже слишком поздно исправлять содеянное. Собрание было окончательно распущено. Вильгельм решил, что совесть его нового союзника ему обеспечена, а Гарольд начал готовиться к отъезду из Нормандии.

Отъезд Гарольда.

До самого отъезда он оставался в прекрасных отношениях с Вильгельмом. Вильгельм проводил его до берега моря, когда наступило время отплытия, и отпустил его с многочисленными прощальными почестями и обильными подарками. Гарольд отплыл и, благополучно переплыв Ла-Манш, высадился в Англии.

Его меры по сохранению трона.

Возраст и немощи Эдуарда.

Он сразу же начал энергичную систему мер, чтобы укрепить свое дело и подготовить почву для собственного воцарения. Он организовал свою партию, собрал оружие и боеприпасы и сделал все возможное, чтобы завязать отношения с самыми влиятельными и богатыми вельможами. Он также искал благосклонности короля и пытался убедить его отказаться от Вильгельма. Король был уже стар и немощен, и с возрастом становился все более бездеятельным и мрачным. Его ум был полностью занят церковными обрядами и церемониями, или погружен в безжизненную меланхолию, из-за которой он не хотел задумываться о том, как будут развиваться дела его королевства после его смерти. Ему было все равно, кому достанется корона - Гарольду или Вильгельму, когда он отложит ее в сторону, - лишь бы они позволили ему умереть спокойно.

Вестминстер.
Смерть Эдуарда.

За несколько лет до этого он планировал совершить паломничество в Иерусалим, но в итоге договорился с папой, который разрешил ему построить соборную церковь, посвященную святому Петру, в нескольких милях к западу от Лондона, вместо паломничества. В самом центре Лондона уже существовала соборная церковь или *минстер*, посвященная святому Павлу. Впоследствии новую церковь часто называли *Вестминстер*, чтобы отличить ее от другой, *западной*, и это название, Вестминстер, стало впоследствии ее обычным именем. Именно на этом месте, где сейчас стоит Вестминстерское аббатство, и должна была быть построена церковь Эдуарда. В то время, о котором мы говорим, она была только что закончена, и король готовился к ее посвящению. Он созвал собрание всех прелатов и великих церковных сановников страны, чтобы собраться в Лондоне и посвятить новый собор. Не успели они подготовиться к службе, как король внезапно заболел. Его положили на кушетку в дворцовых покоях, где он лежал, беспокойный, стонал от боли и беспрестанно повторял, наполовину во сне, наполовину в бреду, мрачные и угрожающие тексты Писания, которые, казалось, преследовали его разум. Он очень хотел, чтобы посвящение состоялось, и они торопили службу, чтобы удовлетворить его, совершив ее перед смертью. На следующий день ему стало явно нехорошо. Гарольд и его друзья очень хотели, чтобы уходящий монарх перед смертью объявил о его благосклонности, и их приходы и уходы, их громкие разговоры, грубые солдаты, какими они были, нарушали его предсмертные часы. Он послал им весточку, чтобы они сами выбрали, кто будет королем, герцог или граф, ему это было безразлично, и таким образом скончался.

Корона, предложенная Гарольду.
Коронация Гарольда.
Он посвящает Эдгара в рыцари.

Гарольд так хорошо все устроил и сумел заручиться влиянием всех влиятельных вельмож королевства, что они немедленно собрались и предложили ему корону. Эдгар в то время находился при дворе Эдуарда, но он был слишком молод, чтобы предпринимать какие-либо усилия для выдвижения своих претензий. По сути, он был иностранцем, хотя и принадлежал к английскому королевскому роду. Он был воспитан на европейском континенте и даже не мог говорить на английском языке. Поэтому он безропотно согласился с этими процедурами и даже присутствовал в качестве зрителя на коронации Гарольда, которая была проведена с большой помпой и парадом в соборе Святого Павла в Лондоне вскоре после смерти короля Эдуарда. Гарольд вознаграждал Эдгара за его сговорчивость и благоразумие, наградив его рыцарским званием сразу после коронации, причем в той церкви, где проходила церемония. Подобные знаки отличия и почести он оказывал и многим другим честолюбивым и амбициозным людям, которых хотел привлечь на свою сторону. Таким образом, казалось, что он надежно и прочно завладел тронном.

Гарольд нарушает клятву, данную Вильгельму.

До этого времени Гарольд женился на молодой англичанке, сестре двух очень влиятельных дворян и самой богатой наследнице королевства. Этот брак значительно укрепил его влияние в Англии и помог подготовить почву для его прихода к верховной власти. Однако весть об этом, когда она пересекла Ла-Манш и достигла ушей Вильгельма Нормандского, поскольку этот акт был открытым и преднамеренным нарушением одного из заветов, которые Гарольд заключил с Вильгельмом, убедила последнего в том, что ни один из этих заветов не будет соблюден, и подготовила его к ожиданию всего, что последовало за этим.

Глава VIII.

Приготовления.

1066 Г. Н.Э.

Брат Гарольда Тостиг.

Он приносит известие о воцарении Гарольда.

Гонец, принесший Вильгельму весть о восшествии Гарольда на престол, был человеком по имени Тостиг, братом Гарольда. Хотя он и был братом Гарольда, он все же был его злейшим врагом. Братья редко дружат в семьях, где есть корона, за которую нужно бороться. В те времена, конечно, не было публичных способов передачи информации, и Тостиг узнал о смерти Эдуарда и коронации Гарольда через шпионов, которых он разместил в определенных точках побережья. Сам он в это время находился на континенте. Он со всей скоростью поскакал в Руан, чтобы сообщить новости Вильгельму, желая подстрекнуть его к началу военных действий против своего брата.

Вильгельм

получает весть от Тостига.

Сила и ловкость Вильгельма.

Когда Тостиг прибыл в Руан, Вильгельм находился в парке, расположенном в окрестностях города, и пробовал новый лук, который недавно был изготовлен для него. Вильгельм обладал огромной мускульной силой, и ему приписывали заслугу в том, что он мог легко пользоваться луком, который никто другой не мог согнуть. Часть этой заслуги, несомненно, объяснялась этикетом, который в королевских дворцах и угодьях заставляет всех благоразумных придворных тщательно следить за тем, чтобы никогда не преуспевать в попытках превзойти короля. Но, несмотря на это соображение, нет сомнений, что герцог действительно заслужил

большую часть похвалы, которую он получил за свою силу и ловкость в обращении с луком. Это было оружие, к которому он проявлял большой интерес. Для него был изготовлен новый лук, очень упругий и прочный, и он вышел в свой парк со своими офицерами, чтобы испытать его силу, когда прибыл Тостиг. Тостиг последовал за ним до места и, подойдя к нему, приватно сообщил ему новость.

Его удивление.

Вильгельм был очень тронут известием. Его стрела упала на землю. Он отдал лук слуге. Некоторое время он стоял безмолвно, завязывая и развязывая шнур своего плаща в рассеянности. Вскоре он начал медленно удаляться от этого места и возвращаться в сторону города. Его сопровождающие молча следовали за ним, гадая, что же это за волнующая весть, которая произвела столь внезапный и сильный эффект.

Фицосборн.

Его беседа с Уильямом.

Уильям вошел в зал замка и долго ходил взад-вперед, задумчивый и явно взволнованный. Его сопровождающие молча ждали, боясь заговорить с ним. Среди них начали распространяться слухи о характере полученных сведений. Вскоре в замок прибыл крупный государственный чиновник по имени Фицосборн. Когда он проходил через двор и ворота, слуги и народ, зная, что он пользуется большим доверием своего государя, спросили его, что это за известие, которое произвело такое впечатление. "Я не знаю ничего определенного, - ответил он, - но скоро узнаю". С этими словами он подошел к Вильгельму и обратился к нему со словами: "Почему ты скрываешь от нас свои новости? В городе говорят, что король Англии мертв, а Гарольд нарушил клятву, данную вам, и захватил королевство. Это правда?"

Вильгельм признал, что именно это известие вызвало у него досаду и огорчение. Фицосборн призвал герцога не позволять подобным событиям угнетать и расстраивать его. "Что касается смерти Эдуарда, - сказал он, - то это событие уже свершилось и не подлежит пересмотру; но узурпация и предательство Гарольда допускают очень легкое исправление. У вас есть право на трон, и у вас есть солдаты, необходимые для осуществления этого права. Смело беритесь за дело. Вы непременно добьетесь успеха".

Большой государственный совет.

Посольство к Гарольду.

Вильгельм размышлял над этим вопросом несколько дней, в течение которых раздражение и гнев, вызванные первым получением известия, сменились спокойным, но возмущенным размышлением о том, какой курс ему следует выбрать. Он решил созвать большой государственный совет и изложить ему суть дела - не для того, чтобы получить его совет, но чтобы привлечь его внимание к кризису в формальной и торжественной манере и подготовить его к согласованным действиям в последующих мерах. В результате обсуждения на совете, руководствуясь, несомненно, собственными замыслами Вильгельма, первым шагом должно было стать отправление посольства к Гарольду, чтобы потребовать от него выполнения обещаний.

Гарольд напомнил о своих обещаниях.

Соответственно, был отправлен гонец. Он отправился в Лондон и передал Гарольду порученное ему сообщение. В этом сообщении говорилось о трех обещаниях, которые дал

Гарольд, а именно: отправить свою дочь в Нормандию, чтобы выдать ее замуж за одного из генералов Вильгельма; самому жениться на дочери Вильгельма; и поддерживать претензии Вильгельма на английскую корону после смерти Эдуарда. Он также должен был напомнить Гарольду о торжественности, с которой тот обязался выполнить эти обязательства, поклявшись в присутствии самых священных реликвий церкви, причем самым публичным и обдуманном образом.

Гарольд ответил,

Его ответы.

1. Что касается отправки дочери замуж за одного из генералов Вильгельма, то он не может этого сделать, поскольку его дочь мертва. Он полагает, сказал он, что Вильгельм не желает, чтобы он отправлял труп.

2. Что касается женитьбы на дочери Вильгельма, с которой он был связан узами брака в Нормандии, то он с сожалением сказал, что это также не в его власти, поскольку он не может взять чужую жену без согласия своего народа, которое, как он был уверен, никогда не будет получено; кроме того, он уже был женат, сказал он, на саксонской даме из своих собственных владений.

3. Что касается королевства: по его словам, не от него зависит, кто будет править Англией в качестве преемника Эдуарда, а от воли самого Эдуарда и от английского народа. Английские бароны и дворяне решили, с согласия Эдуарда, что он, Гарольд, является их законным и надлежащим государем, и не ему оспаривать их волю. Как бы он ни хотел подчиниться желаниям Вильгельма и выполнить свое обещание, было ясно, что это не в его силах, ибо, обещая ему английскую корону, он обещал то, что ему не принадлежало.

4. Что касается его клятв, то он сказал, что, несмотря на тайное присутствие святых мощей под золотой тканью, он не считает их обязательными для своей совести, поскольку был вынужден принять их как единственное средство вырваться из заточения, в котором он фактически находился в Нормандии. Обещания и клятвы, даже если они были даны по необходимости, не имели никакой силы.

Возвращение гонца.

Гонец вернулся в Нормандию с этими ответами, и Вильгельм немедленно начал готовиться к войне.

Вильгельм готовится к войне.

Первым делом он созвал совет из своих самых близких друзей и советников и изложил им суть дела. Они сердечно одобрили план вторжения в Англию и пообещали сотрудничать в его осуществлении по мере своих сил.

Вильгельм созывает генеральный совет.

Нехватка средств.

Средства для сбора денег.

Следующим шагом стал созыв общего совета всех вождей и дворян земли, а также *нотаблей*, как их называли, или главных чиновников и муниципальных властей *городов*. Главным вопросом, который должен был рассмотреть этот совет, было то, подчинится ли

страна налогам для сбора необходимых средств. Вильгельм, как герцог, обладал достаточными полномочиями, чтобы принять решение о вторжении и предпринять его. Он также мог без особых проблем собрать необходимое количество людей; ведь каждый барон в своем королевстве был обязан, согласно феодальным условиям, на которых он владел своей землей, предоставить свою долю людей для любого военного предприятия, в котором его суверен мог счесть нужным принять участие. Но для такого далекого и масштабного предприятия, как это, Вильгельму требовалось гораздо больше *средств*, чем обычно требовалось в войнах тех дней. Политические институты Средневековья не предусматривали достаточных средств для сбора таких крупных сумм. Тогда правительства не обладали правом налогообложения, которое так свободно применяется в наши дни; да и сейчас налоги во Франции и Англии имеют форму *пожалований* от народа королям. Что же касается хитроумного способа, с помощью которого неисчерпаемые ресурсы открываются перед правительствами в наши дни, - а именно, плана заимствования денег и предоставления потомкам права выплачивать или отказываться от долга по своему усмотрению, - то во времена Вильгельма ни один министр финансов не был достаточно гениален, чтобы открыть его. Поэтому каждому правителю приходилось полагаться в основном на ренту и доходы с собственных земель и другие частные ресурсы, чтобы получить сравнительно небольшую сумму денег, которая требовалась ему в его коротких походах. Но теперь Вильгельм понимал, что необходимо строить и оснащать корабли, накапливать большие запасы провизии, снабжать оружием и боеприпасами, и все это потребует значительных расходов; а как эти деньги получить?

Неприянные взгляды.

Созванное им общее собрание было сильно отвлечено обсуждением этого вопроса. Тихие и мирные граждане, населявшие города, ремесленники и торговцы, которые желали только одного - чтобы им позволили спокойно заниматься своими промышленными делами, выступали против всего проекта. Они считали неразумным и абсурдным, что от них требуют отчислений из своих доходов, чтобы их господин и повелитель мог отправиться в столь далекое и отчаянное предприятие, от которого, даже в случае успеха, они не могли бы извлечь никакой пользы. Многие бароны тоже были против этой затеи. Они считали, что она с большой вероятностью закончится катастрофой и поражением; они отрицали, что их феодальное обязательство поставлять людей для войн своего государя было обязательным до такой степени, что они должны были отправиться за пределы страны и за море, чтобы отстаивать его претензии на трон другого королевства.

Различные мнения.

Смятение и беспорядок.

С другой стороны, среди членов ассамблеи Вильгельма были и те, кто был решительно настроен в пользу этого плана. Они были более пылкими или более отважными, чем остальные, или, возможно, их положение и обстоятельства были таковы, что они больше надеялись на успех предприятия, чем они, или меньше боялись его провала. Таким образом, мнения разделились; а поскольку парламентская система правил, с помощью которой в наше время тело буйных людей поддерживается в некотором подобии организации и порядка во время дебатов, тогда еще не была разработана, собрание этих нормандских совещателей на некоторое время превратилось в сцену беспорядка и смятения. Члены собрались в группы, каждый оратор собирал вокруг себя столько людей, сколько мог собрать, чтобы выслушать свою речь; более спокойная и пассивная часть собрания переходила от группы к группе, когда их привлекали серьезность и красноречие разных ораторов или одобрение тех чувств, которые они высказывали. Сцена, по сути, напоминала

ту, которую в волнительные времена представляет собой политическое собрание в Америке перед тем, как председатель призывает его к порядку.

План Фицосборна.

Он принят Уильямом.

Успех плана Фицосборна.

Припасы поступают обильно.

Фицосборн, конфиденциальный друг и советник, о котором уже упоминалось как о том, кто осмелился обратиться к герцогу в то время, когда до него дошли вести о смерти Эдуарда и воцарении Гарольда, теперь, видя, что ни о каких определенных и слаженных действиях со стороны этого бурного собрания не может быть и речи, отправился к герцогу и предложил ему отказаться от собрания как такового и заключить с его составными частями по отдельности наилучшие условия и договоренности, какие он только сможет. Сам он, по его словам, предоставит сорок кораблей, укомплектованных, снаряженных и снабженных провизией; он рекомендовал герцогу позвать к себе всех остальных и спросить их, что они готовы сделать по отдельности. Герцог принял этот план, и он оказался удивительно успешным. Те, кого пригласили первыми, сделали большие предложения, и их предложения были немедленно зарегистрированы по форме соответствующими офицерами. Каждый последующий был восхищен примером предшественников и стремился проявить столько же рвения и щедрости, сколько и они. Кроме того, герцог принимал этих вассалов с такой снисходительностью и урбанистичностью, относился к ним с таким вниманием и уважением, что в значительной степени льстил их тщеславию и поднимал их собственную оценку, возвышая их представления о важности услуг, которые они могли бы оказать, чтобы довести столь масштабное предприятие до успешного результата. Одним словом, все, как в половодье, повернулось в пользу предоставления либеральных поставок. Дворяне и рыцари безвозмездно обещали людей, деньги, корабли, оружие, провиант - словом, все, что требовалось; и когда работа по приему и регистрации предложений была завершена, а офицеры подвели итоги, Вильгельм, к своему глубокому удовлетворению, обнаружил, что его потребности удовлетворены с избытком.

Посольство к Папе.

Был еще один очень важный момент, для решения которого Вильгельм принял срочные меры, - это получение одобрения *Папы Римского* на задуманную им экспедицию. Он знал, что моральное влияние римского понтифика на его стороне будет иметь для него неисчислимы преимущества. Поэтому он отправил в Рим посольство, чтобы изложить суть дела его святейшеству и молить папу объявить, что он имеет справедливое право на английскую корону, и уполномочить его действовать и овладеть ею силой оружия. Посланником, которого он нанял, был Ланфранк - тот самый Ланфранк, который за несколько лет до этого так успешно вел переговоры в Риме, связанные с подтверждением брака Вильгельма и Матильды.

Его успех.

Теперь Ланфранк добился не меньшего успеха. Папа, рассмотрев претензии Вильгельма, признал их обоснованными. Он постановил, что Вильгельм имеет право на звание и почести короля Англии. Он распорядился выдать официальный диплом на этот счет. Диплом был изящно оформлен, подписан крестом, согласно папскому обычаю, и скреплен круглой свинцовой печатью. [J]

Причины, по которым Папа благосклонно отнесся к притязаниям Вильгельма.

На самом деле было вполне естественно, что римские власти благосклонно отнеслись к предприятию Вильгельма и были заинтересованы в его успехе, так как в интересах церкви было, несомненно, чтобы Вильгельм, а не Гарольд, правил Англией, поскольку с воцарением Вильгельма английское королевство оказалось бы под гораздо более полным влиянием римской церкви. Вильгельм всегда был очень покорным понтифику, что проявилось в его поведении в вопросе о его браке. Он сам, а также его жена Матильда всегда проявляли горячий интерес к благополучию и процветанию аббатств, монастырей, церквей и других религиозных учреждений того времени. А то обстоятельство, что он отправил своего посла в Рим, чтобы передать свои претензии на рассмотрение понтифика, в то время как Гарольд этого не сделал, свидетельствовало о большем почтении к авторитету церкви и давало основания полагать, что он будет гораздо более послушным и покорным сыном церкви в своем образе правления королевством, если ему удастся им завладеть, чем его соперник Гарольд. Папа и его советники в Риме сочли нужным принять все это во внимание при принятии решения между Вильгельмом и Гарольдом, поскольку искренне верили, не сомневаясь, что их первым и высшим долгом было возвеличить и приумножить всеми возможными способами духовный авторитет священного учреждения, над которым они были призваны председательствовать.

Знамя и кольцо.

Папа и его кардиналы, соответственно, горячо поддержали дело Вильгельма. В дополнение к диплому, который давал Вильгельму официальные полномочия на вступление во владение английской короной, папа прислал ему знамя и кольцо. Знамя было дорогой и изящной работы; однако его ценность заключалась не в его изяществе или стоимости, а в торжественном благословении, которое произнес над ним его святейшество и которое сделало его священным и неприкосновенным. Знамя, освященное таким образом, Ланфранк с большой осторожностью передал Вильгельму.

К нему прилагалось кольцо. Кольцо было золотым, и в нем находился бриллиант большой ценности. Однако и золото, и бриллиант служили лишь оправой для хранения и почитания чего-то, что было гораздо ценнее их. Этим избранным сокровищем был волос с головы апостола Петра - священная реликвия, обладающая чудесной силой и неоценимой ценностью.

Волнение, вызванное их получением.

Когда эдикт со свинцовой печатью, знамя и перстень прибыли в Нормандию, они вызвали великое и всеобщее волнение. Придание предприятию столь выразительной торжественной санкции великого духовного главы Церкви, на которого огромная масса народа взирала с благоговением и почтением, почти божественным, было нерушимой печатью правомерности предприятия и залогом его успеха. В дальнейшем не было никаких трудностей с поиском людей или средств. Все стремились разделить славу и получить вознаграждение за предприятие, одобренное властью, уполномоченной выражать во всех подобных случаях решение Небес.

Провозглашения Вильгельма.

Их последствия.

Обещания Вильгельма.

Убедившись, что течение складывается в его пользу, Вильгельм разослал во все страны, окружающие Нормандию, прокламации, приглашая рыцарей, воинов и авантюристов всех мастей присоединиться к нему в задуманном предприятии. Эти прокламации вызвали

всеобщее внимание. Огромное количество авантюристов решило поступить на службу к Вильгельму. Лошади, оружие и амуниция повсеместно пользовались огромным спросом. Вторжение в Англию и вопрос о присоединении к ней стали всеобщими темами для разговоров. Дороги были покрыты рыцарями и солдатами, одни верхом и в одиночку, другие в составе больших или малых отрядов, все они направлялись в Нормандию, чтобы предложить свои услуги. Вильгельм принимал их всех и давал щедрые обещания в случае успеха одарить их в Англии наградами и почестями. Одним он предлагал денежное вознаграждение, другим - добычу, третьим - должность и власть. У каждого была своя цена. Даже священники и сановники церкви разделяли всеобщий энтузиазм. Один из них предоставил корабль и двадцать вооруженных людей, согласившись на назначение епископом некой ценной английской епархии, когда Вильгельм утвердится на своем троне.

Военно-морские приготовления.

Пока все эти движения происходили в глубине страны, все морские порты и города на побережье Нормандии представляли собой очень оживленную сцену военно-морских приготовлений. Морские архитекторы в большом количестве были заняты строительством и оснащением судов. Одни строились и оснащались для перевозки людей, другие - для транспортировки провизии и боеприпасов; строились лихтеры и лодки для подъема по рекам и для высадки войск на шельфовые берега. Кузнецы и оружейники непрерывно занимались изготовлением копий, мечей и плащей; огромное количество рабочих и тягловых животных было занято доставкой оружия и материалов на корабли, с мануфактур на корабли и из одного пункта высадки в другой.

Филипп, король Франции.

Как только Вильгельм привел в успешное действие все эти занятые учреждения, он решил, что есть еще один момент, который ему необходимо обеспечить, прежде чем окончательно отправиться в путь, и это сотрудничество и помощь французского короля, которого в это время звали Филипп. В качестве герцога Нормандии король Франции был его сеньором, и он должен был действовать, в какой-то степени признавая его высшую власть. В своем новом качестве, то есть как король Англии, или, скорее, как наследник английского королевства, он, конечно, был полностью независим от Филиппа и, следовательно, не был связан никакими феодальными обязательствами, чтобы смотреть на него во всем. Однако он счел наиболее благоразумным попытаться хотя бы примириться с благосклонностью Филиппа, и, оставив своих офицеров и рабочих заниматься организацией армии, строительством и оснащением флота, сам отправился в экспедицию ко двору французского короля. Он счел более безопасным взять на себя эту деликатную миссию самому, нежели поручить ее послу или заместителю.

Визит Уильяма к нему.

Беседа Вильгельма с Филиппом.

Он нашел Филиппа в его дворце Сен-Жермен, который находился на небольшом расстоянии от Парижа. Во время беседы с королем герцог держался очень уважительно и почтительно. Филипп был очень молодым человеком, хотя надменным и тщеславным. Вильгельм значительно превосходил его не только по возрасту и опыту, но и по талантам и характеру, а также по личной известности. Тем не менее он подошел к монарху со всей почтительностью, приличествующей вассалу своего государя, изложил свои планы и попросил одобрения и помощи Филиппа. По его словам, он готов, в случае если помощь будет оказана, держать

свое королевство Англию, как и герцогство Нормандию, в зависимости от французской короны.

Филипп противится его планам.

Филипп, похоже, вовсе не был настроен благосклонно смотреть на этот проект. Он спросил Вильгельма, кто будет заботиться о его герцогстве, пока он будет бегать за королевством. Вильгельм сначала ответил, что это вопрос, который, по его мнению, не должен волновать его соседей. Затем, поразмыслив, что более уважительный ответ был бы более вежливым, учитывая обстоятельства дела, он добавил, что провидение благословило его благоразумной женой и любящими подданными, и что он думает, что может спокойно оставить свои домашние дела в их руках до своего возвращения. Филипп по-прежнему противился этому плану. По его словам, это было квиксово и опасно. Он настоятельно советовал Уильяму отказаться от этой затеи и довольствоваться своими нынешними владениями. Такие отчаянные амбициозные замыслы, как те, что он задумывал, приведут его лишь к разорению.

Совет знати.

Результат их обсуждения.

Однако прежде чем принять окончательное решение, Филипп созвал совет из своих вельмож и государственных чиновников и представил им предложения Вильгельма. В результате их обсуждения Филипп подтвердил свое первое решение. Они заявили, что оказание Вильгельму желаемой помощи потребует больших расходов и будет сопряжено с большими опасностями, а что касается обещаний Вильгельма держать Англию в качестве вассала короля Франции, то они не верят в их исполнение. По их словам, королям Франции было очень трудно на протяжении многих лет поддерживать эффективную власть над герцогами Нормандии, а когда они станут хозяевами такого далекого и могущественного королевства, как Англия, всякий контроль над ними будет утрачен навсегда.

Возвращение Вильгельма.

После этого Филипп дал Вильгельму окончательный ответ в соответствии с этими советами. Ответ был воспринят Вильгельмом с сильным чувством разочарования и досады. Филипп проводил герцога к его свите, когда настал час отъезда, чтобы успокоить, насколько это возможно, его раздраженные чувства, уволив его от своего двора со знаками своего почтения и уважения. Однако Вильгельм был не в том настроении, чтобы радоваться. Прощаясь с Филиппом, он сказал ему, что в результате выбранного им курса он теряет самого могущественного вассала, который когда-либо был у любого государя. "Я бы держал все королевство Англии как часть ваших владений, признавая вас государем над всеми, если бы вы согласились оказать мне помощь, но я не сделаю этого, поскольку вы отказываетесь. Я буду считать себя обязанным отплатить только тем, кто мне поможет".

Последние приготовления.

Матильда становится герцогиней-регентшей.

Вильгельм вернулся в Нормандию, где во время его отсутствия полным ходом шли приготовления к экспедиции, и приступил к последним важным мерам, которые необходимо было принять до его отъезда, а именно к созданию правительства, которое будет править в Нормандии, пока его не будет. Он решил оставить верховную власть в руках своей жены Матильды, назначив в то же время ряд гражданских и военных офицеров в качестве регентского совета, которые должны были помогать ей в ее решениях, предоставляя ей

информацию и советы, и управлять под ее руководством различными департаментами правительства. Ее титул был "герцогиня-регентша", и она была введена в должность публично и торжественно, на большом собрании сословий королевства. В конце церемонии, после того как Вильгельм передал Матильде свои полномочия, он завершил свое обращение, добавив: "И не позволяйте нам не пользоваться плодами ваших молитв и молитв всех дам вашего двора, чтобы благословение Божье сопровождало нас и обеспечило успех нашей экспедиции".

Мотивы Вильгельма.

Республиканские настроения.

Наследственные государи.

Мы вовсе не обязаны полагать, как это может показаться на первый взгляд, что в том, что Вильгельм таким образом заявлял, что полагается на защиту Небес в тех личных и политических опасностях, которым он собирался подвергнуться, было какое-то особое лицемерие и притворство. Вероятно, он искренне верил, что наследование английской короны - это его право, а значит, энергичные и мужественные усилия по отстаиванию своего права - это священный долг. В настоящее время, когда в мире так много стран, в которых интеллект, промышленность и любовь к порядку настолько широко распространены, что масса населения способна самостоятельно организовать и управлять правительством, республиканцы склонны смотреть на наследственных государей как на деспотов, правящих только для того, чтобы способствовать собственному возвышению и достижению целей нечестивого и эгоистичного честолюбия. То, что таких деспотов было очень много, никто не может отрицать; но, с другой стороны, было и много других, которые в своей политической карьере действовали, в большей или меньшей степени, под влиянием принципов долга. Они искренне верили, что огромная власть, которой они наделены, вступая в жизнь, в большинстве случаев без какого-либо собственного участия, является доверием, возложенным на них божественным провидением, от которого нельзя не отказаться; что на них возложена защита общин, которыми они управляют, от внешней вражды, сохранение мира и порядка внутри, содействие общей промышленности и благосостоянию, как непреложный и торжественный долг; И они посвятили свою жизнь исполнению этого долга, с обычной примесью, правда, честолюбия и эгоизма, но все же, в конце концов, с такой же добросовестностью и честностью, какую проявляет масса людей в более скромных слоях общества при исполнении своих обязанностей. Вильгельм Нормандский, по-видимому, принадлежал к этому последнему классу; и, подчиняясь велениям своего честолюбия в стремлении завладеть английской короной, он, несомненно, считал себя исполняющим и обязанности долга.

Энтузиазм народа.

Двуххвостая комета.

Как бы то ни было, он продолжал свои приготовления самым энергичным и успешным образом. Вся страна была воодушевлена делом; их уверенность в том, что затеянное предприятие несомненно заслужило благосклонность Небес, была подтверждена необычным явлением, которое произошло как раз перед тем, как вооружение было готово к отплытию. В небе появилась комета, которая, как утверждали близкие наблюдатели, имела двойной хвост. По общему мнению, это предвещало, что Англия и Нормандия вот-вот объединятся и образуют двойное королевство, которое должно явить всему человечеству удивительное по великолепию зрелище.

Глава IX.

Переправа через Ла-Манш.

1066 Г. Н.Э.

Река Дайв.

Окончательный сбор флота.

Местом окончательного сбора флота, который должен был переправить экспедицию через Ла-Манш, было устье небольшой реки Див, которая, как видно на карте, течет из окрестностей замка Фалез на север в море. Грандиозное собрание состоялось в начале сентября 1066 года. Эта дата, знаменующая собой эпоху норманнского завоевания, относится к числу тех, которые студенты-историки неизгладимо фиксируют в памяти.

Карта.

Нормандия.

Блестящая и великолепная сцена.

Сбор флота в устье реки Дайв и сбор войск на пляже вдоль ее берегов представляли собой очень грандиозное и внушительное зрелище. Флотилии галер, кораблей, лодок и барж, покрывавших поверхность воды, длинные ряды палаток под скалами на суше, всадники, великолепно оседланные и сверкающие сталью, группы солдат, занятые перевозкой провизии и запасов или предварительными приготовлениями к высадке, тысячи зрителей, которые непрерывно приходили и уходили, И сам герцог, великолепно одетый и восседающий на своем боевом коне, с сопровождающими его гвардейцами и офицерами - все это, а также другие элементы военного парада и демонстрации, обычно наблюдаемые в таких случаях, сплелись воедино, чтобы создать очень яркую и блестящую, а также великолепную сцену.

Эквinoxальные штормы.

Экспедиция, задержанная ими.

Конечно, сбор столь большого количества людей и судов, а также различные приготовления к отправке заняли некоторое время, и когда, наконец, все было готово - а это было в начале сентября - налетели равноденственные штормы, и покинуть порт стало невозможно. Фактически, в течение нескольких недель продолжались сильные ветры и штормовое небо. Время от времени случались короткие промежутки, когда тучи расходились и появлялось солнце; но эти промежутки не освобождали флот из заточения, поскольку они были недостаточно продолжительными, чтобы море пошло на убыль. Прибой продолжал с грохотом обрушиваться на берег и на песчаные валы в устье реки, делая гибель почти неизбежной судьбой любого корабля, который возьмет на себя смелость противостоять его ярости. Состояние неба постепенно лишало картину тех ярких красок, в которые она была окрашена вначале. Корабли спустили паруса, развернули свои знамена и встали на якорь, стойко встречая бурю. Люди на берегу укрылись в своих палатках. Зрители разошлись по домам, а герцог и его офицеры день за днем с великой и все возрастающей тревогой наблюдали за тем, как на небе сгущаются тучи.

Вредные последствия шторма.

Уныние людей.

Страхи и предчувствия.

На самом деле у Уильяма были очень серьезные основания для опасений относительно того, как этот шторм, продолжавшийся долгое время, повлияет на успех его предприятия. Задержка сама по себе была очень серьезным соображением, ведь скоро наступит зима. Еще через месяц, казалось бы, не могло быть и речи о том, чтобы такое огромное вооружение вообще пересекло Ла-Манш. Когда люди ввязываются в такие мрачные и опасные дела, как то, в котором сейчас участвовал Уильям, их дух и энергия то поднимаются, то опускаются с большими колебаниями, под влиянием очень незначительных и неадекватных причин; и ничто не оказывает на них в такие моменты большего влияния, чем вид неба. Вильгельм обнаружил, что пыл и энтузиазм его армии быстро исчезают под воздействием ледяного ветра и проливного дождя. Чувства недовольства и подавленности, которые пробуждало в их умах хмурое выражение небес, углублялись и распространялись под влиянием сочувствия. В течение долгих и тоскливых часов дня мужчинам нечем было заняться, кроме как предвкушать трудности и опасности и развлекать друг друга, наблюдая за движением облаков вдоль скал и накатывающимися волнами, предвкушая кораблекрушения, сражения, и поражения, а также все другие мрачные предчувствия, которые преследуют воображение удрученного и недовольного солдата.

Некоторые из затонувших судов.

Эти мысли о кораблекрушениях и разрушениях также были не совсем воображаемыми. Хотя основная часть флота оставалась на реке, где была защищена от ветров, было много случаев, когда отдельные корабли время от времени подвергались их воздействию. Это были отставшие суда, поздно прибывшие на место встречи, или небольшие эскадры, отправленные в соседний порт по необходимости, связанной с приготовлениями, или сильные галеры, чьи командиры, более смелые, чем остальные, были готовы в случаях, *не связанных* с крайней необходимостью, отважиться на опасность. Многие из этих судов потерпели крушение. Их обломки с телами утонувших моряков были выброшены на берег. Жуткое зрелище, которое представляли собой эти мертвые тела, раздутые и изуродованные, наполовину зарытые в песок, словно море пыталось скрыть причиненное им зло, потрясло и ужаснуло зрителей, увидевших их. Уильям отдал приказ собрать все эти тела и тайно захоронить их, как только они будут найдены; тем не менее в лагере распространялись преувеличенные слухи о количестве и масштабах этих бедствий, и недовольство и опасения с каждым днем становились все более тревожными.

Благоприятные перемены.

Флот выходит в море.

Вильгельм решил, что должен выйти в море при первой же возможности. Благоприятный случай не заставил себя долго ждать. Ветер переменился. Шторм, казалось, утих. С юга поднялся бриз, который отбросил волны от французского берега. Уильям отдал приказ высаживаться. Палатки были разбиты. Багаж солдат был отправлен на борт транспортных судов. Сами люди, набившись в большие плоскодонные лодки, массово переходили на корабли с берега. Зрители вновь появились на скалах и мысах неподалеку, чтобы стать свидетелями финальной сцены. Паруса были подняты, и огромное вооружение вышло в море.

Различные задержки.

Видимость благоприятной перемены погоды оказалась ложной, так как тучи и шторм вернулись, и после того, как флот в страхе и опасности прошел около ста миль на северо-восток вдоль побережья, он был вынужден снова искать убежища в гавани. Порт, который принял их, был Сен-Валери, недалеко от Дьеппа. Герцог был сильно разочарован тем, что ему пришлось снова занять сушу. Тем не менее, попытка продвинуться вперед не была полностью проигранной; поскольку французский берег здесь отклонялся к северу, они постепенно сужали канал по мере продвижения и, по сути, были уже на пути к английским берегам. Кроме того, имелись некоторые причины остановиться здесь перед окончательным отплытием, чтобы получить последние подкрепления и припасы. Кроме того, у Вильгельма была еще одна возможность связаться со своей столицей и с Матильдой.

Последствия.

Гарольд не получает информации.

Он отводит свои войска.

Эти задержки, какими бы катастрофическими они ни казались и предвещали недоброе, все же имели одно хорошее последствие, о котором, однако, Вильгельм в то время не знал. Они заставили Гарольда в Англии представить, что предприятие оставлено, и тем самым лишили его бдительности. В те времена, как уже отмечалось, не было регулярных и публичных способов связи, с помощью которых информация о важных движениях и событиях распространялась бы повсюду, как сейчас, с быстротой и уверенностью. Соответственно, правительства были вынуждены полагаться на слухи или донесения шпионов, чтобы получить информацию о том, что делают их враги. В августе в Англию дошли слухи о том, что

Вильгельм замышляет вторжение, и Гарольд предпринял масштабные приготовления, чтобы встретить и противостоять ему; но, обнаружив, что тот не приходит, что неделя за неделей проходит сентябрь, а никаких признаков врага не появляется, и не получив никакой определенной информации о причинах задержки, он решил, что предприятие оставлено, или, возможно, отложено до следующей весны. Соответственно, с наступлением зимы он счел за лучшее начать подготовку к отправке своих войск в зимние кварталы. Часть из них он распустил, а часть отправил, распределив по различным замкам и укрепленным городам, где они могли бы укрыться от сурового времени года, спастись от воздействия и тягот лагеря и в то же время оставаться в пределах досягаемости для вызова в случае любой внезапной ситуации, которая могла бы их потребовать. Вскоре они были вызваны, но не для того, чтобы встретиться с Гарольдом, как выяснится в дальнейшем.

Бдительность Гарольда.

Однако, принимая эти меры, которые, по его мнению, требовали комфорта и безопасности его армии, Гарольд не ослаблял бдительности, наблюдая, как мог, за замыслами и передвижениями своего врага. Он держал своих тайных агентов на южном побережье, приказывая им внимательно наблюдать за всем происходящим, собирать и отправлять ему все сведения, которые каким-либо путем попадут через Ла-Манш. Разумеется, Вильгельм делал все возможное, чтобы перехватить и прервать все сообщения, и в это время ему очень помогали штормы, из-за которых рыболовецкие и торговые суда побережья практически не могли выйти в море или попытаться пересечь Ла-Манш. Поэтому агенты Гарольда на южном побережье Англии обнаружили, что они могут получить очень мало информации.

Он посылает шпионов в Нормандию.

В конце концов король, не желая больше оставаться в полном неведении, решил отправить нескольких гонцов через море в саму Нормандию, чтобы узнать истинное положение дел. Посланники, тайно проникающие на территорию врага или в его лагерь, становятся, согласно военному положению, *шпионами* и в случае захвата подлежат смертной казни. Таким образом, эта затея чрезвычайно опасна, а поскольку смерть, которой подвергаются в случае разоблачения, бесславна - шпионов вешают, а не расстреливают, - большинство мужчин не желают подвергаться такой опасности. Тем не менее в лагерях и армиях всегда можно найти отчаянных людей, готовых пойти на это, если им пообещают очень высокую плату.

Шпионы Гарольда.

Они обнаружены.

Шпионы Гарольда сумели перебраться через Ла-Манш, вероятно, в каком-то месте далеко к востоку от Нормандии, где проход узкий. Затем они двинулись вдоль берега, маскируясь под местных крестьян, и прибыли в Сен-Валери, когда там находился флот Вильгельма. Здесь они начали вести свои наблюдения, осматривая каждую вещь с пристальным вниманием и осторожностью и стараясь при этом скрыть свой интерес к увиденному. Однако, несмотря на всю их бдительность, они были обнаружены, оказались шпионами и предстали перед Вильгельмом, чтобы получить свой приговор.

Вильгельм отстраняет шпионов.

Вместо того чтобы приговорить их к смерти, которая, несомненно, должна была стать их неизбежной участью, Вильгельм приказал отпустить их на свободу. "Возвращайтесь, - сказал он, - к королю Гарольду и скажите ему, что он мог бы избавить себя от необходимости

посылать шпионов в Нормандию, чтобы узнать, что я готовлю для него. Он скоро узнает об этом другими способами - гораздо скорее, чем он думает. Идите и передайте ему от меня, что он может, если пожелает, разместиться в , самом безопасном месте, какое только можно найти во всех его владениях, и если он не найдет мою руку на себе до конца года, ему больше не придется бояться меня, пока он жив".

Его уверенность в своем деле.

Это выражение уверенности в успехе предпринимаемых им мер не было пустым бахвальством. Уильям знал силу Гарольда и знал свою собственную. Предприятие, в которое он ввязался, не было необдуманной авантюрой. Это был холодный, взвешенный, хорошо обдуманный план. В глазах человечества он выглядел сомнительным и опасным, ведь для поверхностных наблюдателей он казался просто агрессивной войной, которую герцог Нормандии, правитель сравнительно небольшой и незначительной провинции, вел против короля Англии, монарха одного из величайших и могущественнейших королевств мира. Вильгельм, напротив, рассматривал это как попытку законного наследника трона лишить власти узурпатора. Он был уверен, что получит симпатии и сотрудничество значительной части общества, даже в Англии, как только сможет показать им, что способен сохранить свои права; а то, что он сможет показать им это с помощью очень решительной демонстрации, было видно по огромному флоту, стоявшему на якоре в гавани, и по длинным рядам палаток, заполненных солдатами, которые покрывали землю.

Опасения офицеров Вильгельма.

Он успокаивает их.

Однажды, когда некоторые из его офицеров выражали опасения по поводу силы Гарольда и боязнь, что они смогут успешно с ней справиться, Вильгельм ответил, что чем грознее окажется сила Гарольда, тем больше он будет доволен, так как слава за то, что они ее преодолеют, будет еще больше. "Я не возражаю, - сказал он, - чтобы вы имели возвышенные представления о его силе, хотя немного удивляюсь, что вы не лучше оцениваете нашу собственную. Я не должен беспокоиться, чтобы он, находясь на таком расстоянии, не узнал через своих шпионов слишком много о силах, которые я выставляю против него, в то время как вы, находясь так близко от меня, похоже, знаете об этом так мало. Но не стоит беспокоиться. Положитесь на справедливость вашего дела и на мою предусмотрительность. Выполняйте свои обязанности как мужчины, и вы увидите, что результат, в котором я уверен и на который вы надеетесь, непременно будет достигнут".

Прибытие Матильды с Мирой.

Подарок Уильяму.

Буря, наконец, полностью улеглась, и армия и флот начали подготовку к окончательному отплытию. В разгар этой заключительной сцены внимание огромной толпы, собравшейся на кораблях и на берегах, однажды утром привлекло красивое судно, вошедшее в гавань. Это оказалось большое и великолепное судно, которое герцогиня Матильда построила за свой счет и теперь везла сюда, чтобы преподнести своему мужу в качестве прощального подарка. Она сама находилась на борту со своими офицерами и сопровождающими, приехав, чтобы засвидетельствовать отъезд мужа и попрощаться с ним. Ее прибытие, разумеется, при таких обстоятельствах вызвало всеобщее волнение и энтузиазм. Корабли в гавани и берега огласились приветственными криками, когда новоприбывшая галантно вошла в гавань.

Судно Матильды было прекрасно построено и великолепно украшено. Паруса были разных цветов, что придавало ему очень нарядный вид. На них в разных местах были нарисованы

три льва, которые являлись эмблемой норманнского прапорщика. На носу корабля находилось чучело, изображающее второго сына Вильгельма и Матильды, стреляющего из лука. Это было то достижение, в приобретении которого его отец был заинтересован больше всего. Стрела была натянута почти до головы, что свидетельствовало о большой силе маленьких рук, направляющих ее, и она была готова к полету. Это судно было названо "Мира". Уильям сделал его своим флагманским кораблем. Он водрузил на голову мачты освященное знамя, присланное ему из Рима, и поднялся на борт в сопровождении своих офицеров и гвардейцев, с великой церемонией и парадом.

Эскадра снова выходит в море.

Ее появление.

Наконец эскадра была готова к выходу в море. По сигналу подняли паруса, и весь флот начал медленно выходить из гавани. В нем было четыреста кораблей большого размера, если верить хроникам того времени, и более тысячи транспортов. Палубы всех этих судов были заполнены людьми, с каждой мачты и лонжерона свисали знамена, а каждый выступ берега был заполнен зрителями. Море было спокойным, воздух безмятежным, и могучее облако полотна, белевшее на поверхности воды, медленно двигалось по мягким волнам, образуя зрелище, которое, будучи просто картиной для глаз, было великолепным и величественным, а если рассматривать его в связи с огромными результатами для человеческой расы, которые должны были вытекать из успеха предприятия, то оно должно было считаться возвышенным.

Быстроходность "Мира".

Оставляет флот без внимания.

Великолепно украшенный корабль, который Матильда подарила мужу, на испытаниях показал себя чем-то большим, чем просто игрушка. Разумеется, в самом начале он возглавлял фургон; и когда все наблюдали за его продвижением, вскоре стало очевидно, что он постепенно настигает остальную эскадру, постоянно увеличивая свое расстояние от тех, кто следовал за ним. Уильям, довольный успехом своего выступления, приказал паруснику продолжать движение, не обращая внимания на тех, кто отставал; так и получилось, что с наступлением ночи флот оказался на весьма значительном расстоянии позади флагманского корабля. Конечно, при таких обстоятельствах флот исчез из виду с заходом солнца, но все ожидали, что утром он снова появится в поле зрения. Однако когда наступило утро, к удивлению и разочарованию всех, кто находился на борту флагманского корабля, никаких признаков флота не было видно. Матросы и офицеры на палубе долго и пристально вглядывались в южный горизонт, который с наступлением утра постепенно становился все более светлым, но не было ни пятнышка, которое нарушило бы его ровную и гладкую линию.

Уильям был беззаботен.

Они чувствовали беспокойство и тревогу, но Уильям, казалось, не испытывал никакого беспокойства. Он приказал спустить паруса, а затем послал человека на грот-мачту, чтобы тот посмотрел туда. Ничего не было видно. Уильям, по-прежнему ни о чем не заботясь, приказал приготовить завтрак с особой пышностью, нагрузив столы вином и другими деликатесами, чтобы умы всех присутствующих на борту взбодрились под влиянием пиршества. В конце концов, дозорного снова отправили на грот мачты. "Что ты видишь?" - спросил Уильям. "Я вижу, - ответил тот, пристально глядя на юг, - четыре *очень маленьких пятнышка* прямо на горизонте". Интерес, который вызвало это сообщение на палубе, вскоре

одновременно *усилился* и *ослаб* криками: "Я вижу все больше и больше - это корабли, да, вся эскадра становится видна".

Повторное появление флота.

Вскоре наступающая флотилия поравнялась с "Мирой", когда та снова расправила паруса, и все вместе медленно двинулись к берегам Англии.

Флот входит в залив Певенси.

Корабли взяли курс на восток, и когда они вышли на сушу, то оказались недалеко от Дуврского пролива. Приблизившись к английскому берегу, внимательно следили за появлением крейсеров Гарольда, которые, как они предполагали, должны были стоять в разных местах для охраны побережья; но их не было видно. Такие крейсера были, да и сейчас есть у других гаваней; но, к счастью для Вильгельма, оказалось, что те, что стояли для охраны этой части острова, были выведены за несколько дней до этого, так как их провиант был исчерпан. Таким образом, когда флот Вильгельма прибыл на остров, здесь не было врага, который мог бы противостоять их высадке. Перед ними лежала большая и открытая бухта, называемая заливом Певенси, которая улыбалась, простирая руки, словно приглашая их войти. Флот продвинулся на положенное расстояние от суши, там моряки бросили якоря, и все стали готовиться к высадке.

Высадка.

Высадка войск.

Анекдот.

В таких случаях, конечно, сначала высаживается сильное воинство. В этом случае лучники, любимый корпус Вильгельма, были выбраны в качестве лидера. Вильгельм сопровождал их. В своем стремлении добраться до берега, когда он выпрыгивал из лодки, его нога соскользнула, и он упал. Окружающие его офицеры и люди сочли бы это дурным предзнаменованием; но у него хватило ума протянуть руки и ухватиться за землю, делая вид, что его падение было предначертано, и говоря при этом: "Так я овладеваю этой землей; с этого момента она моя". Когда он поднялся, один из его офицеров побежал к соседней хижине, стоявшей неподалеку на берегу, и, отломив немного соломы, поднес ее к Уильяму и, вложив ему в руку, сказал, что таким образом он передает ему *захват* его новых владений. В те времена это была обычная форма вступления нового владельца во владение землями, которые он купил или приобрел каким-либо другим способом. Новый владелец отправлялся на землю, где сторона, в чьи обязанности входило передавать собственность, отделяла от нее что-нибудь, например кусок дерна с берега или немного соломы с коттеджа, и, предлагая это ему, говорила: "Так я передаю тебе *seizin*", то есть *владение*, "этой землей". Эта церемония была необходима для завершения передачи имущества.

Лагерь.

Как только солдаты высадились на берег, они сразу же начали разбивать лагерь и проводить военные приготовления, необходимые для защиты от нападения или внезапного появления врага. Пока это происходило, лодки продолжали ходить туда-сюда, как можно быстрее выполняя работу по высадке. В дополнение к тем, кто был приписан к армии, на берег должны были посадить огромную роту рабочих всех видов, инженеров, первопроходцев, плотников, каменщиков и чернорабочих; кроме того, в Нормандии были построены три башни, или, скорее, форты, из дерева, которые были готовы к установке по прибытии: теперь их нужно было посадить на берег, часть за частью. Эти форты должны были быть возведены,

как только армия выберет место для постоянного лагеря, и предназначались для защиты провианта и запасов. Это обстоятельство показывает, что план перевозки готовых зданий через моря не был заново изобретен нашими эмигрантами в Калифорнии.

Отправлены скауты.

Ужин Уильяма.

Пока шли эти операции, Уильям отправлял небольшие конные эскадроны в качестве разведывательных отрядов, чтобы исследовать окрестности на предмет наличия каких-либо признаков того, что Гарольд находится рядом. Эти отряды возвращались один за другим, пройдя несколько миль по стране во всех направлениях, и докладывали, что никаких признаков врага не видно. В лагере все стало налаживаться, и Уильям отдал распоряжение, чтобы армия разожгла костры на ночь, приготовила и съела ужин. Его собственный ужин, или обед, как его можно было бы назвать, также был подан, и он вместе со своими офицерами принял его в собственной палатке. Его разум пребывал в состоянии глубокого удовлетворения от успешного завершения высадки и от того, что он благополучно обосновался во главе огромного войска на территории Англии.

Пропавшие корабли.

Все обстоятельства транзита были благоприятными, за исключением одного: два корабля, принадлежавшие флоту, отсутствовали. За ужином Вильгельм поинтересовался, не получены ли какие-либо известия о них. В ответ ему сказали, что о пропавших судах ничего не слышно; они так или иначе наткнулись на скалы и погибли. Был некий астролог, который перед выходом экспедиции из Нормандии устроил большой парад, чтобы предсказать ее результат. Он, сверяясь со звездами, пришел к выводу, что Вильгельм будет успешен и не встретит противодействия со стороны Гарольда. Этот астролог был на борту одного из пропавших кораблей и утонул. Получив эту информацию, Вильгельм заметил: "Каким же идиотом должен быть человек, чтобы думать, что он может предсказать по звездам будущую судьбу других, когда так очевидно, что он не может предвидеть свою собственную!"

Камень Завоевателя.

Говорят, что обед Вильгельма по этому случаю был сервирован не на столе, а на большом камне. Камень до сих пор стоит на этом месте и по сей день называется "камнем Завоевателя".

Марш армии.

Бегство жителей.

На следующий день после высадки войско пришло в движение и двинулось вдоль побережья на восток. Там не было вооруженного противника, который мог бы противостоять их походу; жители страны, через которую двигалась армия, не пытались оказать ей сопротивление, но были охвачены ужасом и страхом. Этот ужас усиливался, в сущности, некоторыми эксцессами, в которых были виновны отдельные части солдат. Жители хуторов и деревень, ошеломленные внезапным появлением на их берегах такой огромной орды диких и отчаянных чужеземцев, разбежались во все стороны. Одни бежали в глубь страны; другие, прихватив с собой беспомощных членов своих семей и те ценности, которые могли унести, искали убежища в монастырях и церквях, полагая, что такие святыни не посмеют нарушить даже солдаты, если только они не язычники. Другие же пытались укрыться в чащах и болотах, пока не пройдет огромная толпа, несущаяся вперед подобно торнадо. Хотя впоследствии Вильгельм всегда проявлял решительную готовность защищать мирных

жителей страны от любых посягательств со стороны своих войск, сейчас у него не было времени заниматься этим вопросом. Он намеревался продвигаться вперед к безопасному месту.

Армия разбивает лагерь.

Город Гастингс.

Укрепления Вильгельма.

Приближение Гарольда.

В конце концов Вильгельм достиг места, которое показалось ему подходящим для постоянного лагеря. Это была возвышенность, расположенная недалеко от моря. К западу от нее находилась долина, образованная своего рода углублением, открывшимся в гряде меловых скал, которые здесь образуют берег Англии. На дне этой долины, у самого берега, находился небольшой городок, не имевший тогда большого значения и силы, но название которого - Гастингс - было увековечено битвой, произошедшей в его окрестностях через несколько дней после прибытия Вильгельма. Место, которое Уильям выбрал для своего лагеря, находилось на возвышенности в окрестностях города. Линии лагеря были обозначены на сайте, а форты или замки, привезенные из Нормандии, были установлены в пределах выемок. Огромное количество рабочих вскоре принялись за работу, возводя насыпи, строя редуты и бастионы, а другие перевозили оружие, провиант и боеприпасы и хранили их в безопасности в пределах линии. Вскоре строительство лагеря было завершено, и длинная линия палаток была установлена на улицах и площадях внутри него. Однако к тому времени, как работа была закончена, с севера в лагерь прибыли агенты и шпионы Вильгельма, сообщившие, что через четыре дня Гарольд во главе ста тысяч человек двинется на него.

Глава X.

Битва при Гастингсе.

1066 Г. Н.Э.

Тостиг.

Он изгнан из Англии.

Читатель, несомненно, помнит, что весть о воцарении короля Гарольда, которую впервые получил Вильгельм, принес ему Тостиг, брат Гарольда, в тот день, когда он испытывал свой лук и стрелы в парке Руана. Тостиг был самым заядлым врагом своего брата. Во времена правления Эдуарда он был великим вождем, правившим на севере Англии. Его столицей тогда был город Йорк. Он был изгнан из этих владений и поссорился со своим братом Гарольдом за право их вернуть. В ходе этой ссоры он был полностью изгнан из страны и отправился на континент, пылая гневом и негодованием на своего брата; когда он прибыл, чтобы сообщить Вильгельму об узурпации Гарольда, его целью было не просто побудить *Вильгельма* к действию - он хотел действовать сам. Он сказал Вильгельму, что сам обладает большим влиянием в Англии, чем его брат, и что если Вильгельм предоставит ему небольшой флот и умеренное количество людей, то он выступит на побережье и покажет, на что способен.

Экспедиция Тостига.

Вильгельм согласился на его предложение, снабдил его необходимыми силами, и Тостиг отплыл. Вильгельм, очевидно, не очень верил в то, что Тостиг сможет произвести какой-либо значительный эффект, но его усилия, по его мнению, могут вызвать некоторую тревогу в Англии, привести к внезапным и утомительным походам войск и тем самым отвлечь и ослабить силы короля Гарольда. Поэтому Вильгельм не стал сопровождать самого Тостига, а, отстранив его с теми силами, которые он мог легко собрать по столь внезапному вызову, сам остался в Нормандии и всерьез занялся своими грандиозными приготовлениями, о которых рассказывается в последней главе.

Он отплывает в Норвегию.

Союз Тостига с норвежцами.

Тостиг не считал благоразумным пытаться высадиться на английских берегах, пока не получит некоторое пополнение к силам, которые дал ему Вильгельм. Поэтому он прошел через Дуврский пролив, а затем, повернув на север, поплыл вдоль восточных берегов Немецкого океана в поисках союзников. В конце концов он прибыл в Норвегию. Там он вступил в переговоры с норвежским королем, которого тоже звали Гарольд. Этот северный Гарольд был диким и авантюрным воином и моряком, своего рода морским королем, который провел значительную часть своей жизни в мародерских походах по морям. Он с готовностью принял взгляды Тостига. Вскоре было заключено соглашение, и Тостиг снова отправился в плавание, чтобы пересечь Немецкий океан и направиться к британским берегам, а Гарольд обещал как можно скорее собрать и снарядить свой собственный флот и последовать за ним. Все это произошло в начале сентября; таким образом, в то самое время, когда угрожаемое вторжение Вильгельма набирало силу и угрожало южной границе Гарольда, на севере поднималась и набухала туча, столь же темная и мрачная и столь же угрожающая по своему виду; в то время как сам король Гарольд, хотя и был полон смутного беспокойства и тревоги, не мог получить никакой определенной информации относительно ни одной из этих опасностей.

Норвежский флот.

Суеверия.

Сны солдат.

Норвежский флот собрался в порту, назначенном для его встречи, но, поскольку время года было уже позднее, а погода штормовая, солдаты, как и солдаты Вильгельма на побережье Франции, боялись выходить в море. Некоторым из них снились сны, которые они считали дурными предзнаменованиями; в те времена придавали такое суеверное значение, что эти сны были тщательно записаны авторами древних хроник и дошли до нас как часть регулярной и трезвой истории того времени. Одному солдату приснилось, что экспедиция отплыла и высадилась на английском побережье, а там навстречу им вышла английская армия. Перед фронтом армии ехала женщина гигантского роста, верхом на волке. В пасти у волка было человеческое тело, истекающее кровью, которое он пожирал по мере приближения. Женщина давала волку очередную жертву после того, как он пожирал первую.

Еще один из этих зловещих снов был следующим: Когда флот собирался отплыть, сновидец увидел толпу хищных стервятников и хищных птиц, которые налетели на паруса и такелаж кораблей, как будто собирались сопровождать экспедицию. На вершине скалы у берега сидела женская фигура с суровым и свирепым лицом, в руке у нее был меч. Она занималась подсчетом кораблей, указывая на них мечом по мере подсчета. Она казалась каким-то

чудовищем, несущим разрушение, и обращалась к птицам, чтобы побудить их улететь. "Идите, - сказала она, - не бойтесь, у вас будет много добычи. Я тоже улетаю".

Объединенные флоты.

Очевидно, что эти сны с одинаковым успехом можно было истолковать как предвещающие смерть и разрушение английским врагам, так и самим сновидцам. Однако солдаты были склонны - в том состоянии духа, которое вызывало время года, угрожающий вид неба и определенные опасности их далекой экспедиции, - применить мрачные предсказания, которые, как им казалось, выражали эти сны, к себе. Однако их вождь обладал слишком отчаянным и решительным характером, чтобы обращать внимание на подобные влияния. Он отправился в плавание. Его вооружение благополучно пересекло Немецкое море и присоединилось к Тостигу на побережье Шотландии. Объединенный флот медленно двинулся на юг, вдоль берега, выискивая возможность высадиться.

Норвежцы у

Скарборо.

Атака на Скарборо.

Переходящий огонь.

В конце концов они достигли города Скарборо и высадились на берег, чтобы атаковать его. Жители укрылись в стенах, закрыли ворота и бросили захватчикам вызов. Город располагался под холмом, который с одной стороны поднимался крутым обрывом. Рассказывают, что норвежцы отправились на этот холм, где нагромодили огромную кучу стволов и ветвей деревьев, а промежутки между ними заполнили трухой, сушеной корой, корнями и другими горючими материалами, а затем, поджегши всю эту массу, покатали ее вниз, в город - огромный огненный шар, который ревел и трещал все сильнее и сильнее, раздувая пламя на ветру, когда он неся по нему. Разумный читатель, конечно же, задумается, насколько можно верить такой истории. Очевидно, что невозможно заставить катиться какую-то *груд*у, как бы плотно она ни была набита. Но, пожалуй, не исключено, что стволы деревьев могли быть скреплены вместе или скреплены мокрыми бечевками или железными цепями, после того как их сделали в форме грубого цилиндра или шара и наполнили внутри горючими веществами, чтобы сохранить целостность при таком спуске.

Сожжение Скарборо.

В рассказе говорится, что этот странный метод бомбардировки оказался успешным. Город был подожжен, жители сдались. Тостиг и норвежцы разграбили его, а затем, снова сев на свои корабли, продолжили плавание.

Сведения об этом нападении на северные берега достигли Гарольда в Лондоне в конце сентября, как раз когда он отводил свои войска от южной границы, как говорилось в предыдущей главе, полагая, что вторжение норманнов, вероятно, будет отложено до весны; поэтому, вместо того чтобы отправить свои войска в зимние кварталы, он должен был снова сосредоточить их со всей быстротой и отправиться во главе их на север, чтобы предотвратить эту новую и неожиданную опасность.

Тостиг идет на Йорк. Сдача города.

Пока король Гарольд выдвигался навстречу, Тостиг и его норвежские союзники вошли в реку Хамбер. Их целью был город Йорк, бывший столицей Тости́га и расположенный у реки Усе, ответвления Хамбера. Соответственно, они поднялись по Хамберу до устья Оуса, а затем вверх по последней реке до подходящего места высадки недалеко от Йорка. Здесь они высадились и разбили большой лагерь. Из этого лагеря они перешли к осаде города. Сначала жители оказали некоторое сопротивление, но, поняв, что их дело безнадежно, предложили сдаться, и в итоге был заключен договор о капитуляции. Переговоры завершились ближе к вечеру, а на утро Тостиг и его конфедераты должны были вступить в город. Поэтому они, чувствуя, что их приз в безопасности, ушли в свой лагерь на ночь и оставили город на произвол судьбы.

Прибытие короля Гарольда.

Так случилось, что король Гарольд прибыл в ту же ночь, чтобы спасти город. Он ожидал встретить вокруг стен армию осаждающих, но вместо этого ничто не могло помешать его продвижению до самых городских ворот. Жители открыли ворота, чтобы принять его, и весь отряд, шедший под его командованием, прошел внутрь, а Тостиг и его норвежские союзники спокойно спали в своем лагере, совершенно не подозревая об огромной перемене, которая произошла в положении их дел.

Движения Тости́га. Удивление Тости́га и его союзников. Приготовления к битве.

На следующее утро Тостиг вывел большую часть армии и выстроил ее в шеренгу, чтобы двинуться вперед и овладеть городом. Хотя стоял сентябрь, и погода была холодной и бурной, случилось так, что в это утро выглянуло яркое солнце, и воздух был спокойным, обещая теплый день; и поскольку движение в город должно было быть мирным - как бы процессией, а не враждебным маршем, - людям было приказано оставить свои почтовые плащи и все тяжелые доспехи в лагере, чтобы они могли идти более не обремененными. Пока они продвигались в этом беспечном и почти беззащитном состоянии, они увидели перед собой, на дороге, ведущей к городу, большое облако пыли. Это было сильное войско короля Гарольда, идущее на них в атаку. Поначалу Тостиг и норвежцы были совершенно растеряны и обескуражены столь неожиданным зрелищем. Очень скоро они увидели, что то тут, то там сверкает оружие и развеваются знамена. Поднялся крик "Враг! Враг!", который пронесся по

их рядам и вызвал всеобщую тревогу. Тостиг и норвежский Гарольд остановили своих людей и поспешно собрали их в боевой порядок. Англичанин Гарольд сделал то же самое, приблизившись к фронту противника; затем обе стороны остановились и замерли, наблюдая друг за другом. Вскоре с английской стороны показался отряд из двадцати всадников, великолепно вооруженных и несущих флаг перемирия. Они приблизились на небольшое расстояние к норвежским рядам, когда глашатай, находившийся среди них, громко позвал Тостига. Тостиг вышел вперед в ответ на призыв. Тогда герольд объявил Тостигу, что его брат не желает с ним ссориться, а, напротив, хочет, чтобы они жили вместе в согласии. Поэтому он предложил ему мир, если тот сложит оружие, и пообещал вернуть ему прежние владения и почести.

Переговоры между Тостигом и его братом.

Тостиг, казалось, был очень склонен принять это предложение благосклонно. Он медлил и колебался. В конце концов он спросил посланника, какие условия король Гарольд поставит перед своим другом и союзником, норвежским Гарольдом. "Он получит, - ответил гонец, - семь футов английской земли для могилы. Ему достанется немного больше, потому что он выше обычных людей". "Тогда, - ответил Тостиг, - скажи моему брату, чтобы он готовился к битве. Никогда не будет сказано, что я бросил и предал своего союзника и друга".

Битва.

Смерть Тостига.

Норвежцы отступают.

Отряд вернулся с ответом Тостига на строки Гарольда, и почти сразу же началась битва. Разумеется, самая ярая и закоренелая враждебность английской армии была направлена против норвежцев и их короля, которых они считали чужеземными захватчиками, не имеющими никаких оправданий и предлогов для своей агрессии. Так и случилось, что вскоре после начала конфликта Гарольд Норвежский пал, смертельно раненный стрелой в горло. Тогда английский король обратился к Тостигу с новыми предложениями прекратить войну и договориться о каких-то условиях. Но Тостиг тем временем разъярился и не желал слушать никаких уговоров. Он продолжал сражаться, пока сам не был убит. Теперь у оставшихся в его армии бойцов уже не было никаких мотивов для сопротивления. Гарольд предложил им свободно сесть на корабли, чтобы они могли спокойно вернуться домой, если сложат оружие. Они приняли предложение, сели на свои корабли и отплыли. Гарольд же, узнав о высадке Вильгельма на южном побережье, отправился в обратный путь на юг, чтобы встретить там более грозного врага, угрожавшего ему.

Гарольд пытается застать Вильгельма врасплох.

Неудача.

Его армия, хотя и одержала победу, была ослаблена усталостью похода и потерями, понесенными в сражении. Сам Гарольд был ранен, хотя и не настолько тяжело, чтобы не продолжать командовать. Он энергично продвигался на юг, рассылая со всех сторон по окрестностям, по линии своего марша, послания, призывая вождей вооружиться и своих сторонников, со всей возможной быстротой выступить и присоединиться к нему. Он надеялся так быстро продвинуться к южному побережью, чтобы застать Вильгельма врасплох еще до того, как тот полностью закрепится в своем лагере, и чтобы он не знал о приближении врага. Но Вильгельм, чтобы эффективно защититься от неожиданности, разослал небольшие разведывательные отряды всадников по всем дорогам, ведущим на север, чтобы они могли сообщить ему о первом приближении врага. Передовой отряд Гарольда встретил эти отряды и увидел их, когда они быстро ехали обратно в лагерь, чтобы

подать сигнал тревоги. Таким образом, надежда удивить Вильгельма не оправдалась. Кроме того, по мере приближения Гарольд, к своему ужасу, обнаружил, что силы Вильгельма в четыре раза превосходят его собственные. Разумеется, было бы безумием думать о том, чтобы атаковать врага в его укреплениях с такими незначительными силами. Ему оставалось только отступить или занять какую-нибудь сильную позицию и укрепиться там, надеясь противостоять захватчикам и задержать их продвижение, хотя он и не был достаточно силен, чтобы атаковать их.

Советы советников Гарольда.

Некоторые из его советников советовали ему вообще не рисковать сражением, а отступить к Лондону, унося с собой или уничтожая все, что могло бы прокормить армию Вильгельма со всей земли. Это, по их мнению, вскоре привело бы армию Вильгельма к большому бедствию из-за нехватки продовольствия, поскольку ему было бы невозможно переправить через Ла-Манш припасы для столь огромного количества людей. Кроме того, говорили они, этот план заставит Вильгельма, доведенного до крайности, совершать столько хищнических вылазок в отдаленные деревни и города, что приведет жителей в ярость и побудит их присоединиться к армии Гарольда в большом количестве, чтобы отразить вторжение. Гарольд выслушал эти советы, но, поразмыслив, сказал, что никогда не сможет принять такой план. Он не может настолько пренебречь своим долгом, чтобы опустошить страну, которую он обязан защищать и спасать, или заставить свой народ прийти ему на помощь, подвергая его, по его замыслу, излишествам и жестокости со стороны столь свирепого врага.

Он отвергает это.

Лагерь Гарольда.

Страна встревожена.

Гарольд решил дать Вильгельму сражение. Однако ему не было необходимости нападать на захватчика. Он сразу понял, что если займет сильную позицию и укрепится на ней, Вильгельм обязательно нападет на *него*, ведь чужая армия, только что высадившаяся в стране, не может долго бездействовать на берегу. Поэтому Гарольд выбрал позицию в шести или семи милях от лагеря Вильгельма и сильно укрепился там. Разумеется, ни одна из армий не была в поле зрения другой, не знала ни численности, ни диспозиции, ни планов противника. Страна между ними, насколько это было возможно для жителей, представляла собой сцену смятения и ужаса. Никто не знал, в какой точке встретятся две огромные тучи опасности и разрушения, витавшие рядом с ними, и над какими областями пронесется в своей разрушительной ярости ужасная буря, которая должна была разразиться, когда настанет час этой встречи. Поэтому жители в ужасе разбегались во все стороны, унося престарелых и беспомощных людей всеми доступными способами; брали с собой те сокровища, которые могли унести, и прятали в грубых и неопределенных укрытиях те, которые были вынуждены оставить. Таким образом, местность, лежавшая между двумя лагерями, быстро превращалась в уединение и запустение, через которую не было сообщения, и не было никаких вестей, чтобы армии, стоявшие в лагерях, узнали друг о друге.

Братья Гарольда.

Среди офицеров его армии у Гарольда было два брата, Гурт и Леофвин. Их поведение по отношению к королю, похоже, носило более братский характер, чем у Тостига, который выступал в роли мятежника и врага. Гурт и Леофвин, напротив, придерживались его дела и, когда приближался час опасности и великий кризис, который должен был решить их судьбу, держались рядом с ним и проявляли поистине братскую заботу о его безопасности. Именно

они посоветовали Гарольду отступить в Лондон и не рисковать своей жизнью и судьбой королевства из-за неопределенного исхода битвы.

Он предлагает посетить лагерь Вильгельма.

Гарольд прибывает в лагерь Вильгельма.

Он осматривает лагерь.

Как только Гарольд закончил разбивку лагеря, он выразил Гурту желание проехать верхом через промежуточную страну и осмотреть линии Вильгельма. Тогда такое предприятие было менее опасным, чем в наши дни; ведь теперь разведку обнаруживают из лагеря противника на большом расстоянии с помощью подзорных труб, а с батареи посылают двадцатичетырехфунтовую пулю или снаряд, чтобы разнести ее в щепки или прогнать. Единственной опасностью оставалось преследование отряда всадников из лагеря или окружение засадой. Для защиты от этих опасностей Гарольд и Гурт взяли самых мощных и самых быстрых лошадей в лагере и вызвали небольшую, но сильную охрану из хорошо отобранных людей, чтобы сопровождать их. Обеспеченные таким образом, они поскакали к вражеской линии и продвинулись так близко, что с небольшого возвышения, на которое они поднялись, могли обозревать весь лагерь Вильгельма: палисады и насыпи, которыми он был огражден и которые тянулись на многие мили; длинные ряды палаток внутри; огромное количество солдат; рыцари и офицеры, скачущие туда и сюда, сверкающие сталью; и величественный шатер самого герцога с освященным крестным знаменем, развевающимся над ним. Гарольд был очень впечатлен грандиозностью зрелища.

Уныние Гарольда.

Полубовавшись на эту сцену некоторое время в молчании, Гарольд сказал Гурту, что, возможно, в конце концов, мудрее всего было бы принять политику отступления, а не рисковать в битве с такими превосходящими силами, какие они видели перед собой. Он не знает, добавил он, но для них было бы лучше изменить свой план и принять эту политику сейчас. Гурт сказал, что уже слишком поздно. Они заняли свою позицию, и теперь, если они разобьют свой лагерь и отступят, это будет считаться отступлением, а не маневром, и это обескуражит и расстроит все королевство.

Его шпионы.

Их отчет.

Обследовав таким образом, сколько им было угодно, положение и размеры лагеря Вильгельма, отряд Гарольда вернулся в свои владения, по-прежнему решив выступить против захватчиков, но испытывая большие сомнения и уныние в отношении результата. В течение дня Гарольд также отправил несколько шпионов. Люди, которых он нанял для этой цели, были норманнами по происхождению и могли говорить на французском языке. В Англии было много норманнов, приехавших сюда во времена короля Эдуарда. Эти норманнские шпионы могли, конечно, замаскироваться и смешаться, не привлекая внимания, среди тысяч рабочих и последователей, которые постоянно шли и шли по территории, занятой армией Вильгельма. Им это удалось настолько хорошо, что они без труда проникли внутрь лагеря, осмотрели все вещи и в положенное время вернулись к Гарольду с докладом. Они дали грозный отчет о численности и состоянии войск Вильгельма. В армии был большой отряд лучников, которые взяли моду бриться и стричься таким образом, что шпионы приняли их за священников. Поэтому по возвращении они сообщили Гарольду, что в лагере Вильгельма *священников* было больше, чем солдат во всей его армии.

Посольства Вильгельма.
Их предложения.

В этот насыщенный событиями день Вильгельм тоже отправил через страну, разделявшую два лагеря, группу всадников, но его эмиссары были не шпионами, а посольством с предложением о мире. Вильгельм не хотел сражаться, если королевство, которое он считал своим по праву, может достаться ему без боя; он решил предпринять последнюю попытку добиться мирной сдачи, прежде чем прибегать к страшному средству - призыву к оружию. Поэтому он отправил посольство с *тремя* предложениями английскому королю. Главным посланником в этой компании был монах, которого звали Майгрот. Он отправился к Гарольду с надлежащим эскортом и флагом перемирия. Предложения были таковы: приняв одно из них, монах сказал, что Гарольд может избежать битвы. 1. Гарольд должен отдать королевство Вильгельму, как он торжественно поклялся сделать это над священными реликвиями в Нормандии. 2. Они оба должны согласиться передать все спорные вопросы между ними папе римскому и подчиниться его решению. 3. Решить спор единоборством, причем оба претендента на корону должны сразиться на дуэли на равнине в присутствии своих армий.

Предложения Вильгельма неразумны.
Гарольд отказывается от них.

Очевидно, что Гарольд не мог принять ни одно из этих предложений. Первое означало отказ от всего спорного вопроса. Что касается второго, то папа уже предрешил это дело, и если оно будет передано ему на рассмотрение, то можно не сомневаться, что он просто подтвердит свое прежнее решение. Что же касается единоборства, то в нем Гарольд оказался бы в столь же невыгодном положении, как и в предложенном арбитраже. Сам он был человеком сравнительно стройным и не очень сильным. Вильгельм, напротив, отличался своими размерами и необычайной мускульной энергией. В современном бою с применением огнестрельного оружия эти личные преимущества были бы бесполезны, но в те времена, когда оружием были боевые топоры, копья и мечи, они почти решали исход боя. Поэтому Гарольд отклонил все предложения Вильгельма, и монах вернулся.

Дальнейшие предложения Вильгельма.
Встречное предложение Гарольда.

Вильгельм, похоже, не был полностью обескуражен неудачей своей первой попытки переговоров, так как он отправил свое посольство во второй раз, чтобы сделать еще одно предложение. Оно заключалось в том, что если Гарольд согласится признать Вильгельма королем Англии, то Вильгельм передаст всю территорию ему и его брату Гурту, чтобы они владели *провинциями* под общей властью Вильгельма. При этом Вильгельм сам вернется в Нормандию, сделав город Руан, который был его столицей там, столицей всего объединенного королевства. На это предложение Гарольд ответил, что ни на каких условиях не может отказаться от своих прав государя Англии. Поэтому он отклонил и это предложение. Однако теперь он сделал предложение в свою очередь. По его словам, он готов пойти на компромисс в споре, насколько это возможно путем *выплаты денег*. Если Вильгельм откажется от своего вторжения и вернется в Нормандию, отказавшись от претензий на английскую корону, он выплатит ему, по его словам, любую сумму денег, которую тот назовет.

Вильгельм не мог принять это предложение. Он был, как он считал, истинным и законным наследником английского престола, и настаивать на своем было делом чести, а также велением честолубия, которому следовало подчиниться. Тем временем прошел день, пока велись эти бесплодные переговоры. Наступала ночь. Офицеры и советники Вильгельма

начали беспокоиться из-за задержки. Они говорили, что каждый час в лагерь Гарольда прибывают новые подкрепления, а они сами не получают никакого преимущества, и, следовательно, чем дольше откладывается битва, тем меньше уверенности в победе. Поэтому Вильгельм пообещал им, что нападет на короля Гарольда в его лагере на следующее же утро.

Предчувствия Гарольда.

Предложения его братьев.

Ночь перед битвой.

По мере того как приближалось время великой финальной битвы, Гарольда все больше угнетало чувство тревоги и предчувствия. Его братьям тоже было не по себе. Их тревога усиливалась при воспоминании о клятве Гарольда и о тех ужасных санкциях, которые, как они опасались, могли наложить на нее священные мощи. Они не были уверены, что оправдание брата за отказ от клятвы спасет его от вины и проклятия за лжесвидетельство перед Небесами. Поэтому накануне битвы они предложили Гарольду самому удалиться и оставить их для ведения обороны. "Мы не можем отрицать, - сказали они, - что ты действительно давал клятву; и, несмотря на обстоятельства, которые, казалось бы, освобождают тебя от этого обязательства, лучше, по возможности, избегать ее открытого нарушения. В целом будет лучше, если вы покинете армию и отправитесь в Лондон. Там вы сможете очень эффективно помочь в обороне королевства, собрав подкрепление. Мы останемся и встретим настоящую битву. Небеса не могут быть недовольны нами за это, ведь мы всего лишь исполняем долг, лежащий на всех, - защищаем родную землю от чужеземного вторжения".

Гарольд не согласился принять этот план. Он не мог, по его словам, удалиться в час приближающейся опасности и оставить своих братьев и друзей без защиты, когда речь шла о его короне, за которую они боролись.

Сцены в лагере Гарольда.

Таковы были обстоятельства в обеих армиях вечером накануне битвы; и, разумеется, при таком положении вещей умы людей должны были склониться в лагере Гарольда к унынию и отчаянию, а в лагере Вильгельма - к уверенности и ликованию. Гарольд, как это часто делают люди в его положении, решил облегчить груз, который тяготил его собственное сердце и угнетал дух его людей, пиршеством и вином. Он приказал подать обильный ужин и снабдил своих солдат обильным питьем; говорят, что весь его лагерь в течение всей ночи представлял собой одну широкомасштабную сцену веселья и пиршества, войска собирались повсюду группами вокруг своих костров, одни полуодурманенные, другие ссорящиеся, а третьи все еще поющие национальные песни и танцующие с диким возбуждением, в соответствии с различными эффектами, производимыми на различные конституции опьяняющим воздействием пива и вина.

Сцены в лагере Вильгельма.

В лагере Вильгельма можно было наблюдать самые разные сцены. В обозе его армии было много монахов и церковников, и в ночь перед битвой они проводили время за чтением месс, литаний и молитв, песнопений и других подобных богослужений при содействии солдат, которые собирались большими толпами для этого дикого поклонения на открытом пространстве среди палаток и вокруг костров. В конце концов все они удалились на покой, испытывая дополнительное чувство безопасности в отношении работы на следующий день, поскольку, как они полагали, своим благочестием они получили право на защиту Небес.

Религиозные церемонии.

Воинственный епископ.

Утром в лагере Вильгельма также первым делом собирали армию на грандиозное празднование мессы. Любопытной иллюстрацией смешения религиозных или, скорее, суеверных настроений того времени с духом войны служит тот факт, что епископ, совершавший эту торжественную мессу, носил под своим понтификальным одеянием почтовый плащ, а рядом с ним, пока он читал молитвы, стоял служитель со стальным острием копья в руке, готовый к тому, чтобы военный прелат взял его, как только служба закончится. Когда религиозный долг был исполнен, епископ сбросил с себя сюртук, взял копье и, сев на своего белого коня, который также был оседлан и взнуздан, возглавил конную бригаду и поскакал на штурм врага.

Боевой конь Вильгельма.

Предварительные приготовления.

Сам Вильгельм сел на великолепного боевого коня из Испании, подаренного ему одним из богатых баронов. Коня звали Баярд. На шее Вильгельма были подвешены некоторые из самых священных реликвий, над которыми Гарольд дал свою ложную клятву. Он полагал, что в них заключено некое очарование, которое защитит его жизнь и сделает суд небес более верным в отношении лжеца. Штандарт, благословленный папой, нес рядом с ним молодой знаменосец, который очень гордился этой честью. Однако пожилой солдат, на которого официально возложена забота о штандарте, попросил освободить его от несения. По его словам, в этот день он хотел бы выполнить свою работу с мечом. Пока шли эти предварительные приготовления к бою, Вильгельм с отрядом вокруг него стоял на пологом возвышении в центре лагеря, на виду у всей армии. Все были восхищены великолепной фигурой своего полководца - его крупными и хорошо сложенными конечностями, покрытыми сталью, и его лошадь, чья форма была столь же благородной, как и у его хозяина, беспокойно порывивала, словно с нетерпением ожидая начала битвы.

Битва при Гастингсе.

Поражение Гарольда.

Когда все было готово, нормандская армия весело и радостно двинулась в атаку на английские ряды; но веселье и радость вскоре исчезли, когда корпус за корпусом принялся за ужасную работу дня. В течение десяти долгих часов над всем полем царила одна широкомасштабная сцена хаоса и смерти - каждая душа среди бесчисленных тысяч людей была отдана во власть самых ужасных страстей, возбужденных до совершенного исступления ненависти, ярости и мести, и все они либо безжалостно убивали других, либо умирали сами в агонии и отчаянии. Когда наступила ночь, норманны повсюду одерживали победу. Они полностью владели полем и с триумфом скакали по лагерю Гарольда, перепрыгивая на своих конях через тела мертвых и умирающих, устилавшие землю. Те из приверженцев короля Гарольда, кто избежал дневной резни, в безнадежном смятении бежали на север, где летящие массы устилали дороги на многие мили телами людей, которые падали по дороге, израненные или изможденные усталостью.

Он убит.

Утром Вильгельм вывел своих людей на поле боя и назвал имена офицеров и солдат, как они были зарегистрированы в Нормандии, чтобы выяснить, кто был убит. Пока длилась эта меланхоличная церемония, пришли два монаха, посланные от остатков английской армии и сообщившие, что король Гарольд пропал без вести и что, по слухам, он был убит. Если это

так, то его тело, по их словам, должно лежать где-то на поле, и они просят разрешения поискать его. Разрешение было получено. С помощью нескольких солдат они начали исследовать землю, переворачивая и осматривая каждую безжизненную фигуру, которая по одежде или доспехам могла принадлежать королю. Долгое время их поиски были тщетны; жуткие лица мертвецов были настолько изуродованы и изменены, что никого нельзя было опознать. Однако в конце концов женщина, которая была в семье Гарольда и знала его лицо ближе, чем они, нашла и узнала тело, и монахи с солдатами унесли его.

Окончательное покорение острова.
Вильгельм коронуется в Вестминстере.
Власть Вильгельма.
Его величие.

Битва при Гастингсе поставила точку в споре об английской короне. Правда, после этого приверженцы Гарольда, а также Эдгара Этельинга предпринимали различные попытки объединить свои силы и вернуть королевство, но тщетно. Вильгельм дошел до Лондона, укрепился там и совершал походы из этого города в качестве центра, пока не подчинил остров своей власти. В конце концов он был коронован в Вестминстерском аббатстве с большой помпой и парадом. Он послал за Матильдой, чтобы она приехала и присоединилась к нему, и ввел ее в свой дворец в качестве королевы Англии. Он конфисковал имущество всех английских дворян, воевавших против него, и разделил его между нормандскими вождями, которые помогали ему во время вторжения. Сам он совершал различные поездки в Нормандию и из нее, и везде в своих владениях, по обе стороны канала, его принимали с самыми высокими почестями. Одним словом, в течение нескольких лет после высадки он стал одним из самых великих и могущественных держав на земном шаре. Насколько все его богатство и величие не сделали его счастливым, будет показано в следующей главе.

Глава XI.

Восстание принца Роберта.

1076-1077 гг. Н.Э.

Честолюбивые люди, посвящающие все свое время и внимание в первые годы жизни личному и политическому возвышению, имеют мало времени для управления и воспитания своих детей, и их последующие годы часто омрачаются распутством и пороком или необоснованными притязаниями их сыновей. По крайней мере, так было в случае с Вильгельмом. К тому времени, когда его государственные враги были усмирены, и он оказался бесспорным хозяином как своего королевства, так и герцогства, его мир и счастье были разрушены, а спокойствие всего королевства было нарушено ужасной семейной ссорой.

Старший сын Вильгельма.
Его характер.

Старшего сына звали Роберт. Ему было четырнадцать лет, когда его отец отправился в поход на Англию. В то время он был в некотором роде избалованным ребенком: он был любимцем

своей матери и, как таковой, всегда получал от нее много побряжек. Когда Вильгельм уехал, он назначил Матильду регентом, чтобы она управляла Нормандией во время его отсутствия. Этот мальчик также был назван регентом, так что номинально он был связан со своей матерью и, несомненно, считал себя более важной персоной из них двоих. Одним словом, пока Вильгельм был занят в Англии, ведя там свои завоевания, Роберт рос в Нормандии тщеславным, самодовольным и неуправляемым юношей.

Конфликты Вильгельма с сыном Робертом.
Вильгельм Руфус.

Его отец, разъезжая туда-сюда между Англией и Нормандией, часто вступал в конфликты со своим сыном, как обычно в таких случаях. В этих спорах Матильда принимала сторону сына. Второй сын Вильгельма, которого звали Уильям Руфус, ревновал к старшему брату и часто провоцировался властным и повелительным духом, который проявлял Роберт. Таким образом, Уильям Руфус, естественно, придерживался отцовской стороны в семейной вражде. Уильям Руфус был таким же грубым и буйным духом, как и Роберт, но ему не так потакали. Поэтому он обладал большим самообладанием; он прекрасно умел подавлять свои склонности и скрывать неблагоприятные стороны своего характера в присутствии отца.

Сын Уильяма Генри.
Роберт по прозвищу Короткий Сапог.

Был и третий брат, которого звали Генри. Он отличался более тихим и мягким характером, и избегал принимать активное участие в ссорах, за исключением тех случаев, когда Уильям Руфус подбивал его на это. Он был другом и компаньоном Уильяма Руфуса, и, как таковой, Роберт считал его своим врагом. На самом деле все, кроме Матильды, были против Роберта, который смотрел свысока на сравнительную ничтожность своих младших братьев в надменной и властной манере, как это свойственно старшему сыну и наследнику в богатых и влиятельных семьях. Король, вместо того чтобы сдерживать этот властный дух в своем сыне, как он, возможно, мог бы сделать это с помощью внимательного и доброго, но в то же время решительного проявления власти, дразнил и мучил его сарказмами и мелкими досадами. Среди прочих примеров этого он дал ему прозвище *Короткий Сапог*, поскольку тот был ниже ростом. Однако, поскольку Роберт к тому времени уже достиг совершеннолетия, он был до глубины души уязвлен тем, что отец наложил на него такое клеймо, и в его груди разгорелись тайные чувства обиды и мести.

Обручение Роберта.
Мотивы Уильяма.

Кроме того, у него были и другие причины жаловаться на отца, еще более серьезные. Когда он был еще совсем маленьким, отец, по обычаю того времени, отдал его в жены дочери и наследнице соседнего графа, такого же ребенка, как и он сам. Ее звали Маргарет. Графством, которое должна была унаследовать эта маленькая Маргарет, был Мэн. Оно находилось на границах Нормандии и было богатым и ценным владением. Согласно условиям брачного контракта, владения юной невесты передавались отцу жениха и хранились у него до совершеннолетия жениха и полного завершения брака. На самом деле, получение этого богатого наследства с перспективой владеть им долгие годы, вероятно, и было главной целью, которую преследовал Уильям, заключая столь преждевременный брачный союз.

Смерть Маргарет.

Если таков был план Уильяма, то в итоге он оказался даже более благоприятным, чем он предполагал; маленькая наследница умерла через некоторое время после того, как ее наследство перешло во владение свекра. Некому было потребовать его восстановления, и Уильям продолжал владеть им до совершеннолетия своего сына, жениха. Тогда Роберт потребовал его, утверждая, что он принадлежит ему по праву. Уильям отказался отдать его. Он утверждал, что то, что произошло между его сыном в младенчестве и маленькой Маргарет, было не браком, а лишь обручением - договором о будущем браке, который должен был состояться, когда стороны достигнут совершеннолетия, и что, поскольку смерть Маргарет помешала осуществлению союза, Роберт никогда не был ее мужем и, следовательно, не мог приобрести права мужа. Поэтому, по его мнению, земли должны оставаться в руках ее опекуна, и какими бы правами ни обладали другие лица, претендующие на наследство Маргарет как ее естественные наследники, очевидно, что его сын не может иметь никаких прав.

Еще больше проблем.

Как бы ни были удовлетворительны эти рассуждения для Уильяма, Роберта они только раззадорили. Он рассматривал дело как крайнюю несправедливость и притеснение со стороны отца, который, по его словам, не довольствуясь собственным огромным имуществом, должен пополнить его, ограбив собственного сына. В этом мнении с ним была согласна мать Роберта, Матильда. Что касается Уильяма Руфуса и Генриха, то они не обратили особого внимания на спор, но были довольны его результатом и получили огромное удовольствие от досады и огорчения своего брата, не сумевшего получить графство.

Политическая власть Роберта.
Его амбиции.

Был еще один очень серьезный предмет спора между Робертом и его отцом. Уже говорилось, что когда герцог отправился в экспедицию для вторжения в Англию, он оставил Матильду и Роберта вместе управлять герцогством. В начале периода своего отсутствия Роберт был еще очень мал, и фактическая власть в основном находилась в руках его матери. Однако по мере взросления он стал оказывать все большее влияние и контролировать ситуацию. В действительности, поскольку он сам был честолюбив и устремлен, а его мать была снисходительна, власть очень быстро перешла в его руки. Прошло восемь лет с того момента, как Вильгельм покинул Нормандию, прежде чем его власть настолько укрепилась и утвердилась в Англии, что он снова смог взять в свои руки дела своего первоначального королевства. В то время он оставил Роберта четырнадцатилетним мальчиком, который, несмотря на грубый и буйный характер, был еще политически бессилён. Вернувшись, он застал его двадцатидвухлетним мужчиной, еще более грубым и буйным, чем прежде, и полностью владеющим политической властью. Эту власть он также обнаружил, что тот очень не хочет сдаваться.

Роберт требует Нормандию.
Вильгельм отказывается.

На самом деле, когда Вильгельм пришел, чтобы снова получить провинцию Нормандию, Роберт почти отказался от нее. Он сказал, что его отец всегда обещал ему герцогство Нормандия в качестве своего домена, как только он достигнет совершеннолетия, и теперь он требует исполнения этого обещания. Кроме того, он заявил, что теперь, когда его отец стал королем Англии, его прежнее королевство не имеет для него никакого значения. Оно не прибавило ему ни влияния, ни власти, и поэтому он может, не понеся никаких ощутимых

потерь, передать его своему сыну. Вильгельм, со своей стороны, не признавал силу ни одного из этих аргументов. Он не признавал, что когда-либо обещал Нормандию своему сыну; что же касается добровольного отказа от части своих владений, то он не верил в то, что человек может передать свою власть или имущество своим детям до тех пор, пока они не получат справедливое право наследовать его после его смерти; во всяком случае, он не должен этого делать. У него и в мыслях не было, как он выражался, "раздеться перед сном".

Раздражение и недоброжелательность, которые порождали эти разногласия, с каждым днем становились все сильнее и сильнее, хотя до сих пор разногласия носили частный и домашний характер, ограничиваясь, по своему влиянию, ближайшим окружением короля. Однако теперь произошел случай, когда частная семейная вражда переросла в открытую публичную ссору. Обстоятельства были таковы:

Замок в Л'Эгле.

Ссора между Робертом и Вильгельмом Руфусом.

У короля Вильгельма был замок в Нормандии, в местечке под названием Л'Эгль. В 1076 году он проводил там некоторое время со своим двором и семьей. Однажды Уильям Руфус и Генрих находились в одном из верхних апартаментов замка, играли в кости и всячески развлекались в компании с другими молодыми людьми двора. В апартаментах было окно, выходящее на балкон, с которого можно было смотреть на двор замка внизу. Роберт находился во дворе с несколькими *своими* спутниками, прогуливаясь там в раздраженном состоянии духа, вызванном некоторыми предыдущими спорами с братьями. Уильям Руфус спустился с балкона, увидел его и, вероятно, чтобы унять свой гнев, вылил на него немного воды. От этого поступка подавляемое и молчаливое раздражение в сердце Роберта перешло в совершенную ярость и месть. Он выхватил меч и бросился к лестнице. На ходу он произносил громкие и страшные проклятия, заявляя, что убьет автора такого оскорбления, даже если тот *окажется* его братом. Двор, конечно, сразу же наполнился криками и возгласами тревоги, и все потянулось к комнате, из которой лилась вода, - одни, чтобы стать свидетелями, другие, чтобы предотвратить драку.

Сражающиеся разошлись.

Среди них был и сам король, случайно оказавшийся в это время в этой части замка. Он подросел как раз вовремя, чтобы вмешаться между сыновьями и предотвратить совершение ужасного преступления - братоубийства. Как оказалось, ему было очень трудно разнять свирепых бойцов. Потребовался весь его отцовский авторитет и недюжинная сила, чтобы остановить драку. Однако в конце концов ему удалось с помощью сторонних наблюдателей разнять сыновей, и Роберта, запыхавшегося и бледного от бессильной ярости, увели прочь.

Ярость Роберта.

Бунт Роберта.

Роберт посчитал, что в этой ссоре отец встал на его сторону, и заявил, что не может и не хочет больше терпеть такого обращения. Он нашел некоторое сочувствие в разговоре с матерью, к которой немедленно отправился с горькими жалобами. Она пыталась успокоить его израненный дух, но он не поддавался умиротворению. Днем и вечером он организовал партию диких и отчаянных молодых людей из числа придворной знати, чтобы поднять восстание против своего отца и силой овладеть Нормандией. Они держали свои планы в глубокой тайне, но готовились покинуть Л'Эгль этой ночью, чтобы отправиться и захватить

Руан, столицу, которую они надеялись застать врасплох и заставить сдаться. Соответственно, в середине ночи отчаянный отряд сел на коней и усекал. Утром король обнаружил, что они уехали, и послал за ними вооруженное войско. Их план по захвату Руана провалился. Отряд короля догнал их и после острой схватки сумел захватить нескольких мятежников, хотя сам Роберт в сопровождении нескольких самых отчаянных своих приверженцев бежал за границу в соседнюю провинцию, где нашел убежище в замке одного из врагов своего отца.

Тревога и бедствия Матильды.
Меры Матильды.

Этот результат, как и следовало ожидать, наполнил разум Матильды тревогой и бедой. Гражданская война между ее мужем и сыном была теперь неизбежна; и хотя все соображения благоразумия и долга требовали от нее встать на сторону отца, материнская любовь - принцип, в большинстве случаев более сильный, чем благоразумие и долг вместе взятые, - непреодолимо влекла ее к сыну. Роберт собрал вокруг себя всех недовольных и отчаянных духов королевства и долгое время продолжал доставлять отцу бесконечные неприятности. Матильда, хотя и не решалась открыто отстаивать его интересы в присутствии короля, поддерживала с ним тайную связь. Время от времени она посылала ему информацию и советы, а иногда и поставки, и, таким образом, формально была виновна в большом преступлении - в изменнической переписке с мятежником. Однако с моральной точки зрения ее поведение, возможно, было совершенно правильным; во всяком случае, его влияние было весьма благотворным, поскольку она делала все возможное, чтобы сдерживать и отца, и сына; и влияние, которое она таким образом оказывала, несомненно, сильно смягчало ожесточенность борьбы.

Преимущества Уильяма.
Роберт складывает оружие.

Конечно, преимущество в такой гражданской войне, как эта, было бы полностью на стороне государя. В руках Вильгельма была вся власть и ресурсы королевства - армия, города, замки, сокровища. На стороне Роберта был отряд диких, отчаянных и неуправляемых разбойников, без власти, без денег, без чувства справедливости. Постепенно он убедился, что борьба была напрасной. По мере того как активность военных действий снижалась, Матильда становилась все более открытой в своих попытках сдержать их и умерить враждебность с обеих сторон. В конце концов ей удалось склонить Роберта сложить оружие, а затем устроить беседу между сторонами в надежде на мирное урегулирование ссоры.

Интервью с отцом.

Однако уже во время этой беседы выяснилось, что надежды на настоящее и сердечное примирение нет. Хотя и отец, и сын устали от противоестественной войны, которую они вели друг против друга, честолюбивые и эгоистичные желания обеих сторон, на почве которых завязалась эта борьба, остались неизменными. Роберт начал конференцию с того, что властно потребовал от отца выполнения его обещания передать ему управление Нормандией. В ответ отец упрекнул его в неестественном и злом бунте и предупредил, что, подражая Авессалому, он рискует разделить судьбу этого несчастного мятежника. Роберт ответил, что пришел к отцу не для того, чтобы послушать проповедь. По его словам, с него было достаточно проповедей, когда он в детстве изучал грамматику. Он хотел, чтобы отец поступил с ним по справедливости, а не читал ему проповеди. Король сказал, что никогда не разделит свои владения, пока жив, ни с кем; и добавил, несмотря на то что Роберт презрительно отозвался о проповедях, что в Писании сказано, что дом, разделившийся сам

против себя, не устоит. Затем он принялся самым суровым образом упрекать и уличать принца в нелояльности как подданного, а также в нелюбви и неблагодарности как сына. Невыносимо, сказал он, чтобы сын стал соперником и злейшим врагом своего отца, когда именно ему он обязан не только всем, чем пользовался, но и самим своим существованием.

Обвинения.

Эти упреки, вероятно, были произнесены в повелительной и гневной манере и с тем духом обличения, который только раздражает обвиняемого и вызывает его негодование, вместо того чтобы пробудить в нем чувства раскаяния и сокрушения. Как бы то ни было, мысль о сыновней неблагодарности, как ее преподнес отец, не дала Роберту покоя. Он резко прервал беседу и в ярости покинул отцовский дом.

Бесплодное интервью.

Роберт отправляется во Фландрию.

Несмотря на все старания и уговоры матери, он решил еще раз покинуть страну. Он сказал, что лучше будет изгнанником и бездомным скитаться по чужим землям, чем оставаться при дворе отца и подвергаться столь несправедливому и позорному обращению со стороны того, кто был связан сильнейшими обязательствами быть его лучшим и вернейшим другом.

Матильда не смогла склонить его к изменению этого решения, и, взяв с собой нескольких самых отчаянных и беспутных из своих спутников, он отправился на север, пересек границу и нашел убежище во Фландрии. Фландрия, как известно, была родиной Матильды. В это время ее брат был графом Фландрии. Граф принял молодого Роберта очень радушно, как ради его сестры, так и, вероятно, в какой-то степени как средство мелкой вражды против короля Вильгельма, своего могущественного соседа, славе и удаче которого он завидовал.

Его изменническая переписка.

У Роберта не было ни средств, ни ресурсов, необходимых для возобновления открытой войны с отцом, но его желание сделать это было столь же сильным, как и прежде, и он немедленно начал вести тайную переписку со всеми дворянами и баронами Нормандии, которые, по его мнению, были склонны поддержать его дело. Ему удалось склонить их к тайным пожертвованиям, чтобы обеспечить его денежные нужды, конечно же, обещая отплатить им обширными грантами и наградами, как только он получит свои права. Подобные связи он поддерживал и с Матильдой, хотя она держала их в глубоком секрете от своего мужа.

Действия Филиппа.

Он встает на сторону Роберта.

Распутство Роберта.

У Роберта были и другие друзья, кроме тех, кого он нашел таким образом в Нормандии. Сам король Франции был очень доволен развязыванием этой страшной вражды в семье своего соседа, который из зависимого вассала превратился, завоевав Англию, в его великого конкурента и соперника в глазах всего человечества. Филипп был склонен радоваться любым событиям, которые порочили славу Вильгельма или угрожали расколом и ослаблением его власти. Поэтому он поручил своим агентам в Нормандии и Фландрии поощрять и поддерживать раскол всеми доступными им средствами. Он тщательно следил за тем, чтобы не брать на себя никаких обязательств, открыто обещая помощь, и все же тысячей косвенных способов побуждал Роберта ожидать ее. Таким образом, беда ширилась и ширилась, но ничего действенного для организации восстания сделано не было. На самом

деле у Роберта не было ни средств, ни умственных способностей, необходимых для того, чтобы созреть и воплотить в жизнь какой-либо реальный план восстания. Тем временем проходили месяцы, и, поскольку ничего действенного не предпринималось, приверженцы Роберта в Нормандии постепенно теряли надежду. Они прекратили свои пожертвования и постепенно забыли о своем отсутствующем и некомпетентном лидере. Роберт проводил время в распутстве и пороке, растрачивая на пиры и в компании брошенных мужчин и женщин средства, которые его последователи посылали ему, чтобы он мог подготовиться к войне; и когда, наконец, эти средства его подвели, он бы постепенно оказался в большом бедствии и нужде, если бы не один верный и преданный друг, который все еще оставался рядом с ним. Этим другом была его мать.

Матильда посылает ему припасы.

Тайные запасы Матильды.

Ее раскрывают.

Матильда прекрасно понимала, что все, что она делает для своего отсутствующего сына, должно быть сделано самым тайным образом, и это требовало от нее немалых хитростей и ухищрений. Однако в ее усилиях по сокрытию информации ей помогло отсутствие мужа. Он некоторое время находился в Англии, вызванный туда неотложными требованиями государственного долга. В Нормандии он оставил большого государственного министра, от бдительности которого, как полагала Матильда, будет сравнительно легко ускользнуть. Сначала она отправила Роберту во Фландрию свои личные средства. Затем она использовала для этой цели часть государственных средств, которые попадали в ее руки. Однако чем больше она посылала, тем чаще и настойчивее Роберт требовал новых поставок. Ресурсы матери, будь они велики или малы, всегда быстро истощаются под влиянием ненасытных требований беспутного и распутного сына. Когда деньги Матильды закончились, она продала свои драгоценности, затем более дорогую одежду и, наконец, те ценные вещи, принадлежавшие ей или ее мужу, которыми можно было легко и конфиденциально распорядиться. Священник, который был очень верен и бдителен в исполнении своих обязанностей, заметил признаки того, что происходит что-то таинственное. У него возникли подозрения. Он следил за передвижениями Матильды и вскоре узнал правду. Он отправил информацию Уильяму. Вильгельм не мог поверить, что предположения его министра могут быть правдой; ведь Вильгельм был всего лишь государственным деятелем и солдатом и не имел достаточного представления о той всепоглощающей и неконтролируемой силе, которую несет в себе принцип материнской любви.

Гонец Матильды был схвачен.

Однако он решил немедленно принять самые действенные меры, чтобы выяснить правду. Он вернулся в Нормандию, и там ему удалось перехватить одного из гонцов Матильды, направлявшегося во Фландрию с посланиями и деньгами для Роберта. Этого гонца звали Сампсон. Вильгельм конфисковал деньги и письма и отправил гонца в один из своих замков, чтобы заточить в темницу. Затем с полученными таким образом доказательствами вины он, полный изумления и гнева, отправился на поиски Матильды, чтобы приструнить ее, как он считал, за ее подлое и неблагодарное предательство мужа.

Упреки Вильгельма.

Упреки, с которыми он обратился к ней, были горькими и суровыми, хотя, похоже, произнесены они были скорее в тоне печали, чем гнева. "Я уверен, - сказал он, - что всегда был для вас верным и преданным мужем. Я не знаю, чего бы вы могли желать больше, чем того, что я сделал. Я любил вас искренне и по-настоящему. Я оказывал тебе честь. Я ставил

тебя на самые высокие должности, неоднократно веря тебе большую часть своей суверенной власти. Я доверял вам свои самые важные и жизненно важные интересы. И вот ответная реакция. Вы используете то самое положение, власть и средства, которые вложил в ваши руки доверившийся вам муж, чтобы предать его самым жестоким образом, помочь и поощрить его злейшего и опаснейшего врага".

Ответ Матильды.

На эти упреки Матильда не попыталась ничего ответить, кроме как сослаться на непреодолимую стремительность и силу своей материнской любви. "Я не могла, - сказала она, - оставить Роберта в беде и страданиях, пока у меня были все возможные средства облегчить его состояние. Он мой ребенок. Я постоянно думаю о нем. Я люблю его больше жизни. Я торжественно заявляю вам, что если бы он был сейчас мертв и я могла бы вернуть его к жизни, умерев за него, я бы с радостью это сделала. Как же, по-вашему, я могу жить здесь в изобилии и роскоши, в то время как он скитается без крова, в нужде и бедности, и не попытаться облегчить его участь? Правильно это или неправильно, что я так считаю, я не знаю; но я знаю одно: я *должен* так считать: Я ничего не могу с этим поделать. Он наш первенец, я не могу его бросить".

Гнев Уильяма.

Бегство Сэмпсона.

Уильям покинул присутствие Матильды, полный обиды и гнева. Конечно, он не мог ничего сделать в отношении нее, кроме как упрекнуть, но он решил, что неудачливый Сэмпсон должен жестоко пострадать за преступление. Он послал в замок, где тот лежал замурованным, приказ, требуя, чтобы ему выкололи глаза. Однако Матильда вовремя заметила опасность, грозившую ее посланнику, и послала ему предупреждение. Ему удалось бежать и скрыться в одном из монастырей, который находился под особым покровительством и опекой Матильды. В те времена монастырь был святилищем, куда даже рука самой деспотичной власти едва ли осмеливалась вторгнуться в погоне за своей жертвой. Чтобы обезопасить себя вдвойне, аббат предложил трепещущему беглецу вступить в их орден и стать монахом. Сэмпсон был готов на все, лишь бы спасти свою жизнь. Операция по удалению глаз, как правило, смертельна, поэтому он считал, что его жизнь поставлена на карту. Поэтому его побрили и остригли, а также облачили в монашеское одеяние. Он принял обеты ордена и вместе с братьями-монахами начал соблюдать посты, покаяния и молитвы, которые соответствовали его новому призванию, и Уильям оставил его в покое.

Ситуация ухудшается.

Подготовка к войне.

Беда Матильды.

После этого открытия об участии матери в советах сына дела пошли не лучше, а хуже. То ли благодаря помощи, оказанной матерью, то ли иными способами, в Нормандии и за ее пределами появилась сильная партия, склонная поддержать дело Роберта. В конце концов его друзья собрали значительную армию и, поставив его во главе ее, двинулись на Руан. Король, сильно встревоженный этой опасностью, собрал все силы, которыми мог командовать, и отправился навстречу своему мятежному сыну. Уильям Руфус сопровождал отца, намереваясь сражаться на его стороне, а Матильда, охваченная ужасом и бедой, оставалась в полубеспокойстве в стенах своего замка - как и полагается жене и матери при приближении убийственного конфликта между ее мужем и сыном. Мысль о том, что один из них может быть убит другим, приводила ее в ужас.

Уильям ранен своим сыном.

И в самом деле, этот ужасный результат оказался очень близок к осуществлению. Роберту едва удалось предотвратить уничтожение брата в замке Л'Эгль, а теперь на равнине Аршембрей, где проходила эта битва, от его руки *пал* и был почти убит отец. В разгар битвы, когда всадники стремительно атаковали друг друга в разных частях поля, все они были так замаскированы своими доспехами, что никто не мог узнать того, с кем он сражается, Роберт столкнулся с крупным и сильным рыцарем и вонзил свое копье сквозь его доспехи в руку. От удара и потери сознания, вызванной агонией раны, всадник упал на землю, и по голосу, которым вскрикнул от боли и ужаса его поверженный враг, Роберт понял, что это его отец, которого он пронзил своей сталью. В тот же миг раненый отец, взглянув на своего победоносного антагониста, узнал сына. Он проклял своего неестественного врага горьким и страшным проклятием. Роберт был потрясен и ужаснулся содеянному. Он соскочил с коня, опустился на колени рядом с отцом и стал звать на помощь. Король, обезумев от боли, которую причинила ему рана, и от жгучего негодования и обиды, бушевавших в его груди на противоестественную вражду, нанесшую ее, отвернулся от сына и отказался принять от него какую-либо помощь.

Битва идет против него.

Страдания Матильды.

Помимо несчастья быть без коней и раненым, сама битва в тот день пошла против короля. Армия Роберта оставалась хозяином поля. Уильям Руфус тоже был ранен, как и его отец. Матильда была вне себя от горя и душевных терзаний. Она не могла вынести мысли о том, чтобы допустить продолжение столь неестественной и ужасной борьбы. С самыми искренними просьбами и слезами она умоляла мужа найти какой-нибудь способ уладить спор. Ее ночи были бессонными, дни проходили в рыданиях, а здоровье и силы вскоре стали стремительно угасать. Она была истощена, худа и бледна, и было очевидно, что такое бедственное положение, если оно будет продолжаться долго, скоро сведет ее в могилу.

Примирение.

Заступничество Матильды в конце концов увенчалось успехом. Король послал за своим сыном, и после различных переговоров был достигнут некий компромисс. Армии были распущены, мир восстановлен, а Роберт и его отец снова стали друзьями. Вскоре после этого Вильгельм, которому предстоял поход на север Англии, взял Роберта с собой в качестве одного из генералов своей армии.

Глава XII.

Заключение.

1078-1087 гг. Н.Э.

Правление Вильгельма в Англии.

Его трудности.

Чувства английского народа.

Восстания.

Со времени битвы при Гастингсе, произошедшей в 1066 году, до смерти Вильгельма, случившейся в 1087 году, прошло около двадцати лет, в течение которых великий монарх правил своими обширными владениями весьма деспотично, хотя и не без большой доли обычных опасностей, трудностей и борьбы, сопутствующих такому правлению. Он привел в Англию огромное количество норманнов из Нормандии и передал в их руки всю военную и гражданскую власть империи; при этом он почти полностью полагался на превосходство своей физической силы, чтобы удержать страну в подчинении своей власти. Правда, он утверждал, что является законным наследником английской короны и что, следовательно, владение ею - это право наследования, а не завоевания; и он утверждал, что народ Англии в целом признает его притязания. На самом деле, в значительной степени это было правдой. По крайней мере, среди населения, вероятно, была значительная часть тех, кто считал, что права Вильгельма на корону превосходят права Гарольда, которого он сверг. Но поскольку Вильгельм по рождению, воспитанию и языку был иностранцем, а все его друзья и сторонники, да и почти вся армия, на которую он опирался в сохранении своей власти, тоже были иностранцами - носили чужое платье и говорили на незнакомом языке, - огромная масса английского народа не могла не чувствовать, что находится под чужеземным порабощением. Поэтому между ними и их нормандскими хозяевами постоянно вспыхивали ссоры, выливавшиеся в ожесточенную и кровавую борьбу за свободу. Эти восстания всегда эффективно подавлялись, но, подавленные в одном районе, они вскоре вспыхивали в другом, что заставляло Вильгельма и его войска почти всегда быть наготове.

Но Вильгельм не был простым воином. Он прекрасно понимал, что постоянство и стабильность его собственной власти в Англии и власти его преемника будут зависеть от того, на каком фундаменте будут покоиться гражданские институты страны, а также от правильной консолидации и урегулирования административных и судебных функций королевства. Поэтому в перерывах между своими походами Вильгельм уделял этому вопросу много времени и внимания, а в подходе к нему проявлял глубочайшую государственную мудрость и проницательность.

Слияние англичан и норманнов.

Труды Вильгельма.

Необходимость приведения большого норманнского войска.

Их обеспечение.

Норманнизация Британского королевства.

Перед Вильгельмом стояла, по сути, сложнейшая задача - двойная задача: объединить две *нации*, а также слить два *языка* в один. Обстоятельства, в которых он оказался, вынудили его взяться за оба этих грандиозных дела. Если бы в то время, когда в своем парке в Руане он впервые услышал о восшествии Гарольда на престол, он предполагал, что в Англии существует партия в его пользу, достаточно сильная, чтобы позволить ему отправиться туда одному или с небольшим нормандским контингентом, чтобы он мог положиться в своем восшествии на престол в основном на самих англичан, то все грозные трудности, с которыми ему пришлось столкнуться впоследствии, были бы спасены. Но такой партии не существовало - по крайней мере, не было никаких доказательств того, что она достаточно сильна, чтобы он мог довериться ей. Тогда ему показалось, что, если он решит завладеть английским тронem, ему придется полностью положиться на силы, которые он сможет взять с собой из Нормандии. Чтобы эта опора была действенной, взятые силы должны быть подавляющими. Затем, если норманны в большом количестве отправятся в Англию с целью посадить его на английский трон, они должны быть вознаграждены, и такое огромное количество претендентов на почетные награды и богатство может быть удовлетворено

только в Англии, причем путем конфискации. Его владения в Нормандии были бы явно недостаточны для такой цели. Кроме того, было очевидно, что если большое число нормандских авантюристов будет размещено на почетных и почетных должностях, на них будут возложены гражданские и административные функции по всей Англии, то они образуют своего рода класс, на который будут смотреть с ревностью и завистью коренные жители, и что нет никакой надежды сохранить их положение в безопасности, кроме как сделав этот класс как можно более многочисленным и сильным. Одним словом, Вильгельм ясно видел, что, хотя было бы очень хорошо, если бы это было возможно, *не* привозить в Англию *ни одного* норманна, лучше, раз уж их так много, придумать все средства, чтобы раздуть и увеличить их число. Это был один из тех случаев, когда, будучи вынужденным идти далеко, лучше идти еще дальше; и Вильгельм решил основательно *норманизировать*, так сказать, все британское королевство. Эту грандиозную задачу он выполнил полностью и надолго; и институты Англии, линии семейного происхождения, рутина судебных и административных дел и сам язык королевства сохранили норманнские черты, которые он привил им до сегодняшнего дня.

О да! О да! О да! О да!

Реликвии прошлого.

Их сохранение в будущем.

Мы испытываем чувство, сродни возвышенному, когда находим даже на нашей собственной земле, в самых отдаленных ее уголках, томительные реликвии революций и деяний тех ранних веков, все еще остающиеся, подобно слабой ряби, мягко накатывающейся на берег в глубокой и уединенной бухте, которая была приведена в движение, возможно, сначала как один из горных валов зимнего шторма в самых далеких морях. Например, если мы войдем в самый скромный суд в какой-нибудь отдаленной и недавно заселенной стране в американских лесах, простой и деревенский на вид человек призовет столь же деревенское собрание к порядку, стукнув своей дубинкой, единственным символом его должности, по полу и воскликнув мистическими и бессмысленными для него словами: "О да! О да! О yes!" [К] Он мало задумывается о том, что повинуется указу Вильгельма Завоевателя, изданному восемьсот лет назад и предписывающему использовать родной язык в судах Англии. Непреодолимый прогресс улучшений и реформ постепенно вытеснил вторгшийся в страну язык - за исключением тех случаев, когда он слился с общим языком страны - из всех обычных форм судопроизводства. Однако он все еще остается, как бы на пороге, в этом призыве к порядку; и поскольку он там безвреден, дух консерватизма, возможно, сохранит для него это последнее убежище на тысячу лет вперед, и "О да" станет фразой, предписывающей молчание многим поколениям офицеров, которые, возможно, никогда не слышали о власти, чьим приказам они невольно повинуются.

Точка зрения, с которой рассматривается Нормандское завоевание.

Работа по объединению нормандского и английского родов друг с другом и слиянию двух языков в один потребовала около столетия для своего полного завершения; и когда, наконец, она была завершена, жители Англии оказались в некотором недоумении, должны ли они гордиться подвигами Вильгельма в завоевании Англии или унижаться из-за них. Поскольку сами они происходили от норманнов, завоевание было одним из славных деяний их предков. Если же они были выходцами из Англии, то, казалось бы, они должны были оплакивать поражение своих отцов. Очевидно, что от такого рода недоумений не было спасения, и они, соответственно, продолжали смущать сменяющие друг друга поколения англичан вплоть до наших дней. Таким образом, Нормандское завоевание занимает весьма неопределенное и двусмысленное положение в английской истории, и различные

современные авторы, обращающиеся к нему, теперь с трудом могут определить, считать ли его унижительным порабощением, от которого пострадали их предки, или славной победой, которую они одержали.

Книга Судного дня.

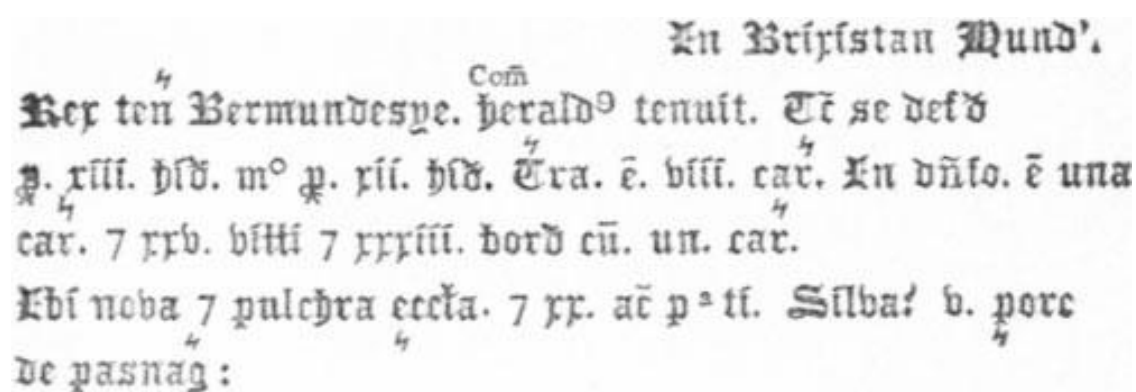
Ее великая неясность.

Одной из важнейших мер правления Вильгельма, особенно прославившей его в наши дни, была грандиозная перепись или регистрация королевства, которую Завоеватель приказал провести для того, чтобы иметь на руках точное перечисление и описание всего недвижимого и личного имущества в королевстве. Это грандиозное общенациональное исследование было проведено в 1078 году. Результат был записан в двух томах разного размера, которые назывались Большой и Малой Судной книгой. Эти книги сохранились до наших дней и по сей день пользуются высочайшим авторитетом во всех вопросах, касающихся древних прав собственности. Одна из них представляет собой фолиант, а другая - кварто. Записи написаны на пергаменте, в тесном, сокращенном и, для обычных читателей, совершенно неразборчивом виде. Язык - латинский, но современный латинский ученый, не имея никаких других средств, кроме осмотра работы, был бы совершенно не в состоянии расшифровать ее. В действительности, несмотря на то, что иероглифы выполнены с большим мастерством и в некоторых отношениях элегантно, весь стиль и расположение работ почти не уступают, в отношении научного мастерства, эскизам королевы Эммы на гобелене Байе. Около полувека назад были напечатаны копии этих работ, выполненные шрифтом, повторяющим оригинальный характер. Но эти печатные издания были признаны невразумительными и бесполезными, пока не были подготовлены и опубликованы подробные указатели, сопровождающие их, что потребовало больших затрат времени и труда.

Образец Книги Судного дня.

Перевод.

Некоторое представление о характере и стиле этой знаменитой записи можно получить из следующего образца, который является настолько точным подражанием оригиналу, насколько это позволяет обычная типография:

In Brixistan Mund'.
Rex ten Bermundesye. ^{Com}herald^o tenuit. Et se def^o
p. xlii. hid. m^o p. xii. hid. Terra. e. viii. car. In dñlo. e una
car. 7 xxv. villani 7 xxxiii. bordarii cum. un. car.
Ibi nova 7 pulchra ecclesia. 7 xx. ac^{re} prati. Silva. v. porc
de pasnagio:

Отрывок, расшифрованный и выраженный полностью, выглядит следующим образом - буквы, пропущенные в оригинале, выделены курсивом:

В Бриксистане *Смо*.

Rex tenet Bermundesye. Heraldus comes tenuit. Tunc se defendebat pro xlii. hidis, modo pro xii. hidis. Terra est viii. carrucatarum. In dominio est una carrucata et xxv. villani et xxxiii. bordarii cum una carrucata. Ibi nova et pulchra ecclesia, et xx. acrae prati. Silva v. porcis de pasnagio.

Английский перевод выглядит следующим образом:

В Бриксистанской сотне.

Король владеет Бермундезией. Граф Геральд владел им [ранее]. В то время он оценивался в тринадцать шкур; теперь - в двенадцать. Пахотной земли восемь каррукатов [*или* пахотных земель]. В демесне один каррукат, двадцать пять вилланов и тридцать три бордара с одним каррукатом. Есть новая и красивая церковь, двадцать акров луга и лесные уголья на пять свиней в пастбищное время".

Здоровье Матильды ухудшается.

Смерть ее дочери.

Матильда удаляется в свой дворец в Кане.

Но мы должны перейти к развязке этой истории. Примерно в 1082 году здоровье королевы Матильды начало серьезно ухудшаться. Ее мучило множество тревог и забот, связанных с государственными делами, которые на нее возлагались, и вытекающих из положения ее семьи: эти тревоги вызывали сильное уныние духа и усугубляли, если не полностью вызывали, ее телесную болезнь. В это время она находилась в Нормандии. Одним из главных источников ее душевных страданий была тревога за одну из дочерей, здоровье которой, как и ее самой, ухудшалось. Забыв о собственной опасности в своем искреннем желании благополучия ребенка, она совершила своего рода паломничество в монастырь, где находилась рака некоего святого, который, как ей казалось, был способен спасти ее дочь. Она возложила на раку богатый подарок, вознесла перед ней самые искренние молитвы, со слезами горькой скорби умоляя святого о заступничестве и демонстрируя все внешние символы смирения и веры. Она занимала свое место в религиозных службах монастыря и подчинялась его обычаям, как если бы находилась в самом скромном частном положении. Но все было тщетно. Здоровье любимой дочери все ухудшалось, и в конце концов она умерла, а Матильда, становясь все более слабой и почти сокрушаясь от горя, закрылась во дворце в Кане.

Ее душевные страдания.

Он находился в том самом дворце, который Вильгельм построил на территории своего монастыря за много лет до этого, во время их бракосочетания. Матильда с грустью и печалью вспоминала тот период, когда ее сердце наполняли радужные надежды и яркие предвкушения власти, славы и счастья. Власть и слава были достигнуты, причем в десятикратном размере, чем она могла себе представить, но счастье так и не пришло. Честолюбие в течение двадцати лет непрерывно боролось во всех ветвях ее семьи против мира и любви в семье. Она и сама обладала честолюбивым умом, но принципы материнской и супружеской любви были в ее сердце сильнее честолюбия, и все же она вынуждена была видеть, как честолюбие повсюду вокруг нее разрушает и уничтожает любовь во всех ее проявлениях. Последние дни ее жизни были омрачены новыми раздорами между мужем и сыном.

Здоровье Матильды.

Матильда искала покоя и утешения в умножении своих религиозных служб и обрядов. Она постилась, молилась, со слезами просила прощения своих грехов. Монахи совершали мессу у ее постели и, как она считала, обновляли жертву Христа, заново умилоостивляя ее грехи. Вильгельм, находившийся в то время в Нормандии, услышав о ее плачевном и несчастном состоянии, приехал к ней. Он прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть ее смерть.

Память о ней.

Ее тело перенесли из дворца в монастыре ее мужа в Кане в построенный ею монастырь. Там его приняли в торжественной обстановке и положили в гробницу. В течение столетий после этого в монастыре оставалось множество памятников о ее существовании и величии в картинах, вышивках, священных дарах и записях, которые постепенно стирались рукой времени. Однако они не исчезли полностью, и путешественники, посещающие это место, обнаруживают, что многие воспоминания и традиции Матильды сохраняются там до сих пор.

Увядание Уильяма.

Его непостоянство и недовольство.

Сам Уильям прожил не так много лет после смерти жены. Он был на несколько лет старше ее. На самом деле он был уже в преклонном возрасте. С возрастом он сильно располнел, что, учитывая его крупное телосложение, сделало его непомерно громоздким. Неудобства, вызванные этой привычкой к телу, были не единственным злом, которое сопровождало его. Она сказывалась на его здоровье и даже грозила закончиться серьезной, если не смертельной болезнью. Хотя он был сравнительно беспомощен телом из-за недугов своего преклонного возраста, дух его оставался таким же активным и беспокойным, как и прежде. Однако теперь его одушевляла не активность молодости, надежды и прогресс, а, скорее, приступообразное беспокойство, с которым возраст взвинчивает себя под воздействием трудностей, которые ему иногда приходится терпеть, или судорожно борется при приближении реальных или воображаемых опасностей, угрожающих владениям, которые он приобрел трудом жизни. В случае с Уильямом опасности были реальными, а не воображаемыми. Ему постоянно угрожали со всех сторон. В самом деле, за год до его смерти между ним и Робертом вновь вспыхнули разногласия, и он был вынужден, громоздкий и беспомощный, отправиться в Нормандию во главе вооруженных сил, чтобы подавить беспорядки, поднятые Робертом и его приверженцами.

Филипп высмеивает Вильгельма.

В это время Роберта поддерживал и помогал ему Филипп, король Франции, который всегда был ревнивым и непримиримым соперником короля Вильгельма. Филипп, который, как известно, был очень молод, когда Вильгельм попросил его о помощи во время своего вторжения в Англию, теперь был в среднем возрасте и в зените своего могущества. Поскольку он отказал Вильгельму в помощи, то, естественно, испытывал некоторую зависть и ревность к его успеху и всегда был готов выступить против него. Теперь он помогал Роберту в его буйстве и неповиновении и высмеивал беспомощные немощи престарелого короля.

Ярость Вильгельма.

Угрозы Вильгельма.

Пока Вильгельм находился в Нормандии, он прошел курс лечения в надежде уменьшить свое чрезмерное телосложение и снять неприятные и опасные симптомы, которые ему сопровождали. Находясь в руках лекаря, он, разумеется, был прикован к своей палате. Филипп в насмешку назвал это "пребыванием в соломе". Он спросил некоего человека, явившегося к его двору, недавно прибывшего из Нормандии, не лежит ли еще в соломе старуха Англия. Какой-то жалкий баснописец, каких в наше время полно в обществе и которые с удовольствием цитируют одному другу то, что, по их мнению, вызовет гнев у другого, повторил эти слова Вильгельму. Как ни был он болен, сарказм привел его в яростный пароксизм гнева. Он поклялся "Божьим светом и воскресением", что, выйдя на свободу, он

разожжет во владениях Филиппа такие костры в память о своих родах, что его царствам станет слишком жарко, чтобы удержать его.

Он сдержал свое слово - по крайней мере, в том, что касается разжигания костров; но костры, вместо того чтобы сделать королевства Филиппа слишком горячими, чтобы вместить его, по странному, но справедливому возмездию, стали просто средством навсегда завершить смертную карьеру той руки, которая их разожгла. Обстоятельства этой заключительной сцены земной истории великого завоевателя были таковы:

Пожар в Манте.

Ранение Вильгельма.

Его великая опасность.

Во исполнение своей угрозы сделать владения Филиппа слишком горячими, чтобы удержать его, Вильгельм, как только смог сесть на коня, возглавил экспедицию, пересек границы Нормандии и двинулся вперед в сердце Франции, опустошая страну огнем и мечом. Вскоре он подошел к городу Мант, расположенному на Сене, прямо на дороге в Париж. Солдаты Вильгельма с неистовой стремительностью атаковали город, взяли его штурмом и подожгли. Вильгельм вошел вслед за ними в ворота, превозносясь над исполнением своих угроз отомстить. Несколько бревен из горящего дома упали на улицу и, сгорая, оставили тлеющее ложе из углей, в котором еще оставался огонь. Уильям, возбужденный чувством ликования и победы, беззаботно ехал по разорению, отдавая приказы и неистово крича на ходу, как вдруг был остановлен резким отшатыванием лошади от горящих углей, на которые он наступил и которые были скрыты от глаз пеплом, покрывавшим их. Уильяма, громоздкого и сравнительно беспомощного, с огромной силой бросило на попону седла. Ему удалось спастись от падения с лошади, но он сразу же обнаружил, что получил серьезную внутреннюю травму. Он был вынужден сойти с коня, и его перенесли из страшной сцены пожара и возмездия, которую он разыгрывал, в торжественную камеру смерти. Для него сделали подстилку, и был назначен отряд сильных мужчин, чтобы нести тяжелую и теперь уже беспомощную ношу обратно в Нормандию.

Конь

Вильгельма наступает на огонь.

Раскаяние Вильгельма.
Его последние действия.

Они отвезли страдающего монарха в Руан. К его постели были призваны самые искусные врачи. Изучив его состояние, они пришли к выводу, что он должен умереть. Известие повергло несчастного пациента в состояние крайнего беспокойства и ужаса. Воспоминания о тысячах корыстных и жестоких поступков, которые он совершал, по его словам, все свои дни, наполнили его угрызениями совести. Он с непобедимым страхом ждал того часа, который так быстро приближался, когда ему предстояло предстать на суд Божий и ответить, как любому простому смертному, за свои преступления. Всю свою жизнь он привык считать себя выше всякого закона, выше всякой власти и недосягаемым для всех судебных вопросов. Но теперь пришло его время. Тот, кто так часто заставлял трепетать других, теперь затрепетал сам, с такой остротой ужаса и страдания, какие испытывают только самые дерзкие и высокомерные преступники. Он горько взывал к Богу о прощении, а монахи, окружавшие его, помогали ему непрерывными молитвами. Он приказал раздать все деньги, которые у него были под рукой, бедным. Он послал приказ восстановить церкви, которые он сжег в Манте, и исправить другие повреждения, которые он нанес в своем гневе. Одним словом, он со всей серьезностью принялся за работу, пытаясь всеми средствами, которые в те времена считались наиболее действенными, отвратить и умиротворить страшный гнев небес.

Роберт отсутствует.
Он получает Нормандию.
Вильгельм Руфус и Генрих.
Воля короля.

Из трех старших сыновей Роберт был в отъезде; ссора между ним и отцом стала непримиримой, и он не приходил навестить его даже в предсмертные часы. Уильям Руфус и Генри были там, и они постоянно находились у постели отца, но не из принципа сыновней привязанности, а потому, что хотели присутствовать при выражении его последних желаний относительно распоряжения своими владениями. Такое выражение, хотя и устное, было бы обязательным, как завещание. Когда, наконец, король дал свои предсмертные распоряжения относительно престолонаследия, оказалось, что в конце концов он считает свое право на английский трон весьма сомнительным в глазах Бога. В прежние годы он обещал Нормандию Роберту в качестве наследства, когда сам умрет; и хотя он так часто отказывался передать ее ему, пока сам оставался жив, теперь он подтвердил свое право на престол. "Я обещал ему это, - сказал он, - и я выполняю свое обещание; и все же я знаю, что это будет несчастная страна, которая будет находиться под его властью. Он гордый и глупый плут, и никогда не сможет процветать. Что же касается моего королевства Англия, - продолжал он, - то я никому его не завещаю, ибо оно не было завещано мне. Я приобрел его силой и ценой крови. Я оставляю его в руках Божьих, желая лишь, чтобы оно досталось моему сыну Уильяму Руфусу, ибо он во всем был мне покорным". "И что же ты даешь *мне*, отец?" - нетерпеливо спросил Генрих. "Я даю тебе, - ответил король, - пять тысяч фунтов из моей казны". "Но что мне делать с моими пятью тысячами фунтов, - спросил Генрих, - если вы не дадите мне ни дома, ни земли?" "Будь спокоен, сын мой, - ответил король, - и уповай на Бога. Пусть твои братья идут впереди тебя; твой черед наступит после их".

Цель, которая удерживала молодых людей у постели отца, была достигнута, и оба они удалились. Генрих отправился за деньгами, а Уильям Руфус немедленно отправился в

Англию, чтобы подготовить почву для своего восшествия на престол, как только его отца не станет.

Смерть Вильгельма.

Король решил удалиться из своего замка в Руане в монастырь, который находился на небольшом расстоянии от города, без стен. Городской шум беспокоил его, и, кроме того, он считал, что ему будет безопаснее умереть на священной земле. Поэтому он был удален в монастырь. Там, десятого сентября, он был разбужен утром звоном городских колоколов. Он спросил, что это значит. Ему ответили, что колокола звонят к утренней службе в церкви Святой Марии. Он поднял руки, посмотрел на небо, сказал: "Я отдаю себя в руки моей госпожи Марии, святой Богородицы", и почти сразу же скончался.

Оставление тела.

Опасения людей.

Читатели истории часто удивляются внезапным и полным изменениям, которые часто происходят в момент смерти могущественного государя, а иногда и до его смерти, в показателях уважения и внимания, с которыми к нему относятся его приближенные и последователи. В случае с Вильгельмом, как и во многих других случаях с тех пор, в тот момент, когда он перестал дышать, он был полностью покинут. Все бежали, унося с собой все, что могли захватить из покоев: оружие, мебель, платья и тарелки; ведь все эти вещи стали их достоянием после смерти хозяина. Почти невероятно утверждение, что бессердечные чудовища фактически раздели мертвое тело своего государя, чтобы гарантировать все свои доходы, и оставили его обнаженным на каменном полу, пока несли свои призывы в безопасное место. Тело пролежало в таком заброшенном состоянии много часов, потому что весть о смерти великого монарха, столь внезапной, произвела, по мере распространения, всеобщее волнение и страх. Никто не знал, к каким переменам приведет это событие, какие войны последуют между сыновьями, какие мятежи или восстания могли тайно возникнуть, чтобы внезапно вспыхнуть, когда наступит этот кризис. Таким образом, все общество было повергнуто в состояние волнения и смятения.

Тело перевезли в Кан.

Монахи и миряне монастыря, наконец, пришли, взяли тело и приготовили его к погребению. Затем они принесли кресты, лампы и кадила и начали возносить молитвы и петь панихиды об упокоении души усопшего. Послали они и архиепископа Руанского, чтобы узнать, что делать с телом. Архиепископ отдал приказ отвезти его в Кан и поместить в монастырь, который Вильгельм возвел во время своего брака.

Необыкновенные сцены.

История, рассказанная древними историками в связи с погребением, еще более необычна и не соответствует всем представлениям, которые мы естественно формируем о том, какого рода внимание и почести должны быть оказаны останкам столь великого монарха со стороны его домашних и государственных чиновников, чем рассказ о его смерти. Говорят, что все члены его семьи и все его офицеры сразу после его смерти покинули город - все были заняты планами и маневрами, чтобы обеспечить себе положение при новом правлении. Кто-то отправился в погоню за Робертом, а кто-то - за Уильямом Руфусом. Генри запер свои деньги в крепкий ящик, хорошо выглаженный, и отправился с ними на поиски надежного места. Отнести запущенное тело в могилу было некому.

Тело доставили в монастырь на телеге.

Процессия распалась.

Наконец нашелся земляк, который взялся перевезти тяжелую ношу из Руана в Кан. Он раздобыл телегу и доставил тело из монастыря к реке, где его положили на борт судна и повезли вниз по Сене до ее устья, а затем по морю в Кан. Аббат Святого Стефана, так назывался монастырь Вильгельма, прибыл с несколькими монахами и процессией народа, чтобы сопроводить тело в аббатство. Однако во время движения процессии в городе вспыхнул пожар, и сопровождающие, движимые то ли чувством долга, требовавшим помочь в тушении пламени, то ли любопытством свидетелями пожара, покинули похоронный кортеж. Процессия распалась, и вся толпа, духовенство и миряне, отправилась на пожар, оставив гроб с носильщиками в одиночестве. Но носильщики, однако, пошли дальше и донесли свой груз до церкви в стенах аббатства.

Сцена погребения.

Когда пришло время погребения, собралась большая компания, чтобы стать свидетелями церемонии. На полу церкви были выложены камни и вырыта могила. Каменный гроб, своего рода саркофаг, был подготовлен и помещен в могилу в качестве вместилища для тела. Когда все было готово и тело собирались спустить в могилу, из толпы внезапно вышел человек и остановил процесс. Он сказал, что земля, на которой стояло аббатство, принадлежит ему; что Уильям насильно завладел ею для аббатства во время своего брака; что до сих пор он, владелец, был вынужден смириться с этим злом, так как при жизни Уильяма у него не было никаких средств к восстановлению, но теперь он протестует против растраты. "Земля, - сказал он, - моя; она принадлежала моему отцу. Я не продавал ее, не лишался ее, не закладывал и не дарил. Это мое право. Я требую его. Именем Бога я запрещаю тебе класть туда тело расхитителя или засыпать его моей землей".

Когда волнение и удивление, вызванные этим обличением, немного улеглись, епископы отозвали этого неожиданного претендента в сторону, рассмотрели доказательства его утверждений и, убедившись, что дело обстоит именно так, как он изложил, выплатили ему на месте сумму, равную стоимости земли, достаточной для могилы, и обещали немедленно принять меры для выплаты остального. После этого протестующий согласился, чтобы погребение состоялось.

Саркофаг оказался слишком мал.

Тело лопнуло.

Когда тело попытались опустить в приготовленное для него место, оказалось, что саркофаг слишком мал. Они попытались впихнуть тело силой. При попытке это сделать гроб был сломан, и тело, уже успевшее разложиться за время долгой задержки, лопнуло. Монахи принесли ладан и благовония, жгли и кропили ими все вокруг, но тщетно. В церкви царил такой ужас, что все сразу же покинули ее, кроме рабочих, которые остались засыпать могилу.

Вильгельм Руфус овладевает английским тронem.

Пока все это происходило в Нормандии, Вильгельм Руфус поспешил в Англию, взяв с собой свидетельства предсмертного желания своего отца сменить его на английский трон. Не

успел он добраться до штаб-квартиры, как узнал о смерти отца, и ему удалось склонить нормандских вождей к провозглашению его королем. Друзья Роберта попытались отстоять его притязания, но не смогли ничего сделать для него, и вскоре по договору между братьями было решено, что Вильгельм Руфус будет править в Англии, а Роберт должен довольствоваться древним владением своего отца - Нормандией.

Конец.

Сноски:

[A] См. [карту](#) в начале этой главы.

[B] Ее имя пишется по-разному: Арлетт, Арлотт, Харлотт и другими способами.

[C] *Seizin*, древний феодальный термин, обозначающий вступление стороны в законное владение своим правом.

[D] См. [карту](#) в начале главы ix.

[E] См. [карту](#) в главе ix.

[F] См. [карту](#), глава ix.

[G] См. [карту](#), глава ix.

[H] Она подробно описана в последней главе нашей истории Альфреда Великого.

[I] Дети старшего сына Этельреда, Эдмунда, в это время находились в Венгрии и, похоже, были почти забыты.

[J] Латинское название такой печати - *булла*. Именно из-за этого вида печати, которая обычно прикреплялась к ним, папские эдикты получили название *булл*.

[K] *Oyez! Oyez! Oyez!* Нормандско-французское слово, означающее "Слушай! слушай! слушай! слушай!"

Примечания транскриптора

1. Незначительные изменения сделаны для исправления ошибок наборщиков, а также для обеспечения единообразия орфографии и пунктуации в данном тексте; в остальном все усилия были направлены на то, чтобы сохранить верность оригиналу книги.

2. Боковые сноски, используемые в данном тексте, первоначально публиковались в виде баннеров в заголовках страниц и для удобства читателя были перенесены в соответствующий абзац.

3. Нумерация страниц для карты Нормандии изменена со 189 на 190, чтобы отразить ее окончательное расположение в готовом тексте.